

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

10

С О Ц Э К Г И З
1940

Социалистическое воспроизводство рабочей силы и ее использование

Одна из важнейших функций социалистического государства рабочих и крестьян на современном этапе заключается в хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе, осуществляемой государственными органами. Выполнение этой функции имеет исключительное значение для организации социалистического хозяйства, для всемерного укрепления оборонной мощи страны, для расширенного воспроизводства социалистических отношений. В свете этих коренных задач решающее значение приобретает роль государства в области социалистической организации общественного труда.

Проблема создания и воспроизводства рабочей силы — это по существу центральная проблема расширенного воспроизводства социалистических отношений в нашей стране. В этом, в конечном счете, резюмируются все преимущества плановой социалистической системы хозяйства. Поэтому социалистическое государство не может относиться «нейтрально» к вопросам труда, не может предоставлять их самотеку, а должно самым энергичным образом воздействовать на подготовку, расстановку и использование рабочей силы, подчиняя своему плановому регулированию все проблемы организации труда.

В практике нашей¹ плановой и оперативно-хозяйственной работы уделяется много внимания вещным элементам производства: основным и оборотным фондам, денежному финансированию и материальному обеспечению хозяйства.

Однако и теоретически и практически известно, что сами по себе вещные элементы еще не решают судьбы расширенного воспроизводства. Главной производительной силой является трудящийся — рабочий, крестьянин. Полностью овладеть всеми элементами расширенного социалистического воспроизводства — это значит прежде всего научиться планомерно организовывать труд.

Создание рынка труда было одной из основных предпосылок возникновения и развития капитализма. Капитал воспроизводит необходимую ему рабочую силу на основе пролетаризации мелких товаропроизводителей, на основе классовой дифференциации крестьянства, обнищания середняка, на основе разорения кустарей и ремесленников. Чем большее количество людей лишается средств производства, тем шире рынок рабочей силы, готовой наниматься на условиях, продиктованных капиталом. Существование промышленной резервной армии является условием воспроизводства капиталистических отношений. Чем больше развивается капитализм, тем шире рынок труда. Открытые формы городской безработицы, скрытая, застойная форма относительного перенаселения в деревне — таковы источники непрерывного пополнения рядов рабочего класса в условиях капитализма. В эпоху империализма безработица получает особенно широкое распространение, достигает наибольшей остроты. Она становится постоянной, хронической.

Статистика капиталистических стран, приукрашающая действительность, рассчитанная на обман масс, все же не может скрыть того факта, что даже в наиболее богатых капиталистических странах число безработных упорно держится на невиданном в истории высоком уровне.

По данным Американской федерации труда, в разгар промышленного кризиса 1932—1933 г. безработным был каждый третий член профсоюза. После того как низшая точка кризиса была преодолена, в 1934—1935 г. безработным оказался каждый четвертый член профсоюза. И даже в последнее время, когда в промышленности разгорелся военный ажиотаж, в рядах безработных в первом полугодии 1940 г. оставался каждый пятый член профсоюза. И это уже отрадное «улучшение» для капиталистической страны.

В Англии процент безработных среди застрахованных колебался от 22,1 в 1932 г. до 13,1 в 1938 г. Даже в первой половине 1940 г., в разгар войны, здесь насчитывается около 10% безработных.

Аналогичная картина наблюдается и в других странах. Даже по официальным материалам, в основных буржуазных государствах (не считая Китая, Индии и др.) общее количество безработных в 1932 г. составляло 25,9 млн., а в 1938 г.— около 16 млн. Нужно также иметь в виду, что, кроме официальной безработицы, в капиталистических странах насчитываются десятки миллионов бедняков, прикованных к нищенскому наделу земли и представляющих огромную «скрытую» массу безработных.

В буржуазно-помещицкой России правящие классы предпочитали не учитывать безработных. Армия безработных от этого, конечно, не уменьшалась. Даже в лучшие для капитализма годы одних лишь городских безработных насчитывалось не менее 1 млн. человек. По переписям населения Петербурга, Москвы и Баку, в 1911—1913 гг. в этих городах официально числились десятки тысяч безработных. Из деревни в город ежегодно устремлялось до 10 млн. бедняков и малоимущих середняков, за нищенскую оплату продававших свою рабочую силу.

Победа социалистической революции коренным образом изменила условия воспроизводства рабочей силы. Уже к 1930 г. социалистическое государство ликвидировало полностью безработицу в городе и, изменив на социалистической основе всю экономику деревни, добились ликвидации относительного перенаселения. Победа ленинско-сталинской политики социалистической индустриализации в сочетании с успехами социалистической коллективизации сельского хозяйства привела к полному уничтожению безработицы, этого бича пролетариата в буржуазных странах. После того как деревня перестала выталкивать рабочую силу в город, перед промышленностью встал вопрос о создании стимулов к отходничеству, об умении заинтересовать, привлечь колхозника. Более высокий уровень материального благосостояния и культуры явился той притягательной силой, на основе которой строилось организованное привлечение рабочей силы по договорам из колхозов в город, в промышленность, на транспорт, в строительство.

За годы двух сталинских пятилеток условия набора рабочей силы продолжали изменяться. В деревне происходит чрезвычайно быстрый подъем материально-культурного благосостояния масс, резко поднимается образовательный уровень села, сельское хозяйство на наших глазах превращается в отрасль индустриального труда. Между городом и деревней нет антагонистических противоречий, былая противоположность между ними постепенно уничтожается. При этих условиях вопрос о создании новых кадров рабочей силы, необходи-

мых для расширенного воспроизводства социалистической экономики, становится все более сложным.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов товарищ Сталин отмечал, что в нашей стране противоречия между разными классами все более уничтожаются, грани между ними стираются. В этих условиях вопрос о создании новых кадров рабочей силы, необходимых для расширенного воспроизводства социалистической экономики, ставится по-новому. Промышленность, транспорт, строительство не могут развиваться без постоянного пополнения рабочего состава. Расширенное воспроизводство всех отраслей хозяйства связано с громадным увеличением общего количества рабочих и служащих.

Удовлетворение потребностей социалистического хозяйства в дополнительной рабочей силе не может происходить самотеком. В деревне живет сейчас хорошо. Нельзя поэтому рассчитывать на самотек рабочей силы из деревни в город. Между тем расширенное социалистическое воспроизводство не может обходиться без трудовых резервов, которые возмещали бы естественную убыль рабочей силы и необходимое расширение контингентов рабочих. Для социализма поэтому есть только один путь — в плановом порядке, организовано готовить необходимые государству большие резервы обученной рабочей силы. Возможность для расширенного воспроизводства социалистических отношений мы должны создать сами по плану.

Анализируя первые шаги коммунистически объединенного труда в Советской стране, Ленин выделял в качестве характерных основных черт новой организации труда не только отмену частной и установление социалистической собственности на средства производства, не только плановое распределение пролетарской властью продуктов потребления между трудящимися, но и распределение пролетарским государством рабочей силы между различными отраслями производства и предприятиями.

Уже одно это показывает, какое принципиальное значение имеют плановое воспроизводство и распределение рабочей силы для характеристики самых глубоких основ социалистического строя.

Победа социалистической системы хозяйства дала нам возможность осуществить в СССР великое право на труд. Преимущества социалистической системы хозяйства не только исключают возможность возникновения безработицы в нашей стране, но и обеспечивают наиболее полное применение сил и способностей каждого трудящегося. Однако право на труд не отделимо от обязанности трудиться. Хвостистски настроенные, рваческие элементы, хранители традиций капитализма, упрощенно представляют себе право на труд как право работать по собственному усмотрению, по принципу: «где хочу, сколько хочу, когда хочу». Ярким проявлением такого мелкобуржуазного отношения к труду являются летуны, лодыри и нарушители трудовой дисциплины. Но такое отношение к труду идет вразрез с основными интересами общества. Социалистическое государство поэтому не может безразлично относиться к нарушениям кровных интересов народа.

Основной принцип социализма заключается в том, что каждый получает по труду, что мера потребления определяется мерой труда, т.е. количеством и качеством работы, выполняемой каждым для блага общества. Право на труд обозначает поэтому одновременно обязанность работать для блага общества, работать там, где это необходимо в интересах социалистического государства.

Советская молодежь любит свою родину и готова отдать ей все свои силы. Однако среди некоторой части наших юношей и девушек

распространено мнение, что почетнее всего стать инженером, летчиком, артистом. Рассуждая так, люди забывают, что в Советской стране все профессии почетны и что основы успехов нашей родины создают люди, добывающие уголь и нефть, плавящие металл, строящие новые здания, созидающие машины, танки, самолеты. Страна держится прежде всего на усилиях тех миллионов людей, которые создают материальные ценности — материальную базу для развития всего народного хозяйства.

В развитом социалистическом обществе каждый человек должен вносить свою лепту в общее дело создания материальных благ. Личное мы подчиняем общественному, и поэтому общество само должно определять место каждого отдельного гражданина в общественном производстве. Задача социалистического государства заключается в том, чтобы направить усилия граждан по плановому руслу, обеспечить первоочередной организованной приток рабочей силы в решающие отрасли промышленности, транспорт, строительство.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Государственных Трудовых Резервах СССР» и постановление Совнаркома Союза о призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения — важнейшее государственное, историческое мероприятие, обеспечивающее расширенное воспроизводство рабочей силы в нашей стране и тем самым расширенное воспроизводство социалистических отношений.

Указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Совнаркома Союза свидетельствуют прежде всего о том, что государство не может в дальнейшем рассчитывать на самотек в пополнении рабочей силы. Прежние источники пополнения рабочей силы в значительной мере уже исчерпаны. Вместе с тем громадные успехи колхозного производства создали предпосылки для планового передвижения части рабочей силы из колхозов в город.

Колхозы стали теперь зажиточными. Их производство расширилось. Государство перевооружило колхозников современной передовой техникой. Это привело к огромному подъему производительности общественного труда. По имеющимся подсчетам, одно лишь применение тракторов в сельском хозяйстве позволило сэкономить еще в 1937 г. труд 12,6 млн. годовых работников. Вот почему колхозы, обильно вооруженные техникой, имеют теперь полную возможность освободить для промышленности часть работников деревни.

Опыт проведения организованного набора рабочей силы в колхозах показал, что за последние годы в этой области дело было поставлено неудовлетворительно. Еще в июле 1938 г. Совнарком Союза решительно осудил недостатки в постановке набора рабочей силы и принял ряд мер для ликвидации их.

Задачи социалистического государства с каждым днем становятся сложнее, прежние методы работы не отвечают новой обстановке и новым возможностям. Социалистическое государство систематически вкладывает огромные средства в подготовку квалифицированной рабочей силы. Данные Госплана СССР об итогах выполнения второго пятилетнего плана показывают, что для всех отраслей хозяйства школы ФЗУ и другие школы профессионально-технического обучения подготовили за годы второй пятилетки 1,4 млн. квалифицированных рабочих.

Громадные затраты государства на подготовку квалифицированной рабочей силы, однако, в значительной мере обесценивались ее текучестью. Предприятия затрачивали огромные средства на подготовку кадров, а часть работников, закончив обучение, немедленно «улетучивалась». Такое положение было совершенно нетерпимо.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня, запрещающий самовольный переход с одной работы на другую, в большой мере исправил дело. Однако закреплением рабочей силы вопрос не разрешен полностью. Хозяйство наше непрерывно растет. Мы строим новые заводы, которым необходима дополнительная рабочая сила. Кроме того необходимо восполнять естественную убыль рабочей силы на действующих предприятиях. Поэтому подготовка квалифицированных рабочих кадров и создание трудовых резервов должны быть поставлены как важнейшая государственная задача в несравненно больших масштабах, чем до сих пор.

Указ Президиума Верховного Совета СССР, предусматривающий ежегодный призыв для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах, а также в школах фабрично-заводского обучения от 800 тыс. до 1 млн. человек городской и колхозной молодежи, как-раз и решает эту задачу. Все расходы на содержание учащихся, их обучение, питание, общежития и т. д. государство принимает на себя. Молодые люди, окончившие ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, будут считаться мобилизованными и обязаны работать четыре года под ряд на тех государственных предприятиях, куда они будут посланы по указанию Главного Управления Трудовых Резервов при Совнаркоме СССР. На производстве молодые рабочие будут получать заработную плату на общих основаниях.

Основным источником пополнения государственных трудовых резервов СССР будут молодые колхозники, которых выделяют колхозы из расчета по два человека на каждые 100 членов колхоза в возрасте от 14 до 55 лет. Известную часть государственных трудовых резервов составит также городская молодежь.

Создание государственных трудовых резервов в огромной степени укрепляет не только хозяйственную, но и оборонную мощь нашей родины, ее готовность в любой момент отразить нападение врага.

Создание государственных трудовых резервов является вместе с тем мероприятием, которое должно существенно содействовать укреплению социалистической организации труда на производстве, повышению квалификации наших кадров, подъему производительности труда.

* * *

Мы живем в условиях капиталистического окружения. Пламя второй империалистической войны охватило уже сейчас более миллиарда людей. Антагонистические противоречия, раздирающие капиталистический мир, обострены до крайних пределов. Буржуазия всех стран вооружается до зубов. Миллионы жизней приносятся в жертву ненасытному молоху войны. Огромные массы трудящихся, еще не одетых в серые шинели и остающихся в «тылу» капиталистических стран, несут на себе бремя войны.

Империалистическая война является продолжением той политики, которую правящие классы проводили и в «мирное» время. Поэтому в то время, когда прибыли пушечных королей и других магнатов капитала растут сказочными темпами, массы рабочих и крестьян изнывают под ненавистным ярмом бешеной эксплуатации. Уступки, которых добился пролетариат в напряженной борьбе, буржуазия сводит на-нет самым беззастенчивым образом. Во имя интересов капитала рабочих насильно заставляют работать по 10—12—14 часов в сутки, а нередко и того больше. Интенсификация труда принудительно повышается доотказа. Опрокинуты физиологически допу-

стимые границы рабочего дня, уничтожен воскресный и праздничный отдых. Непрерывно снижается заработная плата, растут налоги. Миллионы тружеников капиталистического мира изнемогают под тяжестью завинченного доотказа пресса эксплуатации.

Что практически означает война для рабочего класса, ярко показывают исторические примеры. В результате изучения нищенских заработков рабочих в капиталистической России, Ленин рассчитал, что пролетарий России зарабатывал в 1908 г. в среднем 20 р. 50 к. в месяц или 246 руб. в год; в то же время каждый рабочий в среднем приносил капиталисту 252 руб. прибыли в год. Подсчеты, произведенные нами тем же методом, которым пользовался Ленин, показывают, что в годы первой империалистической войны присвоение прибавочного труда и степень эксплуатации резко возросли. Если в 1908 г. рабочий получал плату примерно только за 5½ часов, остальные же 5½ часов в день он вынужден был работать на капиталиста даром, то в 1915 г. положение было несравненно хуже. Средний заработок рабочего достиг в это время 365 бумажных рублей в год, а средняя прибыль, приносимая рабочим капиталисту, составила уже 704 руб. в год. Учитывая, что с 1908 по 1915 г. бумажный рубль значительно обесценился, легко понять, что реальный уровень заработной платы сильно сократился, но прибыли капиталистов в то же время достигли фантастических размеров, ибо на каждый рубль выплаченной заработной платы капиталист присваивал себе около двух рублей. Иначе говоря, из обычного в годы войны 12-часового рабочего дня капитал присваивал себе почти 8 часов¹.

Капиталистическая Россия не являлась исключением. В передовой стране капитализма — Соединенных Штатах Америки — положение пролетариев было не лучше. Хваленая «высокая» заработная плата в США представляет собой не менее изощренную форму обмана, чем низкая оплата в других странах. По исчислениям акад. Е. С. Варга, на каждую сотню долларов, выплаченную рабочим, американские капиталисты присваивали себе в 1899 г. 128 долл. прибавочной стоимости, а в 1929 г. норма эксплуатации значительно возросла: на каждую сотню долларов выплаченной заработной платы капиталисты присваивали себе 158 долл. Это значит, что из каждых 10 отработанных часов необходимое рабочее время составляет примерно 4 часа, а 6 часов капиталист присваивает себе безвозмездно в виде прибавочного труда.

Если еще до современной империалистической войны капитал присваивал себе бесплатно около 60% рабочего дня в виде прибавочного труда, то во время войны это оказалось недостаточным для эксплуататоров. Соотношение необходимого и прибавочного труда, резко изменяется: рабочего насильно заставляют отдавать капиталисту несравненно больше прибавочной стоимости, чем это было раньше. Прибыли капиталистов бешено возросли. Так, фантастических размеров достигли сверхприбыли американских промышленников. По отчету «Нейшенэл Сити банк», чистая прибыль 960 ведущих промышленных компаний увеличилась в 1939 г. до 1 281 млн. долл. против 647 млн. долл. 1936 г. По данным американской печати за первый квартал 1940 г., 340 крупных американских трестов получили 336 млн. долл. чистой прибыли, или на 74% больше, чем за тот же период 1939 г. В том же квартале 1940 г. американские станкостроительные фирмы получили прибыли на 490%, а сталелитейные на 331% больше, нежели за тот же период 1939 г. За один лишь первый

¹ Расчеты составлены нами по материалам книги «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», М. 1926, стр. 103 и 115.

квартал 1940 г. фирма «Дженерал Моторс» получила 53 млн. долл. чистой прибыли.

Чем острее противоречия в лагере капитала, тем больше бдительности требуется от трудящихся нашей родины. Капиталистический мир ненавидит страну социализма прежде всего потому, что она является живой пример освобожденного труда, торжествующего социализма. Чем больше вооружаются капиталистические страны, тем сильнее должна быть мобилизационная готовность всего советского народа, чтобы никакие «случайности» и фокусы наших врагов не застали нас врасплох. Советские люди хорошо знают волчьи законы капитализма, знают, что капиталисты привыкли уважать только реальную силу. За годы Советской власти СССР далеко ушел от былой отсталости, давно преодолел былую слабость буржуазно-помещичьей России. Нашу хозяйственную и оборонную мощь признают теперь все, даже враги. Но в капиталистическом мире нет недостатка в авантюристах, в безрассудных политиках, легко теряющих голову. Поэтому сейчас, когда капиталистический мир неимоверно повышает производство всех видов вооружения, мы обязаны еще более крепить оборону страны, совершенствовать техническое оснащение нашей славной Красной Армии, Военно-морского и Военно-воздушного флотов. Сложная международная обстановка требует от нас огромного напряжения сил и самоотверженного труда. Надо ускоренными темпами крепить оборонную мощь Советской страны, обеспечить непрерывный рост продукции нашей социалистической индустрии. Страна должна располагать сейчас гораздо большим количеством металла, угля, нефти, самолетов, танков, пушек, снарядов, паровозов, станков, автомобилей, большим количеством продукции всех отраслей нашего народного хозяйства.

Переход на восьмичасовой рабочий день и семидневную неделю и запрещение самовольного ухода с работы, осуществляемые по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня, являются поэтому мероприятиями, увеличивающими мобилизационную готовность нашей родины.

Наша социалистическая революция наглядно и ощутимо показала каждому рабочему, служащему, колхознику свои реальные плоды. Советские люди на опыте многих лет убедились в том, что они работают на себя. В Советской стране нет места антагонистическому делению рабочего дня на необходимое и прибавочное время. Уничтожив эксплуатацию человека человеком, мы тем самым уничтожили в нашей стране прибавочный труд на капиталистов и помещиков. Все рабочее время превращено у нас в необходимое рабочее время. Поэтому каждая дополнительная тонна металла, угля, нефти, каждый дополнительный автомобиль, танк, каждый новый метр ткани, который производят наши рабочие, идет на пользу обществу. Вот почему советский народ воодушевлен желанием работать возможно лучше, возможно более производительно, добиться того, чтобы наш самый короткий в мире рабочий день был в то же время и самым производительным.

Значение Указа Президиума Верховного Совета СССР не ограничивается, однако, тем, что в вводимых им мероприятиях заложена возможность непосредственного увеличения выпуска продукции. Не менее важное значение имеет этот Указ как фактор высшей организации труда и создания социалистической культуры на производстве, как важнейшая предпосылка экономии рабочей силы, значительного роста производительности труда, улучшения всех качественных показателей, лучшего использования оборудования, снижения себестоимости.

* * *

Советская страна добилась исключительно высоких темпов повышения производительности труда. Достаточно сказать, что с 1913 по 1938 г. народный доход, приходящийся на душу трудоспособного населения, увеличился в четыре раза. Уже сам по себе этот синтетический показатель производительности всего общественного труда свидетельствует о том, что преимущества социалистического хозяйства позволяют нам поднимать выработку рабочего и крестьянина такими темпами, какие не доступны ни одной капиталистической стране.

Годовая производительность труда в промышленности СССР в 1938 г. была выше, чем в 1913 г., в 3,7 раза (часовая выработка рабочего за это время увеличилась более чем в пять раз). За годы первой пятилетки производительность труда рабочих в промышленности поднялась на 41%, во второй пятилетке — на 82%. Первые два года третьей пятилетки также отличаются высокими темпами роста производительности труда: в 1938 г. производительность труда выросла на 11%, в 1939 г. — на 16,7%. Эти темпы сделали практически возможным осуществление в 4 года третьей пятилетки по производительности труда.

Ни одна капиталистическая страна не может противопоставить в отношении подъема производительности труда достижений, которые хоть сколько-нибудь были бы похожи на наши. По официальным данным, опубликованным Лигой наций, можно видеть, что на протяжении последнего капиталистического цикла, длившегося с 1929 по 1937 г., средняя годовая выработка промышленного рабочего во всем капиталистическом мире поднялась всего лишь на 4%. При этом в США она была в 1937 г. на 3% ниже, чем в 1929 г.; во Франции она снизилась за это время на 8%; в Италии — на 5%, и лишь в Германии и Англии она поднялась на 10%.

Фактические материалы еще раз подтверждают то теоретическое положение, что подъем производительности труда при капитализме не носит характер безусловного закона и процесс этого подъема чрезвычайно антагонистичен. Только социалистическая система хозяйства, при которой производственные отношения полностью соответствуют характеру производительных сил, дает возможность непрерывного и систематического подъема производительности труда. Только при социализме непрерывный подъем производительности общественного труда приобретает характер безусловного закона.

Капиталистическая организация наемного труда держится на беспощадной экспроприации производителей, на самой бешеной эксплуатации наемных рабочих. Капиталистическая организация труда связана с постоянным нарастанием абсолютного и относительного обнищания пролетариата, с беспрестанным разорением мелких товаропроизводителей — крестьян. Развитие производительных сил при капитализме происходит за счет непрерывного обнищания рабочего класса. Используя приемы технического нормирования и «научной» организации труда, заставляя рабочего в каждый час труда отдавать втрое больше напряжения, втрое больше здоровья, капитал разрабатывает наиболее экономные методы работы.

Но каждый шаг технического прогресса капитал обращает против рабочего, подчиняя всю организацию труда алчной погоне за прибылью.

Анархия капиталистического производства, конкуренция между капиталистами неизбежно приводят к огромным потерям общественного труда, в которых раскрывается органическая неспособность ка-

питала упорядочить и разумно организовать труд в общественном масштабе.

Поскольку всякое повышение производительности труда при капитализме неизбежно приносит с собой обогащение капиталиста и дополнительное обнищание рабочего, пролетарии враждебно относятся к содержанию своего труда на капиталиста. Это основное антагонистическое противоречие в капиталистической организации труда является огромным тормозом в развитии производительных сил при капитализме.

В романе Джона Стейнбека «Гроздь гнева», ярко раскрывающем картину разорения фермеров в США, прекрасно обрисованы ощущения рабочего, превращенного в безгласный придаток машины. У мелкого производителя — крестьянина, фермера — сохраняется еще иллюзия самостоятельности, работы на самого себя. Он кровно связан с землей, любит ее. Он разминает пальцами горячие комья земли, с трепетом ждет всходов. По-иному воспринимает свой труд наемный пролетарий. Между ним и орудиями производства, принадлежащими капиталисту, нет никакой связующей нити. Рабочий-тракторист воспринимает трактор как тупоносое чудовище, которое владеет его руками, его мускулами, его мозгом. В очках, в резиновой маске, защищающей от пыли рот и нос, он даже своим внешним видом похож на придаток к трактору, на робота, посаженного на железное сиденье. Рабочий-тракторист не вдыхает с упоением запахи земли. Наглазники очков затемняют окружающий мир, маска, словно намордник, приглушает его речь. Наемный рабочий-тракторист каждую минуту ощущает, что трактор, на котором он работает, не принадлежит ему. Поэтому он выполняет свои обязанности без всякого подъема, без интереса. Он ненавидит свою работу, ненавидит строй, который превращает его, живого человека, в машинную деталь.

Эти чувства и настроения рабочего в странах капитала остро изображают и многие другие честные писатели, видящие капиталистическую действительность как она есть.

В книге «Путешествие на край ночи» Луи Селин рассказывает, как человек с высшим образованием нанимается в качестве рабочего на завод и как ему разъясняют его функции: «Вы пришли сюда не для того, чтобы думать, а для того, чтобы проделывать те движения, которым вас научат... Нам не нужны на заводе люди с воображением, нам нужны шимпанзе. И еще один совет: никогда не говорите здесь о своих способностях. Думать на заводе будут за вас другие. Советую вам это запомнить». Получив работу, такой пролетарий превращается в простой придаток машины. Машина властвует над ним. Он работает в отупении, словно в бреду. Никто с ним не разговаривает, никому дела нет до его переживаний.

* * *

Быстрые темпы подъема производительности труда в СССР объясняются тем, что с первых же дней своего существования Советская власть начинает создавать свою, новую, социалистическую организацию труда. Высокие темпы подъема производительности общественного труда у нас находят свое основное объяснение в громадных преимуществах социалистической системы хозяйства.

Огромное преимущество социалистической системы хозяйства состоит в том, что у нас ликвидированы паразитические классы, которые не принимают никакого участия в общественном труде. Если вспомнить, что в дореволюционной России на долю капиталистических классов приходилось 15,9% населения, живущего эксплуатацией чужого труда ясно станет, какое колоссальное народнохозяйственное

значение имеет уничтожение этой массы тунеядцев и привлечение к труду всего населения.

Бесспорное преимущество социалистической системы хозяйства состоит также в том, что она уничтожает огромную армию безработных. В странах капитализма каждый шестой или восьмой пролетарий не участвует в общественном труде, так как не имеет возможности применить свою рабочую силу. В Советском же Союзе, где безработица полностью уничтожена, где установлена всеобщность труда, общество избавлено от огромных потерь рабочей силы.

Большим преимуществом социализма является и то, что, уничтожив капиталистические классы, он приобщил к производительному труду громадные кадры домашней прислуги, обслуживавшей капиталистические классы, обеспечивавшей их роскошь и безделье.

Громадное преимущество социалистического хозяйства заключается в том, что оно развивается по единому плану социалистического государства и избавлено от анархии производства и опустошительных кризисов, сопровождающихся прямым разрушением производительных сил. Плановость в социалистической системе хозяйства обеспечивает нам возможность наиболее разумного и целесообразного использования сил природы, тогда как капитализм относится к ним чрезвычайно хищнически в силу частной собственности на средства производства. Плановость социалистического хозяйства способствует наиболее рациональному размещению производительных сил, при котором промышленность максимально приближается к источникам сырья и к районам потребления, вследствие чего происходит большая экономия в затратах общественного труда. Из плановости социалистического хозяйства вытекает также возможность наилучшего кооперирования и специализации производства, наилучшей организации управления обобществленного социалистического хозяйства.

Совершенно исключительное значение для подъема производительности общественного труда в СССР имеет техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, осуществляемое по плану социалистического государства. Достаточно сказать, что энерговооруженность рабочего в нашей промышленности выросла с 1928 по 1937 г. более чем в 2,3 раза. Во всех отраслях народного хозяйства широко применяется механизация труда, замена ручного труда работой механизмов. Добыча каменного угля была механизирована в 1938 г. на 90%, добыча торфа (гидроторф, гидроэлеваторный, багерный и фрезерный) — на 55%, вывозка леса — на 38% и т. д.

Победа социализма, давшая громадный толчок развитию техники, позволяет вводить такие формы техники, которые не доступны капитализму. В качестве примера можно упомянуть хотя бы о зарождении в СССР новой отрасли промышленности — подземной газификации угля, об осуществлении широкого плана электрификации всего народного хозяйства на основе создания единой высоковольтной сети и т. п.

Громадное влияние на подъем производительности труда оказывает, наконец, невиданное в мире повышение материального и культурного уровня трудящихся. Подъем благосостояния рабочих, крестьян и интеллигенции является важнейшим законом развития социалистической экономики. За одну только вторую пятилетку реальная заработная плата рабочих увеличилась более чем вдвое. Наряду с этим идет процесс непрерывного повышения культурно-технического уровня рабочих. За две сталинских пятилетки школы фабрично-заводского ученичества выпустили 1,6 млн. квалифицированных рабочих и работниц. С помощью разнообразных форм технической учебы

было подготовлено во второй пятилетке около 6 млн. квалифицированных работников.

Огромные преимущества социалистической системы хозяйства, непосредственно влияющие на подъем производительности общественного труда, получили свое выражение в социалистической форме кооперации работников. Ее основные черты сводятся к следующему.

Во-первых, в основе социалистической кооперации работников лежит общественная собственность на средства производства. Это значит, что на наших государственных предприятиях и в учреждениях, в наших колхозах и кооперативах нет ни эксплуататоров ни эксплуатируемых. Руководители и непосредственные исполнители объединены общностью интересов. Отсюда вытекает, что каждый работник трудится на себя, на свое социалистическое общество.

Во-вторых, масштабы и границы социалистической кооперации определяются объемом всего планового социалистического хозяйства. Если капитал в погоне за прибылью организует и упорядочивает труд только в пределах отдельного предприятия, тогда как во всем хозяйстве царит хаос, то при социализме масштабы планомерного сотрудничества расширяются: труд упорядочен не только внутри каждого отдельного предприятия, но и в пределах всего народного хозяйства.

В-третьих, социалистическая кооперация основана на добровольном сознательном объединении усилий трудящихся. При капитализме связь работ является следствием стихийного движения капитала и практически олицетворяется в авторитете капиталиста, во власти чужой воли, которая подчиняет деятельность работников своим эксплуататорским целям. При социализме же люди работают на себя, связь их работы устанавливается непосредственно. Отсюда иное отношение к труду. «Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать,— он герой труда, он овеян славой»².

В-четвертых, важнейшей чертой, отличающей социалистическую кооперацию, является устранение навязанной капитализмом конкуренции среди рабочих и развитие подлинно социалистических форм соревнования, при которых сильный не притесняет слабого, а помогает ему, при которых усилиями всего коллектива обеспечивается общий подъем. Социалистическое соревнование содействует выделению и выявлению десятков и сотен тысяч талантливых организаторов, растущих снизу, из гущи трудящихся.

В-пятых, социалистическая кооперация органически связана с созданием и укреплением новой, сознательной, социалистической дисциплины труда. Порожденная новым способом производства, социалистическая дисциплина труда является новой формой общественной связи между людьми. Она выступает как форма свободной, сознательной организации трудящихся. Для громадного большинства, для основной массы трудящихся новая, социалистическая дисциплина является товарищеской, добровольной, основанной на убеждении. Сознательный характер дисциплины не исключает, конечно, принуждения по отношению к нарушителям трудовой дисциплины, к тем, кто отлынивает от труда.

В-шестых, одной из коренных особенностей социалистической кооперации труда является то, что она органически связана с установлением общественного контроля над мерой труда. Мера труда при

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 500.

социализме определяется не только рабочим временем и квалификацией работника, но и нормой выработки. Громадную роль в деле укрепления новой дисциплины труда играет техническое нормирование труда. Технические нормы лежат в основе планового хозяйства, подтягивают отстающих к уровню передовых. Исторический опыт ломки стахановцами прежних норм и установления новых норм социалистического труда выразительно говорит о значении нормирования. Ленин придавал исключительное значение нормированию труда. «Главное: нормы (т.-е. сколько человек на такую-то сумму работы)»³, — писал он. Об исключительном значении технических норм при социализме говорил и товарищ Сталин на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев.

В-седьмых, социалистическая кооперация связана с установлением новых форм управления — единоначалия советского руководителя, облеченного доверием народа и выражающего волю самого социалистического общества. Всякий совместный труд нуждается в управлении. При капитализме это управление осуществляется капиталом и носит деспотический характер. Капитал содержит целую гвардию офицеров и унтер-офицеров промышленности, чтобы подчинять рабочих, подавлять их волю. Единоначалие советского руководителя носит совершенно иной характер. Наш директор, начальник цеха является уполномоченным государства, выразителем коренных интересов рабочих и крестьян.

В-восьмых, одна из основных черт социалистической кооперации — создание новых стимулов к труду. При капитализме личная заинтересованность является результатом волчьих нравов: «каждый за себя, один бог за всех». Иной характер носит заинтересованность работников при социализме. Здесь весь коллектив кровно заинтересован в подъеме производительности социалистического труда, здесь каждый отдельный член коллектива понимает, что его собственное благополучие зависит от успехов общего дела. Поэтому личные интересы у нас не только сочетаются с общественными, но и подчиняются им. Труд на общество — это труд на себя, и успехи общего дела каждый непосредственно ощущает в своем личном быту. Отсюда вытекает коренное изменение законов распределения продуктов общественного труда. Неотъемлемой чертой социализма является распределение по количеству и качеству труда.

В-девятых, социалистическая кооперация уничтожила прежнее, капиталистическое разделение труда. По мере развития социализма все больше стираются остатки былой противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Громадный культурно-технический подъем трудящихся, достигнутый уже сейчас, и тот решительный шаг вперед, который намечен в этом направлении в третьей пятилетке, создают огромнейшие предпосылки для постепенного полного уничтожения былых противоположностей.

В-десятых, социалистическая кооперация характеризуется решительным изменением и революционизированием всей технической базы труда. Капиталист применяет лишь ту машину, которая позволяет ему экономить на оплачиваемой части труда и тем самым увеличивать количество присваиваемого им прибавочного труда. Социалистическое общество заинтересовано в применении всякой машины, которая позволяет экономить затраты живого труда. Поэтому социализм открывает широкие возможности применения новой техники, основанной на электричестве, на внедрении автоматов. Здесь практически осуществляется то, что предвидел Маркс, когда писал: «...в коммунистиче-

³ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 426.

ском обществе машины нашли бы совершенно иную арену, чем в буржуазном обществе»⁴.

Таким образом, социалистическая кооперация — это та форма сотрудничества, которая служит базой социалистической организации труда и неограниченного развития производительных сил социализма. Социалистическая организация труда, обеспечивающая высокий уровень производительности его, является важнейшей экономической основой социалистического общества.

* * *

Высокая производительность труда в социалистическом обществе — необходимое условие победы коммунизма. Из преимуществ социалистической системы хозяйства вытекает таким образом возможность непрерывного подъема производительности труда, достижение такого уровня выработки рабочего, какой не доступен капитализму. От наших объединенных усилий, направленных по единому плану социалистического государства, зависит превращение этой возможности в действительность.

Быстрые темпы подъема производительности труда во всех отраслях народного хозяйства подтверждают, что нами уже немало сделано для того, чтобы претворить в жизнь преимущества, вытекающие из нового общественного строя. Однако до сих пор нами сделано еще далеко не все возможное, не все доступное в наших условиях.

В самом деле. Бесспорным является тот факт, что мы поднимаем производительность труда быстрее, чем любая капиталистическая страна. Однако это обстоятельство не должно заслонять перед нами другого, не менее важного факта, — что по уровню производительности труда мы все еще основательно отстаем от ряда капиталистических стран. Достаточно сказать, что в США выработка рабочего во всей промышленности выше, чем в СССР, приблизительно в 2,5 раза. По отдельным же важнейшим отраслям промышленности различие между уровнем труда в СССР и в США еще более велико: так, например, в угольной промышленности выработка в США в 2,6 раза выше, чем у нас, в сахарной — в 3,3 раза, в железорудной — в 3,8 раза, в основной химической промышленности — в 2,8 раза и т. д. В целом ряде отраслей промышленности мы не заняли еще первого места в Европе по уровню средней выработки рабочего. Правда, отдельные стахановцы достигают нередко таких показателей производительности труда, каких не сумели добиться лучшие капиталистические предприятия. Однако это не снимает факта значительного отставания уровня средней выработки рабочего у нас.

Отставание СССР от наиболее развитых капиталистических стран в показателях средней производительности труда объясняется прежде всего тем тяжелым наследием, которое осталось нам от царизма. Отставание дореволюционной России в области производительности труда было очень глубоким. Достаточно сказать, что уровень производительности труда в рабовладельческой Америке 1860 г. был на 60% выше, чем в царской России в 1908 г. Донецкий угольный рабочий выработал в 1913 г. 153 т угля, тогда как в США в том же году выработка на 1 рабочего-угольщика достигла 759 т угля. Выплавка чугуна на 1 рабочего в России в 1913 г. составила 205 т, а в США — 811 т. В хлопчатобумажной промышленности царской России выработка рабочего-текстильщика в 1913 г. была в четыре раза меньше, чем в США.

⁴ М а р-к с, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 298.

В весьма короткий исторический срок — за две сталинские пятилетки — Советская страна сумела добиться такого подъема производительности труда в промышленности, на достижение которого капиталистические страны затрачивали 50—100 лет. Однако и капиталистические страны хотя и медленно, но все же двигались вперед, и наше отставание в среднем уровне выработки рабочего все еще далеко не преодолено. Ясно поэтому, что нам нельзя успокаиваться на достигнутом, а необходимо весьма критически рассмотреть свои достижения в области организации труда и изучить те богатейшие возможности, которые открыты перед нами.

Первым условием дальнейшего подъема производительности труда и улучшения всей организации труда на производстве является усовершенствование техники. Уже сейчас Советская страна добилась того, что по уровню техники, по ее совершенству и новизне мы вышли на первое место в Европе. Однако было бы чрезвычайно вредно почитать на лаврах. Недаром в решениях XVIII съезда партии предусмотрен такой объем капитальных вложений в третьей пятилетке, который превышает всю сумму вложений, произведенных за первую и вторую пятилетки вместе взятые.

Количество машин на душу населения у нас все еще ниже, чем в наиболее развитых капиталистических странах. В США даже абсолютное количество машин и других видов оборудования все еще выше, чем у нас, примерно, в 3—4 раза. В ряде важнейших отраслей хозяйства Германии и Англии размеры производственного аппарата также больше, чем в СССР. К тому же техника в странах капитализма не стоит на месте, а непрерывно совершенствуется. У нас внедрение новейших видов оборудования нередко еще происходит чрезвычайно медленно. Самый процесс освоения новых конструкций и их введение в производство отнимают слишком много времени. Было бы весьма ошибочно поэтому самообольщаться нашими достижениями в области техники. Из этого следует вывод, что для подъема производительности труда необходимы непрерывное техническое совершенствование, дальнейший рост технической базы социализма.

Дело, однако, не только в технике: техника без людей мертва. Чтобы двинуть вперед нашу технику, чтобы наилучшим образом использовать все наше техническое вооружение, необходимо поднять на высшую ступень всю организацию труда на производстве. А здесь все зависит от людей, ибо главной и решающей производительной силой социалистического общества являются сами трудящиеся.

* * *

Первым, элементарным условием социалистической организации труда является неуклонное осуществление самой крепкой, социалистической дисциплины труда. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. является тем основным и краеугольным мероприятием, которое создает нерушимый фундамент всей социалистической организации труда.

В соревновании двух миров Советская страна должна в кратчайшие исторические сроки добиться высших норм производства в расчете на душу населения. Решительный подъем выработки рабочего — основной путь к коммунистическому изобилию. Если бы уровень производительности труда, достигнутый стахановцами, стал сейчас средним уровнем производительности всех наших рабочих, мы могли бы добиться значительного ускорения сроков выполнения основной экономической задачи СССР. Методы стахановской работы должны войти в обиход всех трудящихся нашей страны. Чтобы достигнуть этого,

необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с элементарными нарушениями трудовой дисциплины, с которыми слишком долго уживались на производстве.

Лодырь и прогульщик наносит производству ущерб не только тем, что он сам не дает продукции, но и тем, что нарушает поток производства, задерживает и тормозит работу целого коллектива. По приблизительным подсчетам, ущерб, нанесенный нашей промышленности прогульщиками, измерялся за годы второй пятилетки потерей продукции на сумму около 3 млрд. руб. (в неизменных ценах 1926/27 г.). Уже это одно говорит об огромном экономическом значении борьбы за железную дисциплину труда.

Дело, однако, не сводится только к этому непосредственному ущербу. Текучесть рабочей силы разрушительным образом действовала на всю организацию труда на производстве. Опасаясь невыхода на работу некоторого количества рабочих, хозяйственники под всякими благовидными и неблагоприятными предлогами задерживали излишнее количество рабочей силы. Особенно наглядно эти излишества обнаруживаются в организации вспомогательных работ. Стахановская работа не терпит разгильдяйства, каких бы то ни было проявлений расхлябанности. Там, где лодыри и прогульщики чувствовали себя безнаказанно, не могло успешно развиваться стахановское движение. Вот почему передовые люди советской промышленности, стахановцы и ударники, решительно выступают против примиренческого отношения к нарушителям трудовой дисциплины. Указ от 26 июня является воплощением и реализацией требований передовой части трудящихся нашей страны; он выражает волю всего советского народа. Стахановцы, ударники стремятся сегодня работать лучше и больше, чем вчера. Они предъявляют высокие требования к себе и ко всем своим товарищам по работе.

В одной из своих ранних философских работ «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс писали: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»⁵.

Эта мысль находит свое яркое подтверждение на опыте нашей страны. Остатки старого в сознании людей весьма живучи. Переделка людей, их коммунистическое воспитание являются поэтому делом длительным и сложным. Упорная борьба за переделку сознания людей происходит на всех этапах диктатуры рабочего класса. Она носит острый характер. Враги социализма всячески пытаются использовать в своих целях пережитки прошлого. Косность, буржуазные традиции используются капиталистическим окружением и осколками разбитых классов для их попыток сорвать успехи социализма, для попыток реставрации капитализма. Смена подневольного труда на эксплуататоров свободным трудом на себя протекает не без трудностей. Ленин писал: «Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

Это — благороднейшая и благороднейшая работа»⁶.

Противопоставляя пролетарскую установку в вопросах дисциплины труда мелкобуржуазным взглядам, Ленин решительно ополчается против тунеядства, рвачества, хвостизма, отсталости. Ленин неодно-

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 60.

⁶ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 151.

кратно подчеркивал, что борьба за новую дисциплину труда — одна из важнейших и решающих новых форм классовой борьбы в эпоху диктатуры рабочего класса.

На историческом опыте социалистического строительства мы имели возможность наглядно убедиться в том, что борьба за дисциплину труда происходила в условиях ожесточенного сопротивления врагов.

Передовая часть рабочего класса начала борьбу за трудовую дисциплину с первых же дней после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако нашлась предательская группа так называемых «левых коммунистов» во главе с подлыми врагом народа Бухариным, которая, объединившись с троцкистами, анархистами, меньшевиками и эсерами, выступила против ленинских установок в коренных вопросах революции, и в том числе в вопросах дисциплины труда. Предатели стали на защиту лодырей и кулаков, восстававших против пролетарской дисциплины. Ленин тогда же решительно разоблачил мелкобуржуазный характер наскоков на партию со стороны «левых коммунистов» и иже с ними.

Ленин ставит вопрос с присущей ему остротой и последовательностью. Он требует, чтобы ни один жулик, отлынивающий от труда, не оставался на свободе, а обязательно был бы посажен в тюрьму. Ленин настаивает на необходимости решительно, без малейших послаблений, расправляться со всеми рвачами и тунеядцами, которые относятся к социалистической фабрике, к народному достоянию как к источнику личной наживы. Настаивая на проведении заповеди социализма: «Кто не работает, тот не ест», Ленин требует применения самых жестких мер воздействия по отношению к дезорганизаторам: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми»⁷.

Чем разнообразнее формы и меры воздействия, чем серьезнее борьба, тем вернее будет успех социализма.

Последовательно развивая и проводя в жизнь мысль Ленина, товарищ Сталин развертывает знамя борьбы за крепчайшую дисциплину труда. «Десятки и сотни тысяч рабочих дней теряются для промышленности ввиду прогулов, — говорил товарищ Сталин. — Сотни тысяч и миллионы пропадают ввиду этого в ущерб нашей промышленности, в ущерб индустрии. Мы не можем двинуть вперед нашу индустрию, мы не можем поднять заработную плату, если не прекратятся прогулы, если производительность труда застрянет на одной точке»⁸.

Эти указания Ленина и Сталина были программой нашей деятельности во все годы борьбы за социализм. Если в годы гражданской войны, в период, когда еще происходило деклассирование части рабочего класса, насчитывалось более 20 дней прогула на 1 рабочего, то уже в 1925 г., когда страна заканчивала процесс восстановления народного хозяйства, прогулы снизились втрое и составили 7,4 дня на рабочего. В годы борьбы за социалистическую индустриализацию партия добилась дальнейшего снижения прогулов, и в 1929 г. в среднем на рабочего приходилось 4,1 дня прогула.

На XVI съезде партии, определяя основные линии борьбы за подъем производительности труда, товарищ Сталин указал, что, опираясь на создание новой техники, мы осуществляем решение этой задачи

⁷ Там же, т. XXII, стр. 166—167.

⁸ Сб. «Ленин и Сталин о труде», Профиздат, 1940, стр. 436.

по трем линиям: путем улучшения материального положения трудящихся, насаждения товарищеской дисциплины труда, организации социалистического соревнования и ударничества.

В 1931 г., когда в стране широко развернулась работа по реконструкции, в ряды рабочего класса влились миллионы новых людей. В этой связи проблема социалистической организации труда встала с особой остротой. Новая обстановка потребовала иных приемов работы, решительного улучшения хозяйственного руководства, коренного преодоления отставания в области организации труда. Обезличка и порожденная ею функционалка, текучесть рабочей силы, неправильная расстановка людей, недостатки в организации бытового обслуживания рабочих, недостаточная борьба за квалифицированные кадры, неправильное использование старых специалистов, пренебрежение к хозяйственному расчету — таковы были многообразные проявления отставания в организации труда. Прогулы, простои, текучесть, брак, растрата рабочего времени приносили хозяйству огромные потери. Речь товарища Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. дала программу действий, программу победы.

Партия потребовала от хозяйственников решительной борьбы с нарушителями трудовой дисциплины. Изданное в конце 1932 г. постановление правительства предусматривало увольнение за 1 день неявки на работу по неуважительной причине. Прогульщик лишался продовольственных карточек. Это мероприятие дало заметные результаты. В 1934 г. прогулы по неуважительным причинам снизились против уровня 1932 г. почти в 9 раз. Неявки по так называемым уважительным причинам уменьшились на треть. Пошла на убыль также и текучесть рабочей силы.

Вопросы трудовой дисциплины, однако, ни на одну минуту не снимались с порядка дня. Выступая в феврале 1933 г. на I-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников, товарищ Сталин говорил: «...социализм строится на труде. Социализм и труд неотделимы друг от друга. Ленин, наш великий учитель, говорил: «Кто не трудится, тот не ест». Что это значит, против кого направлены слова Ленина? Против эксплуататоров, против тех, которые сами не трудятся, а заставляют трудиться других и обогащаются за счет других. А еще против кого? Против тех, которые сами лодырничают и хотят за счет других поживиться. Социализм требует не лодырничания, а того, чтобы все люди трудились честно, трудились не на других, не на богатеев и эксплуататоров, а на себя, на общество»⁹.

Осуществляя указания товарища Сталина, партия и советское правительство вели настойчивую борьбу за дальнейшее укрепление дисциплины труда. Чем дальше, тем больше внедрялось в сознание самых широких масс понимание того, что прогульщик, лодырь, нарушитель трудовой дисциплины — злейший враг социалистического общества, человек, который хочет жить за счет самоотверженного труда честных рабочих. Воля советского народа в отношении прогульщиков и других нарушителей трудовой дисциплины ясна, тверда и непреклонна. В распоряжении советского государства есть достаточно средств, чтобы заставить кучку бездельников преклониться перед волею народа, перед требованием громадного большинства трудящихся. Советский народ знает, что великое право на труд и обязанность трудиться представляют неразрывное целое.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. дал в руки наших хозяйственников чрезвычайно действенное оружие для выкорчевывания всех и всяческих нарушений трудовой дисциплины,

⁹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 418.

срывающих успехи социалистического строительства. Прекращение самовольного ухода с предприятий и упорядочение трудовой дисциплины решительно оздоравливают организацию труда. Миллионы фактов ежедневно и ежечасно подтверждают, как плодотворно отразился этот Указ на выпуске продукции, на подъеме производительности труда. Многие предприятия, длительно не выполнявшие плана, стали в последнее время работать уплотненно, давать больше продукции, чем когда бы то ни было.

Однако наряду с положительными итогами имеется немало доказательств того, что не все руководители с полной ответственностью взялись за осуществление указания партии и правительства.

При подведении первых итогов борьбы за осуществление Указа на шахтах комбината «Сталинуголь» в конце августа 1940 г. было обнаружено 350 случаев сокрытия прогулов. Руководители ряда шахт трестов «Красноармейскуголь» и «Чистяковантрацит» систематически покрывали дезорганизаторов производства. Результатом этого явился целый ряд нарушений трудовой дисциплины на шахтах. Достаточно сказать, что в комбинате за два месяца было зарегистрировано около 4 тыс. случаев преждевременного оставления работы и досрочного выезда рабочих «на-гора».

Об аналогичных случаях сообщают корреспонденции из предприятий других отраслей хозяйства. На Уралмаше, например, в июле 1940 г. было всего лишь на 4 прогула меньше, чем в июне, 25 прогульщиков скрылись от суда; 160 дел, переданных в суд, оформлялись от пяти дней до месяца. На Камском бумкомбинате широко практиковались отпуска за свой счет, которые являются по существу незаконным прогулом. Администрация давала увольнительные записки по любому поводу: и по случаю сенокоса, и для поездки на родину, и по случаю свадьбы, и чуть ли не для собирания грибов. За полтора месяца здесь было потеряно по всяким увольнительным запискам 1615 рабочих дней. На Московском заводе «Борец» произошел беспримерный случай: прогульщика, приговоренного к исправительно-трудовым работам, администрация тотчас же вознаградила отпуском, а председатель завкома, видимо в порядке «утешения», выдал прогульщику путевку в дом отдыха.

Надо ли говорить, что все эти случаи представляют собой сознательное или бессознательное сопротивление проведению Указа от 26 июня? Хозяйственник, не борющийся за трудовую дисциплину, превращается вольно или невольно в орудие тех элементов, которые пытаются подрывать социалистическое производство.

Сейчас, когда борьба за трудовую дисциплину стала осью всей экономической политики партии, с новой силой подтверждается ленинское положение о том, что борьба за трудовую дисциплину — это форма классовой борьбы. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что какое бы то ни было послабление в осуществлении Указа неизбежно наносит ущерб социализму и на-руку только тем элементам, которые мечтают о восстановлении капитализма в нашей стране. Ясно поэтому, что большевики не могут мириться с каким бы то ни было попустительством в вопросах трудовой дисциплины.

Особенно большие требования партия предъявляет к себе — к коммунистам и комсомольцам. Если коммунист или комсомолец нарушил дисциплину, он не только должен отвечать по суду, но и подлежит безоговорочному исключению из рядов партии или комсомола как злостный нарушитель государственной и партийной дисциплины. Если коммунист или комсомолец по какой бы то ни было причине, сознательно или по небрежности, нарушил дисциплину труда, он ставит себя вне авангарда рабочего класса, он не только не достоин носить

высокое звание члена партии, но должен быть окружен атмосферой общественного презрения как человек, не сумевший по-большевистски вести себя на боевом посту.

* * *

Борьба за железную дисциплину труда поставила во весь рост проблему полного использования рабочего дня. Социалистическое государство требует не только строгого соблюдения элементарной дисциплины в смысле своевременного прихода на работу и ухода с нее не ранее положенного времени. Каждый сознательный рабочий требует от себя и от своих товарищей добросовестной работы в течение всего рабочего дня. Лозунг наших стахановцев и ударников — превратить восьмичасовой рабочий день в 480 минут полноценной работы.

Обязательным условием организации уплотненной работы является освобождение предприятий от избытков рабочей силы.

Надо прямо сказать, что одна из основных причин нашего отставания в области производительности труда от наиболее развитых капиталистических стран заключается в огромных излишках рабочей силы, которые имеются во всех отраслях народного хозяйства, особенно на вспомогательных работах и в конторах предприятий. Вот несколько характерных примеров.

18 июля на страницах газеты «Индустрия» появилась статья инж. Васева, побывавшего в США. Автор сравнивает две шахты: одна из них наша — шахта им. Ленина треста «Кизелуголь», другая — крупная шахта Питтсбургской угольной компании в Пенсильвании. На американской шахте производительность труда в четыре раза выше, чем у нас. При этом в забое — на отбойке и навалке угля и на креплении — у них занята половина общего количества рабочих шахты, а у нас лишь 27%. Зато на всяких вспомогательных работах, на транспорте, на ремонте, на поверхностных работах и т. п. у нас несравненно больше рабочих, чем у них. Причины здесь в недостаточной комплексности механизации труда, в неправильной расстановке рабочей силы, в преувеличенных штатах на ремонтных и других работах, где сплошь и рядом рабочий не загружен полностью, а лишь дежурит на случай вызова. На нашей шахте обслуживанием 15 тяжелых врубовых машин, 17 электровозов и 20 конвейерных приводов заняты 145 слесарей, 29 монтажников и 16 электрослесарей; кроме того еще 39 помощников машинистов врубовых машин обязаны производить текущий ремонт. При такой дробности профессий у нас создаются огромные избытки людей, а это порождает обезличку и безответственность. На шахте им. Ленина производством управляют 43 инженерно-технических работника и 122 десятника. В Пенсильвании на шахте весь административно-технический персонал состоит из 15 чел., т. е. его в 14 раз меньше, чем у нас. В конторе шахты им. Ленина занято 67 служащих, а на американской шахте — 8. Все эти цифры отчетливо говорят о том, что культура труда у нас еще недостаточна, хозяйственно-управленческий аппарат чрезмерно громоздок. Резервы здесь буквально непочтаты.

Возьмем другой пример — из области работы электростанций. В 35 крупных электростанциях США и Европы в среднем на каждую 1 000 квт установленной мощности полагается штат в 1,3 человека; на лучших станциях штат на 1 000 квт установленной мощности составляет лишь 0,6 человека. На наших крупных электростанциях штат в четыре раза больше, а на всех станциях Главэнерго — в пять раз больше, чем в США и Европе.

Та же картина и в других отраслях производства. На паровозостроительном заводе Болдвина около Филадельфии (в США), выпу-

скающем около 450 паровозов, занято 2,5 тыс. рабочих (в круглых цифрах). У нас на Ворошиловградском заводе в основных производственных цехах насчитывалось в 1936 г. 8 тыс. рабочих, причем объем выпуска паровозов примерно тот же. Главные причины — отсталость технологических процессов, применение ручного труда там, где он вполне может быть заменен машинным (например, ручная шлифовка), плохая организация внутризаводского транспорта, большое количество трудоемких работ, связанных с ручной приладкой отдельных частей.

Одна из основных причин избытка рабочей силы на наших машиностроительных заводах — громадные количества вспомогательных рабочих. На Новокраматорском заводе, на Уралмашзаводе, на Ворошиловградском паровозостроительном вспомогательные рабочие составляют около 60%, тогда как число основных производственных рабочих едва достигает 40%. Та же картина наблюдается и на металлургическом производстве. Большую доменную печь на Магнитогорском металлургическом комбинате им. Сталина обслуживают 150 человек, на Кузнецком и Макеевском заводах — 195. В США аналогичную печь обслуживают 93 рабочих. Такая мартеновская печь, которую в США обслуживают 32 рабочих, на наших лучших металлургических заводах (в Магнитогорске, Макеевке, Сталинске) обслуживается 95—100 рабочими. На металлургическом заводе им. Дзержинского, дающем на 20% меньше стали, чем крупнейший завод США «Инленд Стил Компани», работают 20 тыс. человек, тогда как американский завод обходится примерно 9 тыс. человек.

В металлургии, как и в других отраслях хозяйства, явно раздуты штаты технического персонала и служащих. В мощном листопрокатном цехе завода «Отис Стил К^о» работают 3 служащих, а в листопрокатном цехе Запорожстали — 35 служащих. В мартеновском цехе завода «Юнгстаун Шит энд Тюб К^о» занято 8 техников. В аналогичном цехе макеевского завода им. Кирова занято 45 инженеров и техников.

Все эти цифры и факты свидетельствуют о том, что у нас имеются непочатые резервы подъема производительности труда, совмещения профессий и уплотнения рабочего дня. Здесь есть над чем поработать. Сюда должно быть привлечено серьезное внимание хозяйственников.

Сигналом явно преувеличенного количества вспомогательных рабочих служат цифры, характеризующие выполнение норм выработки во вспомогательных цехах. Здесь, как правило, техническое нормирование подменяется опытно-статистическим, в результате чего установленные нормы оказываются совершенно не обоснованными и на второй же день после пересмотра перевыполняются подавляющей частью рабочих в полтора — два раза, а то и больше. Совершенно очевидно, что за организацию вспомогательных работ наши хозяйственники еще не принялись как следует и что здесь у нас имеются громадные неиспользованные возможности.

Характерно, что вскоре после проведенного в начале 1940 г. пересмотра норм на предприятиях Наркомата среднего машиностроения во вспомогательных цехах и на подсобных работах нормы перевыполнялись на 56% (в апреле). На Болшевском машиностроительном, на московском заводе «Буровая техника» новые нормы превышаются вспомогательными рабочими более чем вдвое. Уже это одно показывает, что организацией труда на подсобных работах хозяйственники как следует не занимаются, передоверяя это дело третьестепенным работникам и по существу предоставляя его самотеку. Совершенно очевидно, что здесь резервы для подъема производительности труда громадны.

В системе мероприятий, обеспечивающих правильную организацию производства и максимальное уплотнение рабочего дня, особое внимание должен привлечь переход на двухсменный график работы. Трехсменная работа оказывается в ряде случаев прикрытием неумения или нежелания правильно организовать производство. Анализ работы целого ряда фабрик и заводов показывает, что если трехсменная работа необходима для предприятий с непрерывно действующим производством, то в ряде отраслей работа в три смены совершенно не вызывается интересами производства. Более того работа в три смены оказывается крайне вредной для производства, ибо ни одна из смен не загружена как следует, рабочий день не уплотнен, производство терпит огромные потери топлива, электроэнергии и много других накладных расходов. Все это неизбежно снижает производительность труда и уменьшает выработку. Переход на двухсменный график работы — дело большой хозяйственно-политической важности. Необходимо обеспечить вдумчивый и четкий переход на новый режим работы.

Недостатки организации труда в значительной мере являются результатом того, что на многих предприятиях все еще не урегулированы вопросы заработной платы. Серьезные недостатки имеются в системах оплаты труда, проявляющиеся в частности в неизжитых элементах уравниловки, в необоснованной выдаче премий, незаконных доплат и т. п. До сих пор в ряде отраслей не ликвидированы перерасходы фондов зарплаты, связанные со скоплением излишков рабочей силы, неналаженностью технического нормирования, оплатой брака и простоев. Не ликвидированы до конца строго осужденные партией и правительством антигосударственные противозаконные приписки за невыполненные работы.

* * *

Одним из решающих факторов подъема производительности труда является всемерное повышение квалификации работников и быстрый подъем их культурно-технического уровня.

Хотя СССР подвигается семимильными шагами по пути повышения квалификации рабочих, все же здесь, по существу, сделано лишь начало. Достаточно вдуматься в те крупные сдвиги, которые произошли в структуре рабочего класса, чтобы понять, как много нам предстоит здесь сделать. Еще накануне первой пятилетки общее количество рабочих и служащих, занятых во всех отраслях народного хозяйства, не превышало 11,6 млн. человек. Если условно принять, что весь рабочий состав полностью обновляется в среднем за 25—30 лет, т. е. убыль по естественным причинам составляет в год примерно $\frac{1}{25}$ — $\frac{1}{30}$ часть от общего состава работающих (3—4%), можно сделать вывод, что за истекшее с 1928 г. время убыль по естественным причинам составляет уже около 4—5 млн. человек. Это значит, что из состава тех кадров, которые включились в производство еще до начала первой пятилетки, у нас имеется сейчас примерно 6—7 млн. рабочих и служащих. Между тем уже в 1938 г. во всех отраслях народного хозяйства насчитывалось около 28 млн. рабочих и служащих. Это значит, что за десятилетие было вовлечено в производство около 21—22 млн. новых людей. Естественно, что среди такой огромной массы новых людей находится немалое количество таких, которые не прошли длительной школы крупного производства, не усвоили основательно его навыков, не владеют как следует техникой.

Наш рабочий класс отличается исключительной революционностью. Советские люди своими делами показывают, на какие чудеса труда они способны. Биография каждого советского рабочего чрезвычайно

динамична: вчерашний крестьянин, придя на завод, недолго задерживается в рядах чернорабочих; он быстро переходит в число подученных, полуквалифицированных рабочих, учится, становится квалифицированным работником и нередко вырастает даже в мастера, техника и т. д. Советские рабочие и служащие в своей огромной массе — люди, не связанные со старыми окостеневшими навыками, заскоружеными привычками, мешающими усвоению нового. Рабочие СССР обладают прекрасными чертами, создающими предпосылки для быстрого культурно-технического роста, для глубокого освоения сложной техники. Но среди наших рабочих немало людей, которые впервые пришли на производство, немало людей, которым нужно очень основательно работать над повышением своего общекультурного и специально-технического уровня. Эти рабочие нередко дают значительно более низкую производительность труда.

При всяких сравнениях средней производительности труда в СССР и в капиталистических странах нельзя забывать, что там, в буржуазном мире, происходит искусственный отбор наиболее квалифицированных, наиболее выносливых рабочих. Пролетарий с меньшей выносливостью, меньшими знаниями, низшей технической квалификацией неизбежно выталкается за борт и попадает в ряды безработных; на фабриках и заводах остается наиболее квалифицированная и лучшая по состоянию здоровья часть рабочих. Такова одна из причин более высокой выработки рабочих за границей. Мы должны противопоставить этому упорную систематическую работу над дальнейшим повышением технической квалификации наших кадров.

Опыт десятков заводов подтверждает, что рабочий, прошедший школу технического минимума, посещающий стахановские курсы, закончивший стахановскую учебу, повышает уровень своей выработки на 20—25%. Уже одно это обстоятельство показывает, что при нынешнем оборудовании и составе наших кадров мы можем достигнуть значительного повышения производительности труда, если как следует возьмемся за упорную работу над созданием своих квалифицированных кадров, над повышением культурно-технического уровня рабочих. Стахановское движение, раскрывшее громадные возможности повышения производительности труда именно на основе культурно-технического подъема рабочих, и является крупнейшим шагом по пути к коммунизму, по пути полного уничтожения былой противоположности между умственным и физическим трудом.

Подъем культурно-технического уровня рабочих имеет громадное значение не только под углом зрения прямого повышения выработки каждого рабочего. Подъем культуры труда и производства ведет также к значительной экономии труда, ошествлению в оборотных фондах промышленности — сырье, топливе, энергии. Мы все еще весьма расточительны в этом отношении. Недопустимо велики потери нашей индустрии на перерасходе металла, нефти, электроэнергии, на браке и изделиях плохого качества, на огромных отходах. Здесь имеются опять-таки непочатые резервы, которые могут быть введены в действие. А наличие этих резервов означает, что при нынешних фондах сырья и топлива мы можем выпускать гораздо больше добротных изделий, если подойдем к делу рачительно, по-хозяйски, по-советски.

* * *

Одна из самых существенных предпосылок улучшения всей системы социалистической организации труда заключается в организации коллективной стахановской работы.

С тех пор как забойщик Алексей Стаханов блестящей работой своего отбойного молотка возвестил миру о начале нового, высшего этапа социалистического соревнования, прошло уже более пяти лет. Почин Стаханова с ураганной быстротой распространился по всей стране. Во всех отраслях индустрии, транспорта, сельского хозяйства, строительства выросли замечательные люди, скромные герои труда. Из конца в конец нашей великой родины идет могучая переключка трудовых подвигов, и телеграф ежедневно приносит радостные вести о новых, замечательных достижениях стахановцев. За последнее время страна узнала имена новых замечательных пионеров социалистических методов труда, покрывших себя неувядаемой славой. Сталевары и металлурги стали равняться по застрельщику соревнования тов. Шкарабура. Горняки Криворожья вписали новую, замечательную страницу победами бурильщика Алексея Семиволоса, инициатора движения за скоростное многозабойное обуривание. Таких примеров сотни.

Еще на заре стахановского движения, выступая на Первом всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 г., товарищ Сталин дал незабываемую оценку стахановского движения как наиболее жизненного и непреодолимого движения современности. В стахановском движении находит свое воплощение подъем социалистического соревнования на высшую ступень. Это движение вносит революцию в технику, в технологию производства, во весь строй организации нашей промышленности. Это движение ломает старые технические нормы и утверждает новые нормы свободного труда. Оно возвещает начало того культурно-технического подъема рабочего класса, на основе которого рабочие достигают уровня инженерно-технических работников. Таким образом стахановское движение прорубает окно в будущее, подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму.

В годы гражданской войны, когда пробивались первые робкие ростки коммунистического труда, Ленин чрезвычайно высоко оценил великий почин коммунистических субботников. Уже тогда, в 1919 г., он увидел в трудовом подъеме рабочих начало исторических событий необыкновенно большой важности. Он говорил об этом почине как о начале переворота более трудного и более существенного, более решающего, чем свержение буржуазии. Коммунистические субботники знаменовали первую победу над старыми привычками, которые капитализм оставил в наследие рабочим и крестьянам. В статье, посвященной первой годовщине коммунистических субботников, Ленин отмечал, что новым отношением к труду рабочий класс сдвинул с места глыбу неслыханной тяжести — глыбу косности и невежества. Старые экономические отношения уничтожались, самые закоренелые предрассудки шли на слом. Это было началом рождения нового человека. Новое росло в напряженной борьбе со старым. Прямое сопротивление врагов, бюрократические рогадки и насмешки холодных чиновников, недоверие и равнодушие обывателей, горы препятствий заглушали первые ростки коммунистического труда. Но новое непобедимо, за ним будущее. Искры, рожденные коммунистическими субботниками, разгорелись в великое пламя.

В годы восстановительного периода трудовой подъем масс находил свое выражение в производственных совещаниях. Накануне первой пятилетки возникают ударные бригады, почин которых находит отклик во всей стране.

Большевистская партия всячески оберегает и лелеет ростки нового, устраняя препятствия на пути его роста. И поэтому, когда партия провозгласила грандиозную строительную программу первой ста-

линской пятилетки, трудовой подъем охватил миллионные массы. Ленинская идея о социалистическом соревновании масс претворяется в жизнь.

С первых же дней развития этого нового движения товарищ Сталин горячо поддерживал трудовую инициативу рабочих. Еще в мае 1929 г. он указал, что «...соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионов масс трудящихся»¹⁰.

По мере развертывания гигантского строительства первой пятилетки трудовой подъем достигает все большего размаха. Люди работают самоотверженно, преодолевая любые трудности. Рабочие понимают, что, добывая уголь, выплавляя сталь, строя новые заводы, они изготавливают снаряды, взрывающие старый мир. Поэтому будничный труд приобретает в их глазах глубоко творческий смысл. Все это создало такой пафос строительства, которого никогда не знала история. Партия помогала рабочим приобрести закалку и уверенность в победе, открывая перед ними четкую перспективу движения вперед. Каждый понимал, что работает не для того, чтобы унавожить почву для капитализма, а для того, чтобы обеспечить торжество социализма, победу своих собственных интересов, интересов своих детей.

За годы первой пятилетки страна технически перевооружилась. Но этого было недостаточно, и партия во весь рост поставила проблему освоения новой техники. На призыв товарища Сталина дополнить пафос строительства пафосом освоения новой техники рабочие откликнулись развитием новых форм соревнования. Развернулось движение отличников. Началась упорная борьба за овладение техническим минимумом, за сдачу общественно-технических экзаменов. На выпуске академиков Красной Армии в мае 1935 г. товарищ Сталин выдвинул на первый план вопрос о кадрах. Он указал тогда, что главное в людях, овладевших техникой. Слова нашего учителя глубоко запали в сердца людей и породили новые, замечательные дела. Партия неизменно возглавляла почин передовых рабочих. Когда враги народа, наймиты иностранных разведок, повели подрывную работу, пытаясь затормозить стахановское движение, партия упорно и настойчиво уничтожала врагов, оберегая стахановцев и расчищая им дорогу. Когда некоторые хозяйственники увлекались рекордами одиночек, «забывая» о необходимости руководить стахановским движением и создать условия для высокопроизводительного труда всех рабочих, партия призвала к порядку этих горе-руководителей и направила основное внимание на обеспечение массовости стахановского движения. Эти заботы не пропали даром, они сторицей вознаграждены.

Из среды стахановцев вышла славная плеяда государственных деятелей нашей родины, прекрасных командиров производства, депутатов Верховных Советов СССР и союзных республик, а также местных советов депутатов трудящихся. Сотни стахановцев занимают сейчас почетное место среди учащихся академий и других высших учебных заведений. Тысячи стахановцев стали инструкторами новых методов работы.

Развитие разнообразных форм стахановской учебы, создание сети стахановских школ, всемерное поощрение изобретательства и рационализаторского почина — все это обеспечило непрерывный подъем стахановского движения. За последнее время оно вылилось в новую,

¹⁰ Сталин, Предисловие к брошюре Микулиной «Соревнование масс», Гиз, 1929, стр. 4.

особенно ценную форму — в движение многостаночников, в борьбу за совмещение профессий. Замечательная инициатива стахановцев прокладывает сейчас новые пути в науке и технике. Недаром наши конструкторы и организаторы хозяйства работают сейчас над внедрением стахановской технологии. Своим живым примером стахановцы помогли вскрыть мощные резервы производства.

Характеризуя стахановцев, товарищ Сталин указывал, что это люди, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. В работе многостаночников это качество выражено с особой силой. Одной из основных отличительных черт многостаночников является прекрасная инициатива в усовершенствовании и улучшении техники, в создании ряда несложных приспособлений, механизующих подачу, автоматизирующих ряд процессов. В этой инициативе обнаруживается быстрый культурно-технический рост рабочих, ушедших подчас вперед от своих технических руководителей и нередко обгоняющих даже людей науки.

Вот несколько характерных примеров. Стахановец завода «Красный выборжец» т. Иванов предложил сделать специальное приспособление штампа, благодаря которому салазки, ковавшиеся раньше в несколько приемов, стали изготовляться одним ударом; упростив технологический процесс, он добился выполнения 60 норм. Стахановец Ярославского машиностроительного завода т. Лисов, следуя методу Гудова, изобрел приспособление, позволяющее одновременно обработать 48 деталей. Аналогичные методы одновременной обработки многих деталей широко применяются и другими стахановцами. Так, например, фрезеровщик Кунцевского игольного завода им. КИМ т. Антипов применил фасонный фрезер, позволяющий резать в рейке сразу 80 канавок вместо одной. Слесарь-инструментальщик киевского завода станков-автоматов им. Горького т. Швиненко спроектировал специальный инструмент, который позволил устранить весьма трудоемкую ручную шабровку; благодаря этому он повысил норму более чем в 500 раз.

Все эти факты говорят о том, что стахановское творчество двигает технический прогресс, изменяет технологию производства, революционизирует технику.

Задача заключается в том, чтобы передовой опыт стахановцев сделать законом всеобщей работы. Задача заключается в том, чтобы лучшие образцы труда систематически внедрялись в производство и чтобы на этой основе была обеспечена высокопроизводительная работа целых рабочих коллективов. А чтобы достигнуть этого, необходимо не только обеспечить полное осуществление трудовой дисциплины, устранить избыточную рабочую силу, но и создать условия, при которых каждый рабочий может с наибольшей пользой отдавать социалистическому государству все 480 минут своего ежедневного труда.

Все это особенно настойчиво ставит вопрос о правильном руководстве стахановским движением со стороны командиров производства.

* * *

Важнейшим условием успешной организации социалистического труда является всемерное укрепление хозяйственного руководства, укрепление единоначалия советского руководителя.

Еще в 1918 г. в первоначальном наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал, что социализм, рожденный на базе крупной машинной индустрии, не может развиваться, если на предприятиях не обеспечено единство воли, связывающее воедино

всех трудящихся. Партия всегда требовала и требует беспрекословного повиновения распоряжениям руководителя, назначенного Советской властью. На производстве обязательна нерушимая железная дисциплина, ибо без подчинения воли тысяч людей воле одного руководителя невозможна никакая успешная работа.

Хозяйственные кадры — золотой фонд страны, и партия чрезвычайно высоко ценит их. Если обратиться к смене исторических укладов, мы убедимся в том, что ни один новый строй не может утвердиться без создания своих собственных командных кадров. В свое время, когда к власти пришел молодой еще класс буржуазии, он вынужден был учиться искусству управления у выходцев из феодального класса, которых и ставил себе на службу. Десятилетиями создавались кадры буржуазных руководителей. Перед победившим социализмом задача создания своих руководителей встала с еще большей остротой. Мы должны были сначала поставить себе на службу не только технику и науку капиталистического класса, но и буржуазных специалистов, которые в то время немало сопротивлялись успехам социализма. Рабочий класс должен был вместе с тем смело выдвигать и настойчиво готовить своих собственных хозяйственных руководителей, командиров производства, вышедших из пролетарской среды, способных повести дело вперед и стать настоящими государственными людьми. Это дело требовало немалых усилий, крупных затрат, длительного времени. Сейчас советский народ уже создал кадры своих хозяйственных руководителей из людей, вышедших из недр народа, кровно связанных с массами самыми крепкими и неразрывными узами, из людей, основательно изучивших и освоивших технику.

В отличие от любого буржуазного хозяйственного руководителя, олицетворяющего враждебную рабочим власть капитала, наш советский хозяйственник является уполномоченным народа. Представитель диктатуры рабочего класса, советский директор предприятия обладает всей полнотой власти. Его слово — закон, его власть на производстве должна быть диктаторской. Облеченный высокими полномочиями социалистического государства, советский хозяйственник не имеет права уклоняться от использования острейшего оружия — власти, которую партия и государство доверили ему.

Призванный защищать государственные интересы рабочих и крестьян, советский руководитель пользуется огромным авторитетом в глазах масс. Партия всемерно поддерживает и укрепляет этот авторитет и всемерно помогает хозяйственнику наводить железный порядок на производстве, укреплять государственную дисциплину. Сила советского хозяйственника в том, что он идет во главе масс, прислушивается к голосу масс и возглавляет передовой почин лучших людей производства.

Советский хозяйственник не может, не имеет права плестись в хвосте отсталых элементов. Командир производства, уклоняющийся от применения самых жестких мер воздействия к нарушителям государственной дисциплины, дискредитирует себя в глазах рабочего класса как человек, не оправдавший высокого доверия.

В чем заключается выполнение государственного долга хозяйственником? Первой, святой обязанностью советского командира производства является абсолютно точное и безоговорочное соблюдение советских законов, горячая, страстная охрана государственных интересов, охрана и умножение социалистической собственности, поддержание железной дисциплины.

Чтобы руководить по-большевистски, хозяйственник должен всегда глядеть вперед, имея ясную перспективу в работе и зная, куда вести массы. Борясь за дело социализма, советский руководитель должен:

обладать неукротимой энергией и упорством в достижении поставленных партией целей. Он должен уметь мобилизовать массы на преодоление любых трудностей во имя выполнения плана социалистического государства, для достижения подъема социалистического производства.

Основная задача советского хозяйственника состоит в правильном подборе и расстановке кадров, в проверке людей по их работе. Советский хозяйственник не может быть узколобым делеягой, ибо он является одновременно и политическим руководителем предприятия. Он обязан не только распоряжаться вещными элементами производства (организацией сырья, топлива, использованием оборудования и пр.). Он должен быть прежде всего руководителем людей, кадров.

Правильно подбирать и расставлять кадры — это значит прежде всего определять людей по их деловым и политическим качествам. Правильная расстановка людей требует не только устранения обезлички и функционалки, не только установления твердой единоличной ответственности каждого, но и систематической проверки выполнения приказов. Опыт показывает, что отсутствие проверки исполнения неизбежно влечет за собою разложение работников, безответственность, разгильдяйство. Наоборот, где есть проверка исполнения, там легко отличать хорошего работника от плохого, там люди извлекают уроки из своих ошибок, там рост людей обеспечен. Именно поэтому серьезная проверка исполнения, критика и обучение людей на их ошибках являются условиями большевистской организации хозяйственного руководства. Хозяйственник, который не замалчивает ошибок своих подчиненных, а критикует их, может с уверенностью рассчитывать на большую поддержку стахановцев и ударников, на надежную помощь партии и общественных организаций, ибо, стоя на страже интересов социалистического государства, он тем самым выполняет то дело, за которое с энтузиазмом борются все патриоты социалистической родины, все, кому дороги интересы коммунизма.

В укреплении социалистического единоначалия, в улучшении хозяйственного руководства — ключ к подъему социалистической организации труда на новую ступень. Высокопроизводительная стахановская работа целых коллективов, решительное прекращение каких бы то ни было нарушений трудовой дисциплины, повышение квалификации наших кадров — все это зависит сейчас от организации хозяйственного руководства, от практического осуществления большевистских принципов единоначалия в работе командира производства.

* * *

Учение Ленина и Сталина о социалистической организации труда давно стало материальной движущей силой наших успехов; миллионные массы владеют теперь этим учением, руководствуются им в своей практической работе. Это учение раскрывает грандиозные перспективы дальнейшей борьбы за подъем производительности социалистического труда. Это учение вдохновляет людей на невиданные ранее подвиги во славу социалистической родины, поднимает их на вершины творчества, толкает на трудовой героизм. Руководствуясь этим учением, люди делают чудеса явью, широко раскрывают двери в будущее, обретают непреклонную волю и мужество, превращают в действительность самые смелые замыслы.

Учению Ленина и Сталина мы обязаны триумфом нашей родины, торжеством социализма. Это учение — знамя, под сенью которого наш народ идет к победе коммунизма.

Проблема рабочей силы в период второй империалистической войны

Развертывание второй империалистической войны происходит в условиях, значительно отличающихся от обстановки первой мировой войны. Уже война 1914—1918 гг. явилась отражением общего кризиса капитализма; современная же империалистическая война разразилась, когда этот общий кризис достиг небывалого обострения. Чрезвычайно важное значение имеет здесь тот факт, «...что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы»¹.

Современная империалистическая война развертывалась последовательными этапами, вовлекая в свою орбиту все большее количество стран. Эта особенность в ее развитии в частности дала возможность империалистическим странам, позднее вступившим в военную схватку, учесть в известной мере опыт современных войн и проводить соответственные мероприятия. Большую роль в этом отношении сыграло и то обстоятельство, что вторая империалистическая война разразилась через сравнительно короткий период после предыдущей мировой войны, вследствие чего ряд уроков военного, экономического и социально-политического характера мог быть широко использован современными заправилами буржуазных государств. Эти «уроки прошлого» прежде всего были использованы империалистическими странами для такой бешеной подготовки к новым войнам, которая далеко оставила за собой развитие милитаризма, наблюдавшееся до наступления первой империалистической войны. Этот рост милитаризма может быть проиллюстрирован следующими данными. В 1913 г. главные европейские страны расходовали на вооружение 3,5—5,5% национального дохода, а в 1938 г., по преуменьшенным данным, — 6,6—17%².

Рост милитаризма в таких огромных размерах повлек за собой значительную перегруппировку основных отраслей хозяйства, вызвав деформацию народного хозяйства — гипертрофию одних отраслей (машиностроение, химическая промышленность, горное дело и др.) и сужение других, обслуживающих потребление гражданского населения (пищевая и швейная промышленность, жилищное строительство и др.). Товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б) так охарактеризовал особенности военного хозяйства: «...что значит, перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 352.

² См. «L'Année Sociale», 1939/40, p. 25.

с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения...»³. Вспыхнувшая война вызвала ряд дальнейших и более глубоких сдвигов в экономике воюющих стран в том же направлении. Эти сдвиги были обусловлены рядом новых факторов: отрывом огромных масс населения — рабочих и крестьян — от производительного труда, выбрасыванием на фронт гигантских количеств орудий разрушения, резким нарушением мировых хозяйственных связей, полной или частичной эвакуацией ряда крупных центров и т. д. Этим самым война обострила ряд экономических проблем — продовольственную, топливную, сырьевую, транспортную, финансовую, снабжения рабочей силой и др.

В настоящей статье мы пытаемся дать краткий обзор тех мероприятий, при помощи которых главнейшие капиталистические страны стремятся разрешить одну из самых острых проблем, выдвинутых современной войной, — проблему снабжения хозяйства воюющих стран рабочей силой.

I. Недостаток квалифицированной рабочей силы

Проблема рабочей силы в период войны весьма сложна. Обычно полагают, что она сводится исключительно к изысканию источников пополнения сильно поредевших рядов работников в наиболее важных в военном отношении отраслях хозяйства. Однако недостаток рабочей силы является хоть и важнейшей, но все же лишь одной стороной проблемы. Дело в том, что наряду с ощущаемым резким недостатком рабочих в одних отраслях в воюющих странах наблюдается, как мы увидим ниже, заметная безработица, особенно в начальный период войны, в других отраслях. Это явление было особенно сильно выражено в начале войны 1914—1918 гг. Любопытно в связи с этим отметить, что, например, централизация органов регулирования рынка труда, созданная в Германии в период первой империалистической войны, имела своей первоначальной целью борьбу с безработицей, и лишь впоследствии этот аппарат был приспособлен к снабжению рабочей силой предприятий, работавших для нужд войны.

Далее следует отметить, что вопрос о недостатке рабочей силы, особенно квалифицированной, касается не только тыла, но и фронта. Это особенно следует подчеркнуть в отношении современной войны, предъявляющей огромный спрос на квалифицированных рабочих в связи с широким применением техники (рост значения бронетанковых частей, новых видов авиации, зенитных орудий, автомобильного транспорта и др.). Уже в период первой империалистической войны потребность фронта в квалифицированной рабочей силе была весьма значительна. В этом отношении очень показательны следующие данные, относящиеся к США в период войны 1917—1918 гг. Как сообщает американская пресса, на каждую действовавшую дивизию, состоявшую из 36 тыс. солдат, приходилось тогда около 3 тыс. квалифицированных рабочих, в том числе:

Шоферы легковых и грузовых автомобилей	691	Машинисты*	128
Монтеры по телефону	360	Рабочие для грузовиков	122
Механики	167	Механики для автомобилей	78
Телеграфисты	163	Кузнецы	67
Радиооператоры	156	Чертежники	64
Плотники	151	Электрики	63
Монтеры по телеграфной линии	142	Кожевники и брезентщики	52
Рабочие для трактора	128	Рабочие по распределительному щиту	29

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 567.

Кроме перечисленных профессий требовались рабочие еще по 68 профессиям. Если таково было положение уже в первую мировую войну, то легко себе представить, как увеличился спрос фронта на квалифицированную рабочую силу в настоящую войну.

Одновременно резко возрос спрос как на квалифицированную, так и на полуквалифицированную рабочую силу и в тылу. Интересен расчет, приводимый по этому поводу английской газетой «Times» (от 17 апреля 1940 г.): «Если в предшествовавшей войне требовалось 5—7 человек, занятых в тылу для снабжения одного солдата, действующего на фронте, то в настоящей войне, по данным некоторых специалистов, это требование доходит до 11—13 человек».

При резко возросшем спросе на квалифицированную рабочую силу, предъявляемом тылом и фронтом, значительные кадры неквалифицированных рабочих, а также и часть обученных рабочих, обычно занятых в «мирных» отраслях (текстильщики, типографы, рабочие швейной промышленности и др.), нередко продолжают оставаться в избытке. В этом отношении ярким примером может служить Япония, где, несмотря на войну с Китаем, продолжающуюся уже около трех лет, в стране насчитываются значительные кадры безработных и полубезработных (1—1,5 млн. чел.).

Вопрос о безработице приобретает известную остроту в современной империалистической войне, так как в результате длительного кризиса капиталистической системы в ряде главнейших империалистических стран накопились накануне войны огромные массы хронических безработных, которых не существовало в период, непосредственно предшествовавший первой империалистической войне. Эти массы безработных не могут рассосаться такими темпами, как в период войны 1914—1918 гг., тем более что значительная часть безработных приходится на лиц старших возрастов (старше 45 лет), а также на женщин и подростков.

Все же основной проблемой для воюющих стран, привлекающей их особое внимание, является недостаток квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы.

Чем вызван этот острый дефицит в квалифицированной рабочей силе?

Необходимо с самого начала подчеркнуть, что нехватка квалифицированных рабочих в главных капиталистических странах наметилась значительно раньше возникновения современной войны. Но тогда дефицит рабочей силы не носил, конечно, особо острого характера, да и самые размеры нехватки ее были явно преувеличены предпринимателями, упорно борющимися против повышения заработной платы при оживлении конъюнктуры после кризиса 1929—1932 гг. Однако нельзя отрицать, что этот дефицит ощущался в ряде стран, как например, в США, Англии, Германии и др. Обследования, произведенные в США в 1935 и в 1937 гг., обнаружили, что недостаток обученных рабочих заметно возрос в ряде отраслей промышленности, и особенно в металлообрабатывающей.

Причины этой нехватки обученных рабочих заслуживают особого внимания. Мы уже отметили выше, что период общего кризиса капиталистической системы характеризуется ростом хронической массовой безработицы. Значительные слои рабочих были лишены работы в течение многих лет — трех, пяти, иногда десяти и больше лет. Такая исключительно длительная безработица вела к деквалификации большого числа рабочих, тем более что за эти годы техника, особенно военная, сделала значительный шаг вперед. С другой стороны, в обстановке столь острой безработицы рабочие, которым удавалось найти работу, часто вынуждены были работать не по своей профес-

сии, а в качестве полуобученных или необученных рабочих. Это опять-таки приводило к деквалификации рабочих.

Наличие огромной массы безработных оказывало сильное давление на уровень зарплаты, причем квалифицированные рабочие иногда вынуждены были идти на такую работу, на которой раньше были заняты подростки. Это не могло не отразиться на численности учеников на предприятиях. С другой стороны, предприниматели, имевшие возможность в обстановке острой безработицы нанимать взрослых квалифицированных рабочих почти за ту же плату, что и подростков, не были заинтересованы в развитии ученичества. Об этом свидетельствует, например, орган Национального бюро промышленных съездов в США «The Conference Board Management Record», отмечающий, что за последние годы многие компании полностью отменили или резко сократили программы по профессиональному обучению. Поучителен следующий пример: в сентябре 1939 г. во всей авиационной промышленности США насчитывалось только 250 учеников при дополнительной потребности этой отрасли по крайней мере в 10 тыс. квалифицированных рабочих (для выполнения существовавшей тогда программы).

Таким образом старые кадры рабочих вследствие хронической безработицы в значительной мере деквалифицировались, а новые пополнения квалифицированных рабочих по той же причине сильно сократились.

Если капиталистические страны пришли уже к началу мировой войны с заметным дефицитом квалифицированной рабочей силы, то нехватка обученных рабочих резко выросла после мобилизации огромных масс рабочих на фронт. В Англии за первые 11 месяцев войны было мобилизовано около 2 млн. человек, во Франции — 5 млн. человек и т. д. Лишь частично дефицит рабочей силы мог быть покрыт за счет безработных, так как наиболее работоспособные возрасты безработных мужчин были тоже мобилизованы на фронт. Тут-то и посыпались, как из рога изобилия, мероприятия правительств воюющих государств и ряда нейтральных стран по «регулированию» рынка труда. Но такова уж диалектика буржуазной политики в области «решения» проблемы рабочей силы, что многие из этих мероприятий неизбежно приводят к дальнейшему обострению недостатка рабочей силы. Например, в период войны 1914—1918 гг. несмотря на использование всех средств по «регулированию» рынка труда рядом воевавших стран пришлось вернуть с фронта значительные кадры рабочих (в Германии — 1,1 млн. человек, во Франции — свыше полутора миллиона человек). В современной войне мы наблюдали аналогичные явления — пока, правда, в меньшем масштабе — в Англии и Франции. Это и вполне понятно.

Решение сложной проблемы рабочей силы в основном сводится в странах капитала к хищнической эксплуатации рабочих, к бешеной интенсификации их труда, к созданию «военной каторги» для рабочих (Ленин) с одновременным проведением «организованного голода» для широких масс населения (резкое повышение цен, введение карточной системы на продукты питания и прочие товары, ухудшение качества товаров). Все это ведет, с одной стороны, к непосредственному уничтожению рабочей силы в связи с ростом заболеваемости, травматизма и смертности; с другой стороны — к сильному падению производительности труда, что вызывает дополнительный спрос на рабочую силу. Падению производительности труда способствует и ухудшение качества сырья и топлива, наблюдаемое во время войны, а также перегрузка производственного аппарата, проводимая капиталистами в погоне за бешеными военными прибылями.

На известном этапе войны главной причиной падения производительности труда является «организованный голод». Вот что писал по этому поводу Ленин: «Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистической войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина»⁴.

Напомним в связи с этим некоторые данные, характеризующие степень истощения и уничтожения рабочей силы в период первой империалистической войны. Согласно официальным германским данным, процент несчастных случаев вырос уже в 1915 г. в горной промышленности на 36%, в химической промышленности — на 23% (против 1913 г.) и т. д. Как указывает д-р Вассерман, в Германии «от полугодия к полугодию прирост смертности от туберкулеза (за годы войны.—Л. Ф.) почти полностью соответствует падению питания»⁵. В Англии в 1918 г. число несчастных случаев со смертельным исходом возросло, по официальным данным, сравнительно с 1913 г. в судостроении на 17%, в литейном деле — на 45% и т. д.

Насколько можно судить по имеющимся отрывочным данным, касающимся второй империалистической войны, темпы роста несчастных случаев в промышленности уже превышают «нормы» мировой войны 1914—1918 гг. Данные по Японии, приводимые Международным бюро труда при Лиге наций, показывают, что в течение одного только года — с июня 1937 г. по июнь 1938 г. — процент несчастных случаев на фабриках и заводах поднялся с 2,9 до 4,1, т. е. на 42%. За последующее время этот процент еще более повысился⁶. О сильном росте несчастных случаев во Франции среди горняков Луары за первые месяцы войны сообщалось в палате депутатов в конце декабря 1939 г.

Что касается производительности труда, то наличные статистические данные показывают, что в первую мировую войну она значительно снизилась. Например, в Англии годовая выработка рабочего в каменноугольной промышленности упала в 1919 г. на 11,5% против 1913 г.; в Германии сменная выработка рабочего упала за тот же период на 30,1% (в Дортмунде) и т. д. Падение производительности труда в этой отрасли промышленности отмечается и в современной войне. Об общем падении производительности труда в связи с изурядением рабочих в Англии сообщал министр труда Бевин.

Это падение производительности труда обостряет, конечно, нехватку рабочих. Мы уже не говорим о прямом истреблении рабочей силы на фронте, все более обостряющем нехватку рабочих в самом работоспособном возрасте. О размерах этого истребления свидетельствуют следующие данные, относящиеся к войне 1914—1918 гг. (см. табл. 1).

Потери в современной войне также принимают грандиозные размеры: только за майские бои во Фландрии и Артуа союзники потеряли убитыми, ранеными и военнопленными больше 1 млн. человек (по сообщению верховного командования германской армии от 5 июня 1940 г.).

Мы указали основные причины, вызывающие недостаток квалифицированной рабочей силы. Перейдем теперь к рассмотрению важнейших мер для регулирования снабжения рабочей силы, предпринимаемых воюющими странами.

⁴ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 341.

⁵ Herz u. Seidel, Arbeitszeit, Arbeitslohn und Arbeitsleistung.

⁶ «Informations Sociales», 29. V. 1939.

Таблица 1

Потери убитыми во время войны 1914—1918 гг.

Страны	Процент мобилизованных к общему числу самодеятельных мужчин	Процент убитых к общему числу самодеятельных мужчин
Германия	64,9	9,8
Австро-Венгрия	55,4	9,5
Франция	59,4	10,5
Англия	39,2	5,1
Италия	46,3	6,2
Румыния	43,9	11,0

II. Органы регулирования рынка труда

В целях регулирования рынка труда в ряде стран были созданы центральные органы, проводящие всю систему мероприятий по снабжению рабочей силой важнейших в военном отношении отраслей хозяйства. Следует отметить, что органы для проведения этой централизованной системы снабжения рабочей силой были намечены еще до возникновения войны в отличие от того, что наблюдалось в период войны 1914—1918 гг.

Во Франции, например, еще 11 июля 1938 г. был издан декрет об организации нации во время войны, который впоследствии был дополнен декретом от 18 апреля 1939 г. Этими декретами предусмотрено, что в военное время все полномочия по регулированию рынка труда сосредоточиваются в руках министра труда, действующего в тесном контакте с заинтересованными министерствами и организациями. Полномочия министра труда заключались в централизации всех сведений о спросе на труд со стороны государственных органов и частных предприятий, в вербовке рабочей силы различных квалификаций, в перераспределении рабочей силы и в регламентации общих условий труда и контроле над их выполнением. При министре труда была создана «Национальная комиссия по координации рабочей силы». Эта комиссия руководила деятельностью департаментских и районных организаций, включавших инспекторов труда, которые работали в тесном контакте с военными организациями. Мероприятия по изменению условий труда согласовывались министром труда с лидерами реформистских профсоюзов, которые оказывали правительству «ценные услуги» (по признанию последнего).

В Англии с начала военных действий тоже были сильно расширены полномочия министра труда. Ему предоставлены право ведения учета и перераспределения рабочей силы, право запрета найма рабочей силы без соответственного разрешения органов министерства труда, запрета перемены места рабочими военных предприятий. Свои распоряжения по ограничению права самостоятельного найма рабочих министр труда согласовывает с комиссией из представителей предпринимателей и тред-юнионов. Лидеры последних оказывают правительству поддержку не за страх, а за совесть в деле обмана рабочих в вопросе о целях и задачах империалистической войны.

В Германии еще по закону от 22 июня 1938 г. президенту Института Бюро труда предоставлено было право обязывать немецких граждан выполнять предписанную им работу или обучаться определенной профессии. Этот закон был впоследствии дополнен указами от 13 февраля и 2—10 марта 1939 г. В конце августа 1939 г. был соз-

дан Совет национальной обороны из представителей разных министерств. Указы и распоряжения этого Совета имеют на время войны силу закона. В функции Совета наряду с другими видами деятельности входят регламентация условий труда и распределение рабочей силы. Декретом предусмотрен принцип преимущественного снабжения рабочей силой. В первую очередь снабжаются предприятия, выполняющие военные заказы; во вторую — работающие на экспорт; в третью — производящие средства производства, и в последнюю — предприятия, производящие средства потребления. Все мероприятия Совета по вопросам труда проводятся министром труда, осуществляющим контроль над проведением всех мероприятий в сфере труда.

В Японии в марте 1938 г. был принят закон об общей мобилизации. Этим законом министру социального обеспечения предоставлены полномочия по регулированию снабжения рабочей силой в стране. Министр социального обеспечения провел уже учет квалифицированной рабочей силы, установил порядок найма определенных профессий через биржи труда, контролирует постановку профессионального обучения и др.

Отметим, наконец, что в США еще осенью 1939 г. было организовано Бюро военных ресурсов при военном департаменте. В функции этого бюро наряду с другими задачами входит изучение ресурсов рабочей силы⁷.

III. Удлинение рабочего дня, сверхурочные работы, отмена праздничного отдыха

Первым звеном в системе предприятий указанных органов по борьбе с нехваткой рабочей силы явилось резкое удлинение рабочего дня. Рабочие вынуждены теперь работать дольше и интенсивнее, чтобы в известной мере заменить ушедших на фронт. Очень показательным, что увеличение продолжительности рабочего времени начали проводить в ряде стран еще до войны.

Во Франции на основании декрета от 11 июля 1938 г. рабочая неделя была удлинена еще до начала войны на военных предприятиях до 60 часов (вместо существовавшей ранее 40-часовой рабочей недели). С возникновением войны право введения 60-часовой рабочей недели предоставлено было всем промышленным, ремесленным, торговым и кооперативным предприятиям, а также и государственным учреждениям. По декрету от 1 сентября 1939 г. в особых случаях рабочая неделя могла быть доведена до 72 час. Рабочий день по согласованию предпринимателей с инспектором труда доводился до 11—12 час. и больше. Рабочий день детей и женщин превышал 10 час., а их рабочая неделя доходила до 60 час. и выше. Одновременно во Франции проводилось резкое сокращение заработной платы путем следующих манипуляций. При удлинении рабочей недели от 40 до 45 час. рабочие ничего не получали, так как оплата разницы в 5 час. поступала в особый «фонд национальной солидарности». При дальнейшем удлинении рабочей недели до 60 час. рабочий получал за дополнительные часы согласно последним декретам только 60% тарифной заработной платы, остальные 40% удерживались предпринимателями в пользу того же «фонда национальной солидарности». Мобилизованные рабочие, оставленные временно на предприятиях, работали почти бесплатно, получая «жалованье» солдата да еще жалкое пособие на семью. Кроме того был отменен недельный отдых на предприятиях, работающих на «оборону». Сверхуроч-

⁷ «Harvard Business Review», v. XVIII, № 1, 1939.

ные работы достигали здесь такой продолжительности, что перерыв на еду и сон до следующего дня сокращался до 10 час.

В Англии, как впрочем и в других странах, большую помощь правительству в удлинении рабочего дня оказали лидеры реформистских тред-юнионов. При их содействии рабочий день был здесь сначала доведен до 10 час., затем до 12, а в июле 1940 г. — до 13—14 час. (84—90 час. в неделю без выходного дня). Особенно резко удлинено рабочее время в судостроительной промышленности, в машиностроении (в частности в авиации), в полиграфической промышленности и др. Воскресный и праздничный отдых отменены в предприятиях, работающих на «оборону». Во многих случаях суточный отдых ниже 10 часов. В широких размерах применяются и сверхурочные работы. Характерно, что даже английский министр внутренних дел должен был признать, что действительная необходимость сверхурочных работ во многих районах страны является «сомнительной»⁸. Таким образом официально признано, что капиталисты пользуются военной обстановкой, чтобы удлинить рабочий день, мотивируя это якобы спешными военными заказами.

Подготовка к войне и развитие военных действий вызвали удлинение рабочего времени до 10—12 час. и в Германии; в отдельных случаях закон допускает увеличение рабочего дня до 16 часов. Первые дополнительные два часа не оплачивались как сверхурочные; лишь при удлинении рабочего дня до 11—12 час. сверхурочные выплачиваются. Что касается ночных работ и работы по праздникам и воскресеньям, они были ограничены с ноября 1939 г., так как не дали ожидаемого эффекта. Суточный отдых здесь тоже в ряде случаев доходит до 10—11 часов.

Наибольшей продолжительностью отличается рабочий день в Японии. Здесь еще в 1927 г. рабочий день на многих предприятиях доходил до 15—16 часов. С тех пор положение еще более ухудшилось. Предприниматели сплошь и рядом нарушают закон, согласно которому рабочий день в принципе «ограничен» 12 часами. Даже по заявлениям буржуазных наблюдателей, злоупотребление столь продолжительным рабочим днем принимает широкие размеры. Так, японская газета «Токио Асаки» сообщает, что «предприниматели сопротивляются всякой попытке сокращения рабочего времени под предлогом... недостатка рабочей силы. Но этот недостаток касается только квалифицированных рабочих; безработных среди необученных рабочих — легион». В 1939 г. рабочий день доходил здесь в ряде случаев до 18—19 часов. Выходные дни (обычно два раза в месяц) почти всюду отменены.

Удлинение рабочего дня до 10—12 час. осуществлено и в ряде нейтральных капиталистических стран — в Венгрии, Турции и др.

От удлинения рабочего дня в полтора раза и выше органы регулирования труда ожидали «экономии» рабочей силы не менее чем на одну треть. Как и следовало ожидать, «эффективность» этого мероприятия не оправдалась.

IV. Использование кадров безработных

Мы уже говорили, что капиталистические страны пришли ко второй империалистической войне с массовой хронической безработицей. В Англии, несмотря на высокую предвоенную экономическую конъюнктуру, в августе 1939 г. насчитывалось свыше полутора миллиона безработных (с учетом незарегистрированных); во Франции факти-

⁸ «Informations Sociales», 9. X. 1939.

ческое число безработных превышало полмиллиона и т. д. Вспыхнувшая война сильно сократила ряды прежних безработных в связи с проведенными военными мобилизациями и привлечением некоторой части безработных на военные предприятия. В то же время война создала новые кадры безработных, ударив по многим «мирным» отраслям индустрии, по экспортным отраслям (в связи с нарушением мирохозяйственных связей), по отраслям, зависящим от импортного сырья, и др. Росту безработицы содействовала также эвакуация ряда городов, проводившаяся в невиданных размерах.

О влиянии указанных обстоятельств на рост безработицы можно судить хотя бы по примеру той же Англии, где уже к 11 сентября 1939 г. число безработных выросло почти на 100 тыс. по сравнению с серединой августа. Следующий месяц дал новый рост безработицы на 100 тыс. Лишь на третий месяц войны безработица незначительно снизилась (на 30 тыс. человек). Показательно, что рост безработицы за первые недели войны явился результатом увеличения числа безработных женщин на 175 тыс. при снижении безработицы среди мужчин на 75 тыс. Но уменьшение безработицы среди мужчин не носило общего характера: в ряде районов, как например в Лондоне и на юго-востоке страны, наблюдался рост безработицы и среди мужчин. Из отдельных отраслей наибольший рост безработицы показали рыболовство — 32,7%, швейная промышленность (производство женской одежды) — 18,1%, зрелища и спорт — 16,8%, шелковая промышленность и производство искусственного шелка — 5,1%, хлопчатобумажная промышленность — 3,1% и т. д. К марту 1940 г. число безработных снизилось против предвоенного месяца (август) всего на 100 тыс. человек и лишь к апрелю уменьшилось на 259 тыс. против августа 1939 г.

Аналогичные явления наблюдались в ряде других стран. Во Франции, например, после почти восьмимесячного непрерывного падения безработицы до наступления войны, в сентябре 1939 г. число безработных возросло на 5%. В Большом Париже (весь департамент Сены) насчитывалось тогда 175 тыс. безработных. К началу декабря число безработных еще более возросло, превысив на 23 тыс. августовский уровень. Лишь впоследствии безработица стала постепенно рассасываться, чтобы вспыхнуть с новой и исключительной силой уже после перемирия.

В Японии безработица несмотря на военные мобилизации все еще носит острый характер. Число безработных достигает около 1—1,5 млн. (включая полубезработных). Безработица особенно чувствуется в экспортных отраслях, а также в отраслях, зависящих от иностранного сырья.

Итак, рост безработицы наблюдается за счет рабочих легкой индустрии, а также в связи с новым притоком предложений на рынке труда со стороны впервые ищущих труда — женщин и подростков — и разорившихся, пролетаризированных элементов города и деревни. Что же касается безработных, раньше работавших в тяжелой промышленности, то их численность значительно снижается, так как из этого резервуара предприниматели черпают часть недостающей им рабочей силы.

Дальнейшие перспективы использования этого резерва военным хозяйством капиталистических стран зависят от структуры современной безработицы. Имеющиеся материалы по ряду стран — Англии, Франции и Японии — показывают, что безработные, раньше работавшие в отраслях промышленности, непосредственно обслуживающих войну (горное дело, металлургия, металлообрабатывающая промыш-

ленность, машиностроение, судостроение, отчасти строительство), составляют около одной трети общего количества безработных. Подавляющая же масса безработных может быть использована частью на работе, не требующей определенной квалификации, часть нуждается в более или менее длительной переквалификации.

Опыт мировой войны 1914—1918 гг. дает возможность судить о темпах рассасывания безработицы и использования ее резервов во время войны. Правда, при учете этого «опыта» нельзя упускать из виду некоторые особенности обстановки того времени. Во-первых, размеры безработицы накануне первой мировой войны были сравнительно невелики и достигали всего 2—3%, т. е. были в 3—4 раза ниже уровня безработицы перед современной империалистической войной (Англия, Франция). Во-вторых, начало войны, сопровождающееся приспособлением народного хозяйства к нуждам военного времени, вызвало в первую мировую войну гораздо более сильный подъем волны безработицы, чем в настоящее время. Это объясняется тем, что к современной империалистической войне многие капиталистические страны пришли с хозяйством, уже в значительной мере переведенным на военные рельсы. Наконец, накануне войны 1914—1918 гг. не было того дефицита квалифицированной рабочей силы, который так заметно ощущался еще до возникновения современной войны, предъявляющей исключительный спрос на квалифицированную рабочую силу.

Если мы обратимся к примеру Германии в период войны 1914—1918 гг., то увидим, что начало войны вызвало здесь интенсивнейший взлет безработицы — с 2,9% в конце июля до 22,4% в конце августа (среди членов профсоюзов). Уровень безработицы оставался высоким до конца 1914 г. и даже в течение первых месяцев 1915 г. Лишь через 8—9 месяцев безработица вернулась к довоенному уровню, несмотря на то, что за это время было уже мобилизовано на фронт около 3 млн. человек. С конца 1916 г. и в особенности в 1917—1918 гг. безработица рассосалась. Однако известная часть безработных не могла быть использованной даже в самый разгар войны. Об этом свидетельствуют, например, данные о безработице среди текстильщиков. До войны процент безработных среди этой группы рабочих достигал 1—2, за годы же войны он увеличился в 4—6 раз. Даже в 1918 г., когда недостаток рабочих рук был столь чувствителен, уровень безработицы оказался здесь раза в три выше чем до войны, колеблясь от 4,6 до 5,6%.

Что касается безработицы в Англии в период войны 1914—1918 гг., мы здесь наблюдаем в общем аналогичную картину, хотя и с некоторыми изменениями. В Англии возникновение войны тоже вызвало сильное обострение безработицы, но темпы ее роста оказались здесь значительно слабее: в конце августа безработица возросла среди членов тред-юнионов до 7,1% против 2,8% в конце июля; для снижения безработицы до довоенного уровня Англии понадобилось не 8 месяцев, как в Германии, а четыре. Но эта разница в динамике безработицы в значительной мере объясняется тем, что в английских тред-юнионах (по которым только и имеются данные о безработице за те годы) были объединены преимущественно привилегированные слои рабочих, состоящие из более квалифицированных кадров. Показательно, что и в Англии безработица среди текстильщиков держалась во время войны на относительно высоком уровне.

Итак, опыт первой империалистической войны показывает, что потребовалось не меньше 4—8 месяцев — при значительных размерах мобилизации населения на фронт, — чтобы вовлечь в производство преимущественно квалифицированные слои безработных, после

чего уже стал ощущаться значительный дефицит в рабочей силе. Что же касается основной массы безработных, то, если судить по примеру Германии, потребовалось больше двух лет, чтобы она заметно рассосалась.

Так как накануне второй империалистической войны уровень безработицы оказался гораздо выше, а развертывание военных действий протекало до мая 1940 г. значительно медленнее, чем во время первой империалистической войны, резервы безработных поглощались военным хозяйством менее интенсивно (например, в Англии). В известной мере это явление объясняется профессиональным составом безработных, мало соответствующим спросу, предъявляемому тылом и фронтом современной войны. Большая роль профессионального состава безработных в этом вопросе видна хотя бы из практики использования труда безработных в Японии. Здесь, по исчислениям Совета министров, требовалось на 1939 г. дополнительных 1 100 тыс. рабочих и служащих для снабжения рабочей силой ряда основных отраслей народного хозяйства (промышленность, транспорт и связь), а также для осуществления программы по переселению в Манчжурию. Эту рабочую силу намечено было получить из следующих четырех источников: из числа лиц, окончивших школу и еще не приступивших к другой работе (в 1938 г. они дали 217 тыс. человек); из числа оставшихся без работы в связи с сокращением производства в различных отраслях промышленности (в 1938 г.— 230 тыс. чел.); из сельского населения, из среды торговцев, а также из числа лиц, освобожденных в связи с рационализацией производства (в 1938 г.— несколько десятков тысяч человек); наконец, из корейских эмигрантов (в 1938 г.— около 80 тыс. человек). Анализируя эту программу снабжения рабочей силой, газета «Тоюо Keizai Shimpо» (от 15 июля 1939 г.) на опыте предыдущих лет приходит к выводу, что при столь значительных размерах безработицы в стране из числа безработных можно использовать для указанной потребности всего около 200 тыс. человек.

Таким образом безработные только в небольшой части и лишь постепенно вовлекаются в военное хозяйство империалистических стран.

Если возникновение войны сопряжено с сильным ростом безработицы, лишь медленно и далеко не полностью рассасывающейся в период войны, то прекращение войны сразу же вызывает новый и еще более резкий подъем волны безработицы. Таким образом безработица — этот бич рабочего класса в капиталистических странах — преследует рабочих при всех превратностях военного и мирного времени. Рост безработицы «на другой день по окончании войны» объясняется рядом причин. Здесь прежде всего сказываются демобилизация огромных современных армий, приспособление хозяйства к новым, «мирным» условиям и медленное налаживание расстроенных мирохозяйственных связей. Значительную роль в увеличении безработицы в ряде случаев играет возвращение большей частью в разоренные войной районы огромных беженских масс. Причиной, имеющей в этом отношении более длительное действие, является обнищание в результате войны широких масс населения, что оказывает задерживающее влияние на восстановление народного хозяйства воевавших и особенно побежденных стран. Бурный рост безработицы в государствах, прекративших войну, уже отмечается теперь в ряде стран. Во Франции после заключения перемирия с Германией безработица гигантски выросла: в настоящее время там насчитываются миллионы безработных. Резко возросла безработица и в Дании: даже по официальным данным число безработных в мае 1940 г. возросло здесь почти в два раза против мая 1939 г. (116 тыс. против 67 тыс.).

В Голландии безработица увеличилась более чем в полтора раза: 300 тыс. в июне 1940 г. против 196 тыс. в июне 1939 г., и т. д.

V. Применение женского и детского труда

Значительным «резервом» снабжения рабочей силой военного хозяйства является женский и детский труд. Мобилизация рабочих мужчин на фронт заставляет предпринимателей все больше и чаще прибегать к женской и детской рабочей силе, являющейся притом и наиболее дешевой. Отвлечение на фронт мужей, братьев и отцов вынуждает многих женщин и детей в связи с обнищанием семьи (пособия, выдаваемые семьям мобилизованных, как известно, крайне мизерны) прибегать к работе по найму, если они почему-либо раньше прекратили работу или вовсе не работали. Удельный вес женщин и детей в производстве стал поэтому сильно расти.

В Германии, например, доля женщин среди рабочих и служащих, занятых в различных отраслях народного хозяйства, составила в конце 1937 г. 31,4% (по данным больничных касс), а уже к концу 1938 г., т. е. еще до войны, поднялась до 32,2%. За один год применение женского труда выросло на 9% — с 5 693 тыс. до 6 207 тыс. Это самый интенсивный рост женского труда с 1933 г. Впервые за много лет темпы роста женского труда (+ 9%) превысили, и притом значительно, темпы роста мужского труда (+ 5,2%). Когда разразилась война, участие женщин в народном хозяйстве еще более поднялось, превысив 33%. Женщины стали вовлекаться в такие отрасли, которые раньше были заняты почти исключительно мужчинами: в металлургию, в кирпичное производство, на карьеры, на транспорт, а также в большем числе в химическую промышленность, в кожевенную, на почту, трамвай и т. п.

В Англии, по расчетам, произведенным двумя представителями Института статистики в Оксфорде, в народное хозяйство намечено вовлечь — при длительном характере войны — около 4 млн. женщин, причем наиболее сильный рост женщин предполагается в таких отраслях, как металлопромышленность — в 3,8 раза, химическая — в 2,8 раза, транспорт — в 7 раз, строительство — в 4,6 раза (против довоенного времени). Процент женщин в народном хозяйстве к концу первой империалистической войны составлял 56. В современной войне этот процент предположено повысить до 85.

В Японии вовлечение женского труда тоже оказалось весьма значительным. С 1936 г. по 1938 г. число женщин, занятых в машиностроении и производстве инструментов, поднялось с 55,5 до 106,8 тыс., т. е. почти удвоилось. Женщинам приходится работать в тяжелых и опасных производствах, что вызывает рост заболеваний. Во всей промышленности число занятых женщин увеличилось за 8 лет (1930—1938 гг.) на 30% (с 908 тыс. до 1 212 тыс.).

Во Франции для ряда отраслей и профессий установлен был (декретом от 28 февраля 1940 г.) принудительный труд женщин. Министру труда было поручено в двухмесячный срок провести учет всех работоспособных женщин.

Что касается подростков, то в ряде воюющих стран они взяты на учет и их определение на работу регулируется официальными органами. В Японии, например, «во избежание конкуренции между предпринимателями» министр социального обеспечения вместе с министром просвещения контролируют определение детей на работу; об этом даны соответствующие инструкции префектам. В Германии основные правила направления на работу через бюро труда (от 1 сентября 1939 г. и последующие) относятся и к подросткам. В ряде слу-

чаев в связи с военным временем подростки допускаются к работе в возрасте 14 лет вместо 16 лет (например, в качестве трактористов на сельскохозяйственных работах); на сельскохозяйственные работы привлекаются в широком масштабе и школьники, направляемые на работу через бюро труда. На тех же работах более легкого характера используются и дети в возрасте 10—16 лет по окончании школьных занятий.

Масштаб внедрения женской рабочей силы и труда подростков зависит от дальнейшего развертывания войны. Опыт первой империалистической войны показал, что при затяжном характере ее удельный вес этих слоев рабочей силы резко возрастает. Вот некоторые характерные в этом отношении статистические данные.

Таблица 2

Рост применения женского и детского труда ⁹
а) В Германии

Отрасли промышленности	Число занятых женщин		Число занятых детей (до 16 лет)	
	1913 г.	1918 г.	1913 г.	1918 г.
Горная промышленность	15 969	109 622	870	6 250
Металлообрабатывающая промышленность	81 993	231 773	12 180	25 154
Машиностроение	74 642	498 374	4 991	23 865
Химическая промышленность	26 749	208 877	2 981	9 565

б) В Англии

Отрасли промышленности	Июль 1914 г.	Июль 1918 г.	Прирост (в %)
Вся промышленность	2 179	2 971	± 36,3
В том числе:			
Металлическая промышленность	170	594	± 249,4
Химическая »	40	104	± 160,0
Деревообрабатывающая »	44	79	± 79,5

Аналогичные тенденции отмечаются и в современной империалистической войне.

VI. Профессиональное обучение и переквалификация

Чтобы соответственно использовать значительные кадры как уже занятых рабочих (на предприятиях невоенного характера), так и безработных и вновь вовлекаемых в производство женщин, подростков и детей, требуется переквалификация многих из них. Это вызывает необходимость в постановке в широких размерах профессионального обучения, которому в настоящее время уделяется особое внимание в воюющих странах.

Серьезные меры в этой области помимо усиления обычных путей профессионального образования принимаются в Японии. С 5 апреля

⁹ В предприятиях, насчитывающих 10 рабочих и больше. См. а) Meerwarth, Günther, Zimmermann, Die Einwirkung des Krieges auf Bevölkerungsbewegung, 1932. SS. 350—351; б) Bowley, Prices and Wages in the United Kingdom, 1921, p. 185.

1939 г. все предприятия, насчитывающие в нормальное время свыше 200 рабочих (а в некоторых случаях и от 50 рабочих) и входящие в особый список, установленный министром социального обеспечения, обязаны организовать у себя технические курсы. Курсы организуются по определенным видам работ (22 вида), касающихся 61 специальности, применяемой в металлопромышленности и машиностроении. Обучение рассчитано на охват не больше 6% рабочих данного предприятия. Нормальный курс обучения — трехлетний, но он может быть сокращен до двух лет, а в особых случаях (в связи с требованиями войны) и до более короткого срока. Предприниматель обязан согласовать программу занятий курсов с префектом. К обучению допускаются рабочие с 17-летнего возраста. Расходы по профессиональному обучению несут предприниматели, которые в ряде случаев получают субсидии от правительства. Помимо мер по повышению квалификации рабочих министру просвещения Японии предоставлено право предлагать высшим и другим техническим учебным заведениям организовать подготовку технического персонала по особой программе, согласованной с соответствующими министрами.

В Германии в связи с острым недостатком квалифицированных рабочих срок ученичества на предприятиях был сокращен осенью 1938 г. с 4—5 до 3 лет. По требованию министра труда, бюро труда должны с октября 1939 г. сообщать школам с профессиональным уклоном, каким профессиям следует в данный момент отдать предпочтение. Кроме того, с конца августа 1939 г. организовано много краткосрочных курсов (10—14 дней и дольше) для подготовки женщин по разным специальностям: кондукторов трамваев, кассирш, машинисток, счетных работников, работников транспорта и др. Созданы также учебные мастерские для подготовки квалифицированных рабочих по следующим профессиям: слесари, токари, автогенные сварщики и др. Для переквалификации в значительной мере используются кадры безработных, текстильщики и другие «мирные» профессии. К августу 1940 г. в Германии проходило переквалификацию и обучалось для использования в промышленности около 800 тыс. человек. Каждое предприятие имеет определенную квоту учеников.

В Англии переквалификация рабочих до мая 1940 г. проводилась очень медленно. Всего было обучено 28 тыс. человек при общей годовой программе в 40 тыс. человек. После поражения Франции министерство труда в Англии уделило больше внимания вопросу о переквалификации. Охват обучающихся (преимущественно рабочие полуквалифицированных профессий) расширен в несколько раз. К подготовке рабочей силы (из числа безработных, женщин, рабочих «мирных» профессий) для военной промышленности привлекаются школы, технические институты и частные предприятия.

Во Франции сеть центров по переквалификации безработных постепенно увеличивалась. Число этих центров поднялось с 14 до 20, что должно было дать возможность обучить в год 4 тыс. безработных полуквалифицированной работе. Стоимость проведения этой программы достигала 25 млн. фр. Курс обучения — 6—9 месяцев. На курсы принимались лица с 18—19-летнего возраста, а по некоторым профессиям — с 20—25 лет.

Особый интерес представляет намечаемая в американской прессе постановка краткосрочных профессиональных курсов в связи с недостатком квалифицированной рабочей силы для расширяющейся военной промышленности США. Как сообщает орган американского Национального совета промышленных съездов «The Conference Board Management Record», лучшее, что имеется по вопросу профессионального обучения рабочих, — это программа, разработанная еще в 1918 г.

В феврале 1918 г. военным департаментом был организован комитет по профессиональному обучению для выявления спроса армии на квалифицированную рабочую силу и для соответственной организации профессионального обучения. За короткий период (восьмимесячный) Комитет успел обучить 147 тыс. человек по 62 разным профессиям и заключил договора о подготовке еще 223 тыс. человек. Интересны методы, положенные в основу организации этого обучения. Прежде всего была создана подкомиссия, основная задача которой состояла в сообщении сведений соответственным центрам профессионального обучения о требуемых кадрах рабочих и в оказании помощи этим центрам в вербовке обучающихся. Эта подкомиссия ежедневно давала сведения о требованиях армии на рабочих той или иной квалификации и о сроках, когда эти рабочие должны быть направлены в армию. Члены другой подкомиссии постоянно находились в разъездах по стране, посещая как профессиональные курсы, так и армейские части, чтобы следить за тем, насколько подготовка рабочей силы соответствует требованиям армии. Для той же цели созывались конференции с участием руководителей курсов и представителей армии. Курсы эти устраивались при предприятиях. Срок обучения на них был двухмесячный. На каждые 10—15 обучающихся приходился один инструктор. Для быстрой подготовки самих инструкторов Комитет выпустил ряд руководств по самым узким специальностям с детальнейшим обзором преподаваемого предмета и с инструкцией о методах преподавания. Эта инструкция в частности предписывала перенести центр тяжести обучения на практические занятия. Как правило, на теорию нельзя было тратить больше трех часов в неделю. Обучение носило строго индивидуальный характер и учитывало степень подготовки каждого обучающегося. Орган Национального совета промышленных съездов в США подчеркивает, что современные методы обучения принципиально мало отличаются от вышеприведенных, если не считать широкого использования цветного кино для изучения отдельных операций и пользования самоучителями для различных видов работ.

VII. Трудовая повинность

Все перечисленные источники оказались недостаточными для обеспечения рабочей силой военного хозяйства капиталистических стран. На определенном этапе воюющие страны прибегают к принудительному привлечению широких слоев населения в порядке трудовой повинности. В период первой империалистической войны правительства использовали этот метод после нескольких лет войны.

В Германии, например, трудовая повинность была введена лишь в 1916 г., т. е. на третьем году войны. Теперь же планы введения всеобщей трудовой повинности (которая, конечно, мало касается богатых слоев населения, имеющих возможность всегда избежать ее) были разработаны еще до возникновения войны. В ряде стран эти планы уже проводятся в жизнь.

Япония ввела трудовую повинность с 8 июля 1939 г. на основании закона, изданного еще в марте 1938 г. Предварительно распоряжением от 7 января 1939 г. была проведена обязательная регистрация на биржах труда всех имеющих определенную профессию граждан мужского пола в возрасте 16—50 лет (кроме военных). На основе данных этой регистрации, охватившей, по сведениям 400 бирж труда, около 5 300 тыс. человек, была введена в июле 1939 г. трудовая повинность для ряда особо важных работ, а также для работ, перечисленных в законе «об общей мобилизации нации». Следует отме-

тить, что прикрепление рабочих к предприятиям фактически было введено в Японии до официального объявления указа о трудовой повинности. Еще в апреле 1939 г. рабочие 93 профессий (машиностроение, металлургия, горное дело и др.) были прикреплены к своим предприятиям: они могли быть приняты на другую работу только с разрешения бирж труда. С введением трудовой повинности положение рабочих еще более ухудшилось. Фактически здесь проведение милитаризация труда.

Несколько иной характер носит проведение трудовой повинности в Германии. Трудовая повинность вводилась здесь постепенно и началась еще до наступления войны с западными державами. Декретом, изданным в июне 1938 г., бюро труда были уполномочены направлять ряд рабочих на работу в другие районы. Декретом от 15 октября того же года направление на работу по предписанию бюро труда было ограничено определенным сроком. Затем декретом от февраля 1939 г. было ограничено право рабочих, занятых в ряде отраслей (горное дело, металлопромышленность, химическая промышленность, строительство и др.), менять место работы. Для перемены места работы требовалось разрешение бюро труда. Такое же разрешение требовалось при увольнении рабочих предпринимателями. Особые меры были приняты в отношении трудовой повинности женской молодежи. С 23 декабря 1938 г. была установлена трудовая повинность для всех молодых женщин, желающих получить работу на государственной службе или в частном предприятии; до того времени обязанность предварительно проработать 1 год в сельском хозяйстве или в качестве домашней прислуги распространялась только на желающих получить определенные виды работы¹⁰. Кроме того рядом декретов предусмотрено участие бюро труда в распределении на работу молодежи,— как женской, так и мужской — по окончании школы. По декрету Совета обороны империи от 4 сентября 1939 г. численность женской молодежи, привлекаемой к трудовой повинности, была определена в 100 тыс. человек. Министерству труда предоставлено право завербовать дополнительное количество девушек в возрасте 17—25 лет, не имеющих постоянной работы и не занимающихся на курсах профессионального обучения. С начала сентября 1939 г. регулирование рынка труда еще более централизуется. Устанавливается общий контроль государства над приемом и увольнением рабочих. Прием на работу и освобождение от нее проводятся только через бюро труда (за исключением сельскохозяйственных рабочих); оканчивающие свою работу (по контракту, временные работники и др.) обязаны немедленно зарегистрироваться в бюро труда. Учет всех лиц наемного труда был осуществлен в Германии еще при выдаче трудовых книжек, что облегчило возможность введения трудовой повинности. При привлечении на работу в порядке трудовой повинности рабочие, как правило, получают заработную плату в размере, установленном на прежней работе. С середины 1938 г. до августа 1940 г. к трудовой повинности было привлечено около 2 млн. человек, в том числе с начала войны 1,25 млн. человек.

Во Франции законом от 11 июля 1938 г. была предусмотрена возможность направления мужчин и женщин на работы, необходимые в условиях войны. Рабочие и служащие фактически были прикреплены к военным предприятиям. Об установлении принудительного труда для женщин мы говорили уже выше. Декретом от 23 февраля 1940 г. был введен принудительный труд для всех сельскохозяйственных рабочих и для крестьян. Они лишены были права переходить

¹⁰ «L'Année Sociale», 1938/39, p. 149.

в другие отрасли труда — в промышленность и торговлю. При переходе с одного сельскохозяйственного предприятия на другое необходимо было сообщить об этом в течение 8 дней соответственному сельскохозяйственному комитету. Рабочие, прикрепленные к предприятиям, работающим на войну, лишены были, как и в других странах, права стачек.

Трудовая повинность была введена для ряда работ и в других странах — Румынии, Швеции, Швейцарии.

* * *

Мы не имеем возможности останавливаться еще на других «резервах» рабочей силы. Укажем только, что и в современной войне в значительной мере используется труд военнопленных, преимущественно в сельском хозяйстве и строительстве. Польские, бельгийские, французские и английские военнопленные работают на германских промышленных предприятиях и главным образом в сельском хозяйстве. В настоящее время (в июле — августе 1940 г.) их насчитывается около 700 тыс. Известную роль для некоторых стран играет рабочая сила, привлекаемая из колоний. В первую империалистическую войну Франция получила из своих колоний 54,5 тыс. рабочих, в настоящей войне предполагалось получить тем же путем 300 тыс. рабочих. Англия привлекает рабочих из Австралии и других колоний. В известной мере используется труд иностранных рабочих. В широких размерах они привлекаются главным образом в Германии (около 1 млн. человек, в том числе в промышленности — 400 тыс.).

Что же касается резервов сельского населения западных стран для использования в военной промышленности, то они в современной войне не играют почти никакой роли, так как в самом сельском хозяйстве этих стран (Франция, Германия) ощущается острый недостаток рабочей силы. Германия, как мы видели, мобилизует в порядке трудовой повинности значительные слои городской молодежи в деревню.

Перечисленные здесь второстепенные резервы играют сравнительно небольшую роль в снабжении рабочей силой воюющих стран. Из обзора же основных источников рабочей силы можно сделать следующий вывод. Хотя система мероприятий по снабжению рабочей силой военного хозяйства империалистических стран не всюду еще полностью развернута и не весь арсенал средств привлечения рабочей силы исчерпан, все же можно сказать, что эти мероприятия — как это было и в период войны 1914—1918 гг. — не в состоянии полностью разрешить проблему рабочей силы воюющих стран. Вся система этих мероприятий в основном сводится к хищнической эксплуатации рабочей силы, к истощению или прямому уничтожению ее, что помимо крайнего обострения классовых противоречий явно торозит увеличение резервов рабочей силы.

Ад, созданный для рабочих мероприятиями по «регулированию рынка труда», вызывает гнев и возмущение рабочих масс, будит их революционное сознание, толкает их, несмотря на чудовищный террор, на организованные выступления против эксплуататоров. В настоящее время рабочие массы выдвигают прежде всего требование мира, но логика борьбы приводит их к революционным выступлениям против самой капиталистической системы, порождающей неслыханную эксплуатацию и кровавые бои в интересах кучки империалистов.

Соотношение средств производства и предметов потребления

Вступление нашей страны в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму требует от экономистов исчерпывающего ответа на вопросы: каковы должны быть пропорции социалистического хозяйства в этот период? Является ли законом социалистического воспроизводства в отличие от воспроизводства капиталистического более высокий удельный вес предметов потребления в общественном продукте? Или, напротив, в социалистической системе хозяйства заложена возможность и необходимость достижения более высокого удельного веса средств производства? Должен ли при социализме удельный вес первого подразделения непрерывно повышаться или его повышение — явление временное, связанное лишь с данной ступенью индустриального развития СССР и наличием капиталистического окружения? Если повышение удельного веса первого подразделения не временное явление, то не исключается ли возможность в отдельные периоды более ускоренного роста второго подразделения? Ответ на все эти вопросы, непосредственно связанные с планированием накопления и потребления в нашей стране, имеет очень большое значение для понимания перспектив развития нашего народного хозяйства.

Соотношение между средствами производства и предметами потребления определяется: 1) уровнем индустриального развития страны, 2) масштабами и нормой накопления и 3) степенью использования средств производства в народном хозяйстве. Социализм создает свой уровень индустриального развития, свои масштабы и норму накопления, свой уровень использования средств производства. В связи с этим структура воспроизводства при социализме иная, чем при капитализме. Поэтому ответить на поставленные выше вопросы можно прежде всего проанализировав различия в уровне индустриального развития, в масштабах и норме накопления и в использовании средств производства при социализме и капитализме. Этому анализу и посвящается настоящая статья.

I. Уровень индустриального развития и соотношение I и II подразделений

Развитие современной крупной индустрии разносторонне воздействует на все народное хозяйство, на всю совокупность экономических и классовых отношений в каждой данной стране, а также на взаимоотношения между различными странами. Наша задача состоит в сопоставлении уровня индустриального развития СССР и капиталистических стран и определении влияния этого уровня на удельный вес средств производства в общественном продукте. Поэтому мы должны выделить те показатели, которые количественно характеризуют индустриальное развитие и в которых количественно выражаются особенности социальных структур общественного воспроизводства и этапов индустриального развития различных стран. Однако необходимо постоянно помнить, что количественная характеристика индустриального развития не способна полностью раскрыть все богатство его содержания.

Уровень индустриального развития количественно характеризуется, во-первых, объемом индустриального производства; во-вторых, удельным весом машинной индустрии во всем народном хозяйстве; в-третьих, обеспеченностью народного хозяйства и степенью вооружения каждого жителя данной страны современными орудиями производства и средствами транспорта, т. е. технической структурой народного хозяйства; в-четвертых, размерами ежегодного насыщения народного хозяйства индустриальными средствами производства и уровнем душевых норм производства последних; в-пятых, степенью переработки сельскохозяйственных продуктов в машинной индустрии, размерами ежегодного насыщения страны индустриальными предметами потребления и уровнем душевых норм производства последних.

Если сопоставить уровень индустриального развития СССР и главных капиталистических стран по этим показателям, то получится следующая картина.

Таблица 1

Соотношение уровней индустриального развития СССР и капиталистических стран.¹

Показатели индустриального развития	СССР в % к		
	США	Германии	Англии
I—II. Объем индустриального производства и соотношение промышленности и сельского хозяйства:			
1) Валовая продукция промышленности . . .	32,7	117,3	146,4
2) Валовая продукция сельского хозяйства .	71,4	313,5 (1935 г.)	—
3) Промышленная продукция на душу населения	24,8	46,2	40,5
4) Сельскохозяйственная продукция на душу населения	54,5	123,4	—
III. Обеспеченность народного хозяйства современными орудиями производства и средствами транспорта:			
1) Металлофонд:			
а) общие размеры	8,7	54,4	—
б) на душу населения	6,6	21,4	—
2) Мощность всех-электростанций	18,0	50,0	66,0
3) Мощность тракторного парка	52,0	—	—
4) Протяженность железнодорожной сети:			
а) всего	23,7	157,4	262,7
б) на 1 кв. км территории	10,5	3,5	3,1
5) Мощность морского торгового флота . .	10,5	33,2	6,3
6) Автопарк:			
а) всего автомобилей	2,6	41,9	31,6
б) на душу населения	2,0	16,5	8,6

¹ Все данные — за 1937 г., металлофонд и автомобильный парк — на конец 1938 г. При расчетах не учтены западные области Украины и Белоруссии, новые районы Карело-Финской ССР, Бессарабия и Северная Буковина, Литовская, Латвийская и Эстонская ССР. Все данные о Германии — в границах 1937 г.

Таблица 1 (продолжение)

Показатели индустриального развития	СССР в % к		
	США	Германии	Англии
IV. Размеры годового насыщения народного хозяйства индустриальными средствами производства:			
1) Продукция машиностроения:			
а) всего	41,5	143,2	158,2
б) на душу населения	31,6	56,4	43,7
2) Производство электроэнергии:			
а) всего	24,2	72,2	122,3
б) на душу населения	18,5	28,4	33,7
3) Добыча всех видов первичного топлива (в усл. единицах):			
а) всего	28,0	104,6	94,3
б) на душу населения	21,4	41,2	26,0
4) Производство проката черных металлов:			
а) всего	36,2	92,2	130,9
б) на душу населения	27,6	36,3	36,2
5) Потребление меди:			
а) всего	19,5	68,3	50,8
б) на душу населения	14,9	26,9	14,0
6) Производство серной кислоты:			
а) всего	33,5	83,3	156,8
б) на душу населения	25,6	32,3	43,3
7) Производство цемента:			
а) всего	27,0	47,4(1935 г.)	74,8
б) на душу населения	20,6	18,6	20,7
V. Размеры годового насыщения страны индустриальными предметами потребления:			
1) Производство хлопчатобумажных тканей на душу населения			
	27,6	—	26,6
2) Производство шерстяных тканей на душу населения			
	21,4	—	8,1
3) Производство кожаной обуви на душу населения			
	38,5	90,9	45,5
4) Производство бумаги на душу населения			
	10,4	11,9	11,9
5) Производство сахара на душу населения			
	116,6	48,3	175,0
6) Производство мыла на душу населения			
	25,0	42,8	27,3

Данные таблицы позволяют сделать выводы о связи между уровнем индустриального развития страны и соотношением I и II подразделений общественного продукта. По объему индустриального производства СССР занимает первое место в Европе и второе — во всем мире. В результате создана материальная база первой фазы коммунизма. Завоеваны исходные позиции для завершения построения бесклассового социалистического общества. Достигнутый объем про-

изводства и высокий удельный вес в нем машиностроения, развертывание в крупных масштабах всех важнейших отраслей промышленности обеспечивают технико-экономическую независимость и оборонную мощь Советского Союза. Используя закон неравномерного развития и преимущества социализма, СССР создал в кратчайший срок технически совершенную индустрию. Страна социализма стала первой в мире индустриальной державой и крупнейшей силой в мировом хозяйстве и мировой политике.

Рост объема индустриального производства при современной технике самым тесным образом связан с увеличением производства индустриальных средств производства.

В XIX в. капитализм создал в Европе и Северной Америке крупную механизированную текстильную и отчасти механизированную пищевую индустрию. Несмотря на быстрое развитие этих отраслей механизированного производства, изготовляющих предметы потребления, внедрение паровой техники, замещение ручного труда машинным и производство все большей части народнохозяйственной продукции в промышленности неизбежно вели к росту удельного веса средств производства в общественном продукте. По мере технического прогресса, указывал Маркс, капиталистическое общество расходует больше находящегося в его распоряжении годового рабочего времени на производство средств производства, которые не могут сделаться доходом ни в форме заработной платы, ни в форме сверхстоимости, но могут функционировать только в качестве капитала. Поэтому во всех странах, развивавших крупную промышленность и транспорт, главным образом за счет собственного производства средств производства, индустриализация сопровождалась весьма интенсивным ростом удельного веса средств производства. В Великобритании индустриальное производство текстильных и пищевых товаров с 1860 до 1913 г. возросло в два раза, а продукция горной промышленности — более чем в три раза, продукция железодельной и стальной промышленности — почти в восемь раз². В США индустриальное производство текстильных товаров за период с 1860 до 1913 г. возросло почти в семь раз, продукция же горной промышленности — в двенадцать раз, индустриальное производство железных и стальных продуктов — в сто раз. В Германии соотношение роста продукции текстильной, горной и железодельной и стальной за этот же период — $5\frac{1}{2} : 8 : 25$; во Франции — $3 : 5 : 6$. Даже в царской России, где машинная индустрия развивалась в весьма значительной мере на базе заграничных машин, происходил рост удельного веса I подразделения в годовой продукции. С 1890 до 1913 г. продукция текстильной промышленности России возросла в три раза, а продукция железодельной и стальной промышленности — в шесть раз. Однако на первых этапах индустриального развития и удельный вес средств производства и абсолютные размеры их производства сравнительно незначительны. В качестве главных отраслей машинного производства выступают хлопчатобумажная и шерстяная промышленность. Масштабы машиностроения невелики. В то время как на текстильные изделия спрос массовый, спрос на машины ограничен потребностями железнодорожного и водного

² Исчислено на основе данных публикации Берлинского конъюнктурного института «Die Industrewirtschaft, Entwicklungstendenzen der deutschen und internationalen Industrieproduktion 1860 bis 1932», Berlin 1933 (Sonderheft 31).

транспорта и лишь некоторых отраслей промышленности. Да и наиболее развитые отрасли машинного производства сначала механизмируют лишь часть технологических процессов.

Современный этап индустриального развития означает не только повышение удельного веса средств производства, но и огромные абсолютные масштабы производства средств производства³. На первых этапах машинного производства развитой в индустриальном отношении могла считаться страна, широко развернувшая механизированное производство некоторых предметов потребления; с 70—80-х годов XIX в., и особенно в XX в., индустриальное развитие страны характеризуется прежде всего наличием в ней массового индустриального производства орудий и средств производства. Одновременно изменяется содержание индустриализации. Страны, вступившие на путь индустриализации в конце XVIII и начале XIX вв., сначала развивали легкую промышленность. Тяжелая промышленность лишь со временем обгоняет в своем развитии легкую индустрию. При современной технике производства страна, развернувшая машинное производство предметов потребления, но не имеющая крупного производства орудий и средств производства, не может считаться развитой в индустриальном отношении. Поэтому вульгарной и глубоко ошибочной следует считать распространенную в буржуазной экономической литературе точку зрения, согласно которой каждая страна, вступающая на путь индустриализации, должна неизбежно пройти все стадии, уже пройденные высокоразвитыми индустриальными странами⁴. На первый взгляд представляется, что эта «фатальная» схема стадий индустриализации подтверждается фактами. Однако при более внимательном анализе чисто механический подход к проблеме дает осечку. Соотношение I и II подразделений в отдельных капиталистических странах в значительной мере зависит от степени индустриального развития не только данной страны, но и мирового хозяйства. Высокий удельный вес предметов потребления в промышленной продукции Англии в первой половине XIX в. обуславливался относительно низким уровнем машинной техники той эпохи. Роль орудий труда при нынешнем уровне техники несравненно более велика. Следовательно, в «природе вещей» не заложено никакой необходимости повторять в первой половине XX в. английский путь развития первой половины XIX в. И если тем не менее ряд стран, расположенных в Южной Америке и в бассейнах Тихого и Индийского океанов, проходит начальные стадии английского пути, то не потому, что эти стадии фатально неизбежны. Причина — в политической либо экономической несамостоятельности этих стран, в их зависимости от Англии и других главных капиталистических держав, препятствующих развитию в этих странах тяжелой индустрии, и прежде всего собственного машиностроения. «Стадийная» теория индустриали-

³ В этом отношении весьма показательно сопоставление абсолютных размеров производства черных металлов. Мировое производство чугуна в 1850 г. составляло всего 4 400 000 больших т, а в 1929 г. — 97 330 000 больших т; мировое производство стали в 1870 г. составляло лишь 510 000, а в 1929 г. — 118 400 000 больших т.

⁴ Эта идея пронизывает всю книгу W. Hoffmann'a «Stadien und Typen der Industrialisierung» (Jena 1931). W. Hoffmann пишет: «Различные страны на определенном этапе развития должны иметь сходную структуру. Индустриальные хозяйства с одинаково долгой историей — при одинаковых условиях — показывают приблизительно одну и ту же степень развития» (S. 27). I. B. Condliffe в «The Industrial Revolution in the Far East» (The Economic Record, Melbourne, III, 1927), анализируя индустриальное развитие стран Дальнего Востока, говорит: «Исходящие экономическую историю могут найти в современном состоянии индустриализации на Дальнем Востоке иллюстрацию к периоду, который прошла Англия в форме промышленной революции» (стр. 82).

зации представляет не что иное, как империалистическое оправдание индустриальной отсталости колониальных и зависимых стран. По сути дела эту же теорию проповедывали враги социализма, борющиеся против социалистической индустриализации и технико-экономической независимости СССР.

Объем промышленного производства царской России в 1913 г. составлял примерно $\frac{1}{15}$ промышленной продукции США, $\frac{1}{6}$ промышленной продукции Германии и $\frac{1}{5}$ промышленной продукции Англии. Уже в силу этих относительно незначительных масштабов промышленности производство индустриальных средств производства не могло играть в народном хозяйстве России такой роли, какую оно играло в главных капиталистических странах. На объем и структуру индустриального производства царской России оказывали сильнейшее влияние зависимость от иностранного капитала и наличие огромного количества пережитков феодализма. Поэтому закон неравномерного развития капитализма проявился в России весьма своеобразно. Иностраный капитал притекал в Россию в концентрированной форме, не распыляясь по мелким предприятиям. С другой стороны, государство выступало в качестве крупнейшего в стране централизованного потребителя металлов и топлива. Господство иностранного капитала в сфере производства в тяжелой промышленности, господство государства в сфере потребления продуктов тяжелой промышленности (при неразвитости массового рынка) содействовали исключительной концентрации промышленного производства, по уровню которой царская Россия заняла первое место. Таким образом, промышленность России, минуя в ряде важнейших отраслей промежуточные ступени, сразу освоила новейшие, наиболее концентрированные формы производства.

Но исключительный уровень концентрации не был сплошь и рядом связан с освоением новейшей техники. Недостаток собственных капиталов, наличие большого количества пережитков феодализма, дешевизна рабочей силы, низкий уровень грамотности и технической культуры вели к тому, что техника производства крупной капиталистической промышленности России с самого начала ее развития стала отставать. В силу особо благоприятных условий для реализации продуктов тяжелой промышленности по монопольным и сверхмонопольным ценам (исключительное сращивание государственного аппарата с монополиями, высокий таможенный барьер, развитость казенного предпринимательства и неразвитость промышленности в целом) черты технического загнивания крупной промышленности выступили в России раньше, чем на Западе. Идя на поводу у иностранного монополистического капитала, царское правительство мало содействовало развитию такой важнейшей отрасли, как машиностроение. В 1912 г. потребность в основном элементе индустриализации — в промышленных машинах — была удовлетворена на 58% за счет ввоза. В 1913 г. машиностроение России (включая ремонтные заводы) давало всего 6,8% валовой продукции крупной промышленности, и в нем было занято 9,8% всех рабочих крупной промышленности. Характерно, что в 1914 г. машиностроение США (включая железнодорожные ремонтные мастерские) произвело примерно 20% всей продукции, а число работающих в этой отрасли составляло около 14% всех рабочих ценовой промышленности.

Таким образом, даже небольшая по своему объему техника российской промышленности воспроизводилась главным образом путем ввоза машин из-за границы, а структура промышленного производства была отсталой. Производство средств производства играло в России гораздо меньшую роль, чем в развитых капиталистических

странах; вплоть до революции был несравненно более велик удельный вес пищевкусовой промышленности (дававшей 26,6% валовой продукции и задалживавшей 11,6% рабочих крупной промышленности) и текстильной (28,1% валовой продукции и 21,5% рабочих).

Увеличение объема промышленной продукции СССР с 1913 по 1938 г. в 6½ раз позволило радикально изменить структуру индустриального производства и всего народного хозяйства.

Таблица 2

Изменение структуры народного хозяйства СССР⁵

	Валовая продукция 1938 г. в % к 1913 г.
I. Вся промышленность	650
В том числе:	
а) производство средств производства ⁶	1 150
б) производство предметов потребления	410
II. Сельское хозяйство	160

Увеличение объема индустриального производства и изменение структуры народного хозяйства (при абсолютном росте производства предметов потребления и продукции сельского хозяйства) явились в руках диктатуры рабочего класса орудием преодоления противоречия между самым передовым политическим строем и технически отсталым народным хозяйством, орудием завоевания технико-экономической независимости нашей страны, социальной реконструкции советского общества и создания внутренней базы укрепления обороны страны.

Итак, поскольку структура воспроизводства зависит от объема индустриального производства, в СССР были созданы на протяжении первой и второй пятилеток все условия для достижения в промышленности высокого удельного веса средств производства, соответствующего современной технике производства. Однако объем индустриального производства, взятый изолированно от масштабов всего народного хозяйства, и прежде всего от масштабов сельского хозяйства, еще недостаточно характеризует уровень индустриального развития. Индустриализация страны и ее индустриальное развитие вообще выражается прежде всего в систематическом повышении удельного веса промышленности в производстве средств производства и предметов потребления и укреплении на этой основе ведущей роли промышленности во всем народном хозяйстве. Рост производительности общественного труда, в частности в сельском хозяйстве благодаря механизации и химизации, промышленная переработка все большей части сельскохозяйственной продукции и развитие механизированного транспорта неизбежно связаны с повышением удельного веса промышленности в общественном производстве. Поэтому вторым показателем уровня индустриального развития страны является удельный вес промышленности в продукции всего народного хозяйства, и прежде всего в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства.

Удельный вес промышленности в продукции народного хозяйства оказывает сильнейшее влияние на соотношение средств производства и предметов потребления в общественном продукте всего народного хозяйства. При современной системе разделения труда и технике производства на единицу промышленной продукции в сред-

⁵ Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства — по данным сборника «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938)», стр. 34 и 84. По сельскому хозяйству дается соотношение валовой продукции 1913 и 1937 гг.

нем требуется затратить гораздо большее количество средств производства, чем на единицу продукции сельскохозяйственной, даже при условии механизации и химизации сельского хозяйства. Поэтому рост удельного веса промышленности неизбежно связан с повышением удельного веса производства средств производства во всем народном хозяйстве.

Увеличение промышленной продукции СССР за период с 1913 по 1938 г. в $6\frac{1}{2}$ раз, а сельскохозяйственной продукции — в 1,6 раза означает резкий рост удельного веса промышленности в народном хозяйстве СССР по сравнению с царской Россией. СССР перестал быть отсталой аграрной страной. В настоящее время промышленность представляет собой главный источник воспроизводства материальных благ во всех отраслях народного хозяйства СССР.

Однако удельный вес промышленного производства в народном хозяйстве в СССР ниже, чем в США, Германии и Англии. В то время как сельскохозяйственная продукция СССР составляет 71,4% американской и 313,5% германской, промышленная продукция СССР составляет 32,7% промышленной продукции США и 117,3% промышленной продукции Германии. СССР превосходит США по производству таких, важнейших массовых сельскохозяйственных продуктов, как зерновые и картофель, в то время как ни по одному из промышленных продуктов, имеющих столь же большое значение, СССР еще не обогнал США. Поскольку объем промышленной продукции в СССР выше, чем в Германии и Англии, меньший удельный вес промышленности в народном хозяйстве СССР по сравнению с Германией и Англией следует отнести прежде всего за счет меньшего объема сельского хозяйства Германии и, особенно, Англии, покрывающих свои потребности в сельскохозяйственном сырье и продовольствии в весьма большой мере путем ввоза. СССР ни в коей мере не может стремиться к такому типу индустриального развития, при котором высокий удельный вес промышленного производства достигается за счет импорта сельскохозяйственных продуктов. Напротив, повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве СССР, благодаря постепенному уничтожению противоположности между городом и деревней, есть предпосылка роста и расцвета сельского хозяйства, насыщения страны не только промышленными, но и сельскохозяйственными продуктами и гармонического развития всего народного хозяйства. Поэтому, когда мы пользуемся показателем удельного веса промышленности в народнохозяйственной продукции для сопоставления уровня индустриального развития СССР и различных капиталистических стран, мы должны учитывать, что в ряде капиталистических стран сельское хозяйство развито недостаточно даже по отношению к потребностям капиталистического накопления этих стран, которое само по себе суживает возможность развития сельского хозяйства. С другой стороны, такие главные капиталистические страны, как Германия и Англия, вывозят весьма значительную часть своей промышленной продукции, в силу чего высокий удельный вес промышленного производства вызывается в этих странах не только потребностями их собственного индустриального развития.

Гораздо более показательно сопоставление удельного веса промышленности в народном хозяйстве СССР и США, поскольку в США доля ввоза сельскохозяйственной продукции и экспорта продукции промышленности относительно невелика. Более низкий удельный вес промышленности в продукции народного хозяйства СССР по сравнению с США объясняется, в частности, тем, что в СССР гораздо более велик удельный вес сельскохозяйственной продукции, не поступающей в промышленную переработку и прямо переходящей в домаш-

нее хозяйство деревенского, а частично и городского жителя для конечного потребления. Таким образом, меньший удельный вес средств производства в продукции народного хозяйства СССР по сравнению с главными капиталистическими странами весьма тесно связан с меньшим удельным весом промышленности в СССР. Если учесть всю продукцию промышленности, сельского хозяйства, строительства, грузовую работу транспорта, то народнохозяйственная продукция СССР в 1937 г. была, примерно, в два раза меньше, чем в США, и в два раза превышала народнохозяйственную продукцию Германии. Между тем размеры годового насыщения народного хозяйства СССР индустриальными средствами производства не соответствуют этому соотношению народнохозяйственной продукции. Промышленность СССР давала в 1937 г. 41,5% продукции машиностроения, 24,2% электроэнергии, 28% топлива, 36,2% проката черных металлов, 33,5% серной кислоты и 27% цемента, производимых в США. В том же 1937 г. промышленность СССР давала 143,2% машин, 72,2% электроэнергии, 104,6% топлива, 92,2% проката черных металлов, 83,3% серной кислоты и 47,4% цемента, производимых в Германии. Сопоставление этих двух величин — продукции всего народного хозяйства и годового насыщения народного хозяйства индустриальными средствами производства — приводит нас к выводу, что удельный вес индустриальных средств производства в народнохозяйственной продукции СССР ниже, чем в США и Германии.

Третьим показателем уровня индустриального развития являются масштабы вооружения данной страны современными орудиями производства и средствами транспорта. Главные капиталистические страны на протяжении многих десятилетий насыщали свое народное хозяйство гораздо большим количеством орудий производства и средств транспорта, чем царская Россия. В народном хозяйстве этих капиталистических стран, особенно в США, накоплено огромное количество металла, причем большая часть металла заключена непосредственно в производственном и транспортном аппарате. Имеющиеся исчисления говорят о том, что наш металлический фонд составляет всего 8,7% металлического фонда США и 54,4% металлического фонда Германии. На одного жителя СССР приходится металла почти в 16 раз меньше, чем в США, и почти в 5 раз меньше, чем в Германии. Однако СССР, благодаря преимуществам социалистической системы, использует свой металлофонд гораздо производительнее, нежели капиталистические страны. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить данные о соотношении металлофонда и данные о соотношении продукции промышленности и сельского хозяйства СССР и США, приведенные в табл. 1. Тем не менее относительно небольшие размеры производственного аппарата промышленности и транспорта являются важнейшей причиной отставания СССР от США по объему и особенно по душевым нормам производства промышленной продукции. Поэтому преодоление отставания СССР по уровню индустриального развития означает прежде всего более интенсивное, чем до сих пор, насыщение народного хозяйства СССР металлом в виде орудий производства и средств транспорта. И так как это насыщение должно вести к повышению технического уровня всего народного хозяйства СССР, то оно неразрывно связано с дальнейшим ростом удельного веса средств производства в общественном продукте СССР.

Наконец, одним из важнейших показателей уровня индустриального развития страны является экономическая мощность промышленности. Товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) указывал: «Экономическая мощность промышленности выра-

жается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения. Чем больше приходится промышленной продукции на душу населения, тем выше экономическая мощность страны, и наоборот, чем меньше приходится продукции на душу населения, тем ниже экономическая мощность страны и ее промышленности»⁶. Экономическая мощность промышленности СССР составляла в 1937 г. 24,8% экономической мощности промышленности США, 46,2% — промышленности Германии и 40,5% — промышленности Англии. Экономическая мощность сельского хозяйства СССР (душевые нормы производства сельскохозяйственной продукции) составляла в том же 1937 г. 54,5% по отношению к США и 123,4% по отношению к Германии. Потребности населения СССР в сельскохозяйственных продуктах удовлетворяются относительно лучше, чем потребности в продуктах промышленных.

Решающее значение для подъема душевых норм производства и промышленных и сельскохозяйственных продуктов, а также для укрепления обороноспособности страны имеет прежде всего повышение душевых норм производства орудий и средств производства, являющееся предпосылкой роста механического вооружения населения, т. е. роста производительности всего народного труда. Поэтому достижение и превышение сначала германских и английских, а затем и американских душевых норм производства орудий и средств производства есть главное условие решения основной экономической задачи в целом и создания технической базы перехода к коммунизму. Товарищ Молотов в докладе о третьем пятилетнем плане на XVIII съезде ВКП(б) говорил: «...много у нас еще работы в деле развития тяжелой промышленности, хотя мы много заботились об этом деле все эти годы». «Вопрос поставлен так, чтобы разжечь стремление к ускорению темпов роста промышленности, особенно тяжелой промышленности, которая, в последнем счете, определяет подъем всего народного хозяйства. Вопрос поставлен так, чтобы разжечь у большевиков и у всех честных людей нашей страны стремление в кратчайший срок покончить с фактом недостаточности экономического уровня СССР»⁷.

Более низкий удельный вес промышленности и средств производства в народнохозяйственной продукции СССР по сравнению с Соединенными Штатами Америки вытекает не из сущности социализма, а из недостаточности достигнутого уровня индустриального развития СССР. Индустриальное развитие СССР не только по своему социальному содержанию, но и по темпам не имело себе равного в мировой истории. СССР в исключительно короткий срок из страны аграрной превратился в страну индустриальную, независимую в технико-экономическом отношении. Но данная ступень индустриального развития пока еще обуславливает недостаточный удельный вес промышленности и средств производства в народнохозяйственной продукции и более слабую экономическую мощность промышленности СССР по сравнению с главными капиталистическими странами.

Социалистическая страна в своем неукротимом стремлении к уничтожению противоположностей между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и к созданию коммунистического изобилия продуктов последовательно механизмирует и автоматизирует все процессы производства, выходит во всех сферах народного хо-

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 578.

⁷ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, стр. 15 и 19.

зяйства за границы капиталистического применения техники, т. е. создает более высокую технику общественного производства, нежели капитализм. Поэтому из сущности социализма вытекает необходимость достижения более высокого удельного веса средств производства по сравнению с капитализмом. Новый тур нашего индустриального развития, в течение которого решается основная экономическая задача, означает: 1) опережение по объему промышленной продукции не только европейских стран, но и США; 2) достижение более высокого, нежели в США, удельного веса средств производства в народнохозяйственной продукции, что является предпосылкой, как будет показано ниже, решения основной экономической задачи не только в сфере производства средств производства, но и в сфере производства предметов потребления; 3) неуклонное повышение на этой основе удельного веса промышленности в народном хозяйстве, что служит условием и дальнейшего роста сельского хозяйства, опережения США по душевым нормам производства промышленных и сельскохозяйственных продуктов; 4) дальнейшее повышение в промышленности удельного веса тяжелой индустрии.

Таким образом, если более низкий удельный вес средств производства в народнохозяйственной продукции СССР связан с недостаточностью нынешнего уровня нашего индустриального развития, то преодоление этой недостаточности неразрывно связано с ростом удельного веса средств производства в общественном продукте СССР.

II. Норма накопления и соотношение производства средств производства и предметов потребления

Соотношение средств производства и предметов потребления в общественном продукте зависит не только от технических сдвигов, которые при капитализме выражаются в росте органического состава капитала, но и от масштабов насыщения народного хозяйства современной техникой, от темпов расширенного воспроизводства. А эти масштабы и темпы, в свою очередь, зависят от нормы и масштабов накопления. Можно вполне представить такой случай, когда увеличивается органический состав капитала, но вместе с тем падает удельный вес I подразделения, если накопление в народном хозяйстве, или даже только в I подразделении, свертывается. Рассмотрим три цикла капиталистического воспроизводства (см. табл. 3, стр. 58).

В третьем цикле органический состав капитала ($c : v$) растет в обоих подразделениях, но вследствие снижения нормы накопления в первом подразделении удельный вес средств производства снижается. А это означает, что рост техники производства ведет к повышению удельного веса первого подразделения лишь в определенных условиях накопления. Если норма накопления средств производства повышается, то рост органического состава капитала вызывает повышение удельного веса первого подразделения. Если же норма накопления более или менее резко снижается, то воздействие роста органического состава капитала нейтрализуется снижением темпов расширенного воспроизводства, т. е. уменьшением роста потребности в средствах производства для первого или второго подразделения, либо для обоих подразделений.

Во время кризиса часто происходит рост органического состава капитала благодаря вступлению в строй предприятий, начатых ранее строительством, концентрации производства. Однако вследствие резкого снижения нормы накопления этот рост не способен уже привести к повышению удельного веса первого подразделения. Напротив, во время кризиса возрастает удельный вес второго подразделения. Но как только начинает увеличиваться норма накопления, переход:

Таблица 3

Соотношение I и II подразделений при снижении нормы накопления

Циклы	Подразделения	c	v	m	Всего	Норма накопления	c : v (органический состав капитала)	I : II
I	I	4 000	1 000	1 000	6 000	50%	4 : 1	66,7
	II	1 500	750	750	3 000	10%	2 : 1	33,3
	Итого	5 500	1 750	1 750	9 000	33%	3,1 : 1	100
II	I	4 425	1 075	1 075	6 575	30%	4,1 : 1	68,1
	II	1 575	750	750	3 075	49%	2,1 : 1	31,9
	Итого	6 000	1 825	1 825	9 650	38%	3,3 : 1	100
III	I	4 722	1 100	1 100	6 922	—	4,3 : 1	66,2
	II	1 853	842	842	3 537	—	2,2 : 1	33,8
	Итого	6 575	1 942	1 942	10 459	—	3,4 : 1	100

производства на новую техническую основу вызывает повышение удельного веса первого подразделения. Если мы сопоставим воспроизводство в различных странах, то увидим, что одинаковый рост технического уровня производства в условиях более высокой нормы накопления ведет к более быстрому повышению удельного веса первого подразделения.

Таким образом, структура воспроизводства, удельный вес первого подразделения определяется не только качеством техники, но и масштабами производства этой техники. Только в том случае, если повышение качества техники сочетается с ростом производства орудий и средств производства, структура воспроизводства изменяется в пользу первого подразделения.

Если бросить взгляд на весь путь индустриального развития капитализма, то можно различить три типа динамики удельного веса средств производства и предметов потребления. Первый тип: удельный вес средств производства повышается во всех фазах промышленного цикла (включая фазу кризиса), а также от одного промышленного цикла к другому. Этот тип структурных сдвигов соответствует первому периоду развития машинного способа производства, когда машина властно вторгается в промышленность и на транспорт и образует материальную основу циклического движения капитала, но производство машин еще не является достаточно массовым и в количественном отношении не играет решающей роли в народном хозяйстве. Развертывание противоречий промышленного цикла связано по преимуществу с динамикой текстильной и пищевой промышленности. Даже в таких наиболее развитых капиталистических странах, как Англия, США, Германия, еще во время кризисов 70—80-х годов прошлого века наиболее резкие колебания испытывал выпуск не индустриальных средств производства, а индустриальных предметов потребления. Не случайно Маркс в VI главе III тома «Капитала» иллюстрирует влияние колебания цен сырых материалов на норму прибыли данными о хлопковом кризисе 1861—

1865 г. Потребление хлопка было в этот период одним из важнейших факторов развертывания промышленного цикла.

Второй тип структурных сдвигов капиталистического воспроизводства: удельный вес средств производства систематически повышается от цикла к циклу, но во время кризиса снижается. Этот тип воспроизводства свойственен уже тому периоду в развитии капитализма, когда индустриальное производство средств производства становится массовым и по своему удельному весу и масштабам начинает играть решающую роль в народном хозяйстве. В противоположность предшествующему периоду, роль внутренней и внешней торговли предметами потребления в движении промышленного цикла хотя и велика, но систематически ослабляется. Расширение рынка все больше опирается на рост внутренней и внешней торговли индустриальными средствами производства. Колебания в производстве последних становятся более резкими, чем в производстве предметов потребления и сельскохозяйственного сырья. В последней четверти и особенно в конце XIX в. правилом становится насильственное уничтожение в период кризиса гипертрофии средств производства и временное снижение их удельного веса. Однако в этот период снижение удельного веса первого подразделения присуще только фазе кризиса, ибо только в этой фазе резко снижаются масштабы и норма накопления.

Третий тип структурных сдвигов капиталистического воспроизводства: удельный вес средств производства снижается не только в кризисный период, но и от одного промышленного цикла к другому. Этот тип — новое явление, обнаружившееся в последнее время и имеющее пока частичный характер. При анализе структуры капиталистического воспроизводства в период с 1929 до 1937 г. обращает на себя внимание снижение удельного веса средств производства в общественном продукте некоторых капиталистических стран (прежде всего США) на высшей точке последнего цикла (1937 г.) по сравнению с кульминационной точкой предыдущего цикла (1929 г.). Рост производства средств производства в США после низшей точки кризиса (1932 г.) был гораздо более интенсивным, чем увеличение производства предметов потребления. Тем не менее этот рост не смог компенсировать падение удельного веса производства средств производства в предшествующий период кризиса. Обратимся к фактам (см. табл. 4, стр. 60).

Хотя производство отдельных видов средств производства и превысило уровень 1929 г., в целом производство средств производства не достигло объема 1929 г., и удельный вес средств производства в совокупном общественном продукте США снизился. Последнее тесно связано с характером обновления основного капитала в США в период с 1933 до 1937 г. В этом отношении особенно показательно снижение производства черных металлов и цемента, которые служат главным материалом для воспроизводства вещественных элементов основного капитала во всех отраслях народного хозяйства. Весь этот период ознаменован относительно небольшим объемом строительства. Строительный индекс в 1934 г., когда вся продукция в целом уже возрастала, был ниже, чем в 1932 г., и составлял лишь 16,6% по отношению к 1929 г. В 1937 г. объем строительства достигал лишь 61% к уровню 1929 г.

Капиталовложения во все отрасли промышленности США составляли в 1935 г. 678,9 млн. долларов против 3430 млн. долларов в 1929 г. и 2518 млн. долларов в 1927 г. В годы 1931—1934 капиталовложения во все отрасли народного хозяйства США были незначи-

Таблица 4

Производство средств производства и предметов потребления в США⁸

	1937 г. к 1929 г. (— + в %)	Индекс Federal Reserve Board	1937 г. к 1929 г. (в %)
Средства производства	—12,6	Вся промышленная продукция	— 7,8
Предметы текущего потреб- ления	— 6,0	Добыча минералов	0
Строительство	—39,0	Обрабатывающая промышлен- ность	— 8,4
Чугун	—13,4	В том числе:	
Сталь	— 8,9	средства производства	—12,3
Автомобили	—10,4	предметы потребления	— 6,0
Новые заказы на станки	+20,0	Строительство	—52,9
Уголь	—19,1	Железо и сталь	— 9,2
Электрэнергия	+27,2	Машины	+20,0
Потребление хлопка	+ 5,5	Автомобили	— 8,1
Обувь	+14,0	Цемент	—31,6
		Текстильные товары	— 4,3
		Кожевенно-обувные товары	+ 8,6
		Пищевые товары	—10,0

тельны по сравнению с 1929 г. и даже с другими годами предыдущего промышленного цикла⁹. Промышленное и торговое строительство в 1937 г. было лишь в два раза больше, чем в 1932 г., и в 1½ раза больше, чем в 1935 г.¹⁰

Таким образом, даже в 1937 г., когда последний промышленный цикл достиг своей высшей точки, размеры капиталовложений и строительства были гораздо ниже, чем на высшей точке предыдущего цикла (1929 г.). При этом необходимо отметить, что переоборудование основного капитала происходило преимущественно в 1935—1937 гг. (т. е. в самом конце промышленного цикла), в то время как в предыдущем промышленном цикле оно растянулось почти на весь цикл. Следовательно, снижение общего объема капиталовложений и строительства за весь последний цикл в целом было еще большим, чем это показывают данные за 1935—1937 гг.¹¹

Характерная черта воспроизводства основного капитала в последнем промышленном цикле заключалась в падении удельного веса нового строительства. Американский капитализм воспроизводил основной капитал в этот период главным образом путем переоборудования существующих предприятий. Об этом говорит более резкое снижение строительного индекса, чем индекса машиностроения. Об этом говорят и имеющиеся данные о новом строительстве в США.

⁸ Исчислено по данным «World production and prices 1938/39», Geneva 1939, p. 104 и конъюнктурным данным. Индекс Federal Reserve Board приведен в «Statistical Year-Book of the League of Nations 1938/39», Geneva 1939, p. 184.

⁹ Ср. данные Standard Statistics Corporation в книге C. F. Roos, NRA Economic Planning, Bloomington USA, 1937, pp. 114—115.

¹⁰ См. данные об образовании «валового капитала» в период 1932—1938 гг. в работе S. Kuznetz, Commodity Flow and Capital Formation in Recent Recovery and Decline 1932—1938, Nat. Bureau of Economic Research, Bulletin № 74, June 25, 1939.

¹¹ Повышение индекса машиностроения в 1937 г. на 20% как раз объясняется концентрацией переоборудования основного капитала перед новым кризисом. Если же сопоставить выпуск машин за весь данный и предшествующий циклы, то обнаружится резкое снижение этого выпуска.

Строительство новых предприятий в США (в тыс. долл.)¹²

1927 г.	321 315	1932 г.	93 064
1928 г.	355 187	1933 г.	152 376
1929 г.	547 313	1934 г.	105 192
		1935 г.	172 380
		1936 г.	309 477
		Первые 8 мес. 1937 г.	372 394
Всего построено предприятий в 1927—1929 г.		Всего построено предприя- тий с 1932 г.	
1 223 815		1 204 883	

За шесть лет от низшей до высшей точки последнего цикла в США было построено новых предприятий меньше, чем в предшествующем цикле за последние три года перед кризисом. Этот частичный процесс переоборудования основного капитала в США даже в 1935 г. оказался недостаточным, чтобы покрыть физически выбывающее изношенное оборудование. Вследствие обесценения элементов основного капитала, а частично и сокращения в некоторых отраслях его физического объема, стоимость основного капитала, начиная с 1931 г., систематически снижалась. По данным S. Fabricant'a, стоимость основного капитала корпораций в горной промышленности США снизилась с 7 397,4 млн. долл. в 1929 г. до 6 378,7 млн. долл. в 1935 г.; в обрабатывающей промышленности — с 28 466,7 млн. долл. в 1929 г. до 20 525,4 млн. долл. в 1935 г.; во всем народном хозяйстве США — с 118 465,3 млн. долл. в 1929 г. и 123 145 млн. долл. в 1930 г. до 103 019,3 млн. долл. в 1935 г.¹³ Следовательно, причинами падения в общественном продукте США удельного веса средств производства были замедление процесса переоборудования, осуществлявшегося лишь на небольшом отрезке времени перед началом нового кризиса, резкое снижение нового строительства. Поскольку в промышленности США после первой империалистической войны произошло абсолютное сокращение числа рабочих, поскольку платежеспособный спрос в стране был ограниченным, один технический прогресс оказался не в силах поддерживать норму накопления. На определенном этапе эта норма упала. Американский капитализм вступил в период своей ста-

Аналогичный процесс происходил во Франции, где за кризисом 1930—1932 гг. не последовало массового обновления основного капитала, в силу чего индекс средств производства составлял в 1937 г. 80,5%, а индекс предметов потребления — 94,4% по отношению к 1929 г.

В противоположность США, Англия, Германия и Япония попытались выйти из кризиса 1929—1932 гг. путем значительного расширения и обновления основного капитала (особенно в целях подготовки к новой империалистической войне). В Англии (Соединенном Королевстве) индекс средств производства составлял в 1937 г. 133,7 (1929 г. = 100), индекс строительства — 152,8, предметов потребления — 127,8; в Германии соответственно: 127,5, 97,2, 108,2. Особенно сильно повысился удельный вес средств производства в промышленной продукции Японии, восполнявшей на протяжении 1932—1937 гг. отставание своей тяжелой промышленности. Так, в 1937 г. индекс средств про-

¹² America Faces its the greatest Business Depression, by V. J. Baxter, International Economic Research Bureau, New York, 1937, p. 23.

¹³ S. Fabricant, Capital Consumption and Adjustment, National Bureau of Economic Research, N. Y. 1938, pp. 242, 247—248. По данным, опубликованным «Statistical Abstract of U. S.» (за 1929, 1932, 1936, 1938 гг.), основной капитал корпораций США за вычетом амортизации и истощения недр составлял в 1929 г. 116 446 млн. долл., в 1930 г. — 120 994 млн., в 1935 г. — 100 480 млн. долл.

изводства в Японии составлял 262,2, индекс предметов потребления — 154,9 (1930 г. = 100).

Последний промышленный цикл выявил новые формы загнивания современного капитализма. Эти формы наиболее ярко проявляются в самой развитой капиталистической стране — США, где огромные неиспользуемые производственные мощности тормозят процесс воспроизводства больше, чем в какой-либо другой стране. Но и в таких государствах, как Англия и Германия, эти новые тенденции загнивания, несомненно, вызревают. Различие между США, с одной стороны, и Англией и Германией, с другой, не является различием двух типов капиталистического развития в эпоху общего кризиса капитализма; это лишь разные ступени капиталистического развития. Некоторые новые отрасли производства, развивавшиеся в США уже в период 1920—1929 гг., в этих странах росли интенсивно лишь в 1929—1937 гг. Так, производство автомобилей, вызвавшее в США сильный подъем всей тяжелой промышленности в 1922—29 гг., приняло внушительные размеры в Англии и Германии только после 1929 г. В то время, как в США выпуск автомобилей в 1937 г. снизился по сравнению с 1929 г. на 10,4%, в Англии и Германии он удвоился. В США производство электроэнергии в 1937 г. увеличилось по сравнению с 1929 г. лишь на 27,2%, а в Англии рост производства электроэнергии за тот же период составил 122,5%, в Германии — 75,2%. Англия и Германия ликвидировали в период после кризиса 1929—1932 гг. свое относительное отставание по ряду отраслей, производящих средства производства. Отсюда и относительно большой удельный вес нового промышленного строительства в этих странах и повышение удельного веса средств производства. Однако коль скоро эти страны исчерпают возможности роста средств производства, восполняющего их относительное отставание, в них должны выявиться те же тенденции, что и в США. Правда, в Англии и Германии более высок по отношению к внутреннему производству удельный вес экспорта промышленных средств производства, а также удельный вес военных производств. Поэтому структура производства в этих странах в большей мере, чем в США, зависит от факторов международного характера, что несколько задерживает проявление указанной выше тенденции.

Возникает вопрос: не опрокидывается ли «вековая» закономерность капиталистического развития, заключающаяся в повышении удельного веса средств производства на основе технического прогресса? Не означает ли падение удельного веса средств производства в общественном продукте США в период с 1929 по 1937 гг. наступления технического застоя либо регресса?

В своем реферате «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин писал: «Итак, единственно правильным выводом, который можно сделать из вышеизложенных исследований Маркса, будет тот, что в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления. Как уже сказано, вывод этот — прямое следствие того общеизвестного положения, что капиталистическое производство создает неизмеримо более высоко развитую технику сравнительно с прежними временами». Тут же Ленин делает примечание: «Поэтому изложенный вывод можно формулировать еще несколько иначе: в капиталистическом обществе рост производства (а, следовательно, и «рынка») может идти либо на счет возрастания предметов потребления, либо — и это — главным образом — на счет прогресса техники, т. е. вытеснения ручного труда

машинным,— так как изменение отношения v к c и выражает собой именно уменьшение роли ручного труда»¹⁴.

Повышение удельного веса средств производства в капиталистическом общественном продукте всегда есть результат, следствиие замещения ручного труда механизированным, дальнейшего разделения и технического вооружения труда, роста органического состава капитала. Однако все это, как показано выше, не всегда ведет к росту удельного веса I подразделения в общественном производстве. Изменения удельных весов средств производства и предметов потребления зависят от соотношения трех величин: в-первых, достигнутого объема отраслей, производящих вещественные элементы основного капитала, в-вторых, масштабов и темпов расширенного воспроизводства и, в-третьих, интенсивности замещения ручного труда механизированным и дальнейшего технического вооружения труда.

До 1929 г. выход из кризиса осуществлялся на основе значительного (по отношению к данному объему производственного аппарата) технического переоборудования наличных предприятий и относительно большого размаха нового строительства. Расширенное воспроизводство основного капитала в каждом последующем цикле требовало не только абсолютного роста продукции отраслей, обслуживающих это воспроизводство на всех стадиях производственного процесса, но и повышения их удельного веса в совокупном общественном продукте. Однако еще до кризиса 1929 г. можно отметить замедление роста удельного веса I подразделения. По исчислениям Д. Р. Арнольда, физический объем производства средств производства в США возрос с 1870 до 1900 г. почти в 12 раз, а физический объем производства предметов потребления — немногим более, чем в 5 раз. В период с 1910 по 1925—1927 гг. физический объем производства средств производства увеличился лишь в 2,2 раза, а предметов потребления — в 1,7 раза¹⁵. Это замедление роста удельного веса средств производства в общественном продукте США прямо связано с резким сужением возможностей расширенного воспроизводства в эпоху общего кризиса капиталистической системы.

Период так называемого «просперити» в США, породив в буржуазных и мелкобуржуазных умах иллюзию «новой эры» капитализма, создал такую гипертрофию производства средств производства и производственного аппарата, что даже жесточайший и наиболее длительный из всех периодических капиталистических кризисов не смог ликвидировать эту гипертрофию. Высшая точка последнего промышленного цикла (1937 г.) была, в силу этого, несколько своеобразной: 1937 г. характеризуется не только предкризисным подъемом, но и наличием элементов «депрессии особого рода». Огромные массы неиспользуемых производственных мощностей, созданных до кризиса 1929 года, попрежнему оказывали воздействие на весь ход воспроизводства даже в 1937 г. Развитие техники и обновление основного капитала продолжалось, но имело частичный, а не всеобщий характер. Это обновление могло с избытком обслуживаться наличным производственным аппаратом отраслей, производящих элементы основного капитала. Известный рост машиностроения имел чисто конъюнктурный характер. Ограниченный спрос на орудия и средства производства не мог вызвать более высокого подъема, чем в 1929 г. Остатки неликвидированной гипертрофии средств производства,

¹⁴ Ленин, По поводу так называемого вопроса о рынках, «Большевик», 1937, № 21, стр. 126.

¹⁵ The trend of consumption in the U. S., *Annalist*, 1928, Oktober 5.

созданной в период «просперити», были настолько велики, что начавшееся в 1935 г. в США известное расширение основного капитала очень быстро исчерпало свои возможности.

Конечно, капитализм не в состоянии уничтожить гипертрофию производства средств производства. Капитализм продолжает развиваться циклически. Сдвиги в структуре воспроизводства осуществляются через циклические взлеты и падения. Возрастающая конвульсивность развития капитализма ведет ко все большему постоянству гипертрофии средств производства. Поэтому вполне возможно, что в одном цикле удельный вес средств производства будет снижаться, а в следующем будет возрастать. В некоторых странах, в результате второй империалистической войны и временного улучшения их рыночных позиций, возможно даже временное усиление роста удельного веса I подразделения. Однако в силу растущего неиспользования как всего производственного аппарата, так и отраслей, производящих средства производства, трудно ожидать, что удельный вес средств производства будет повышаться в течение длительных периодов. Более того, в некоторых капиталистических странах в отдельные периоды этот удельный вес может снижаться, причем тенденция к замедлению роста, а иногда и к снижению удельного веса средств производства будет все более энергично пробивать себе дорогу через резкие колебания конъюнктуры.

Социалистическому воспроизводству совершенно чужды конъюнктурные колебания нормы накопления. Вся совокупность условий социалистического воспроизводства (особенно при наличии капиталистического окружения и недостаточности индустриального уровня СССР) диктует необходимость гораздо более высоких по сравнению с капитализмом темпов расширенного воспроизводства. А эти высокие темпы расширенного воспроизводства, в свою очередь, требуют гораздо более высокой нормы накопления, особенно если принять во внимание, что объем продукции и народного дохода в СССР меньше, чем в США.

Естественно возникают два вопроса: 1) если к началу социалистической индустриализации удельный вес средств производства в общественном продукте СССР был весьма низок, то за счет каких материальных ресурсов было достигнуто резкое повышение нормы накопления средств производства уже в первой пятилетке? 2) за счет каких материальных ресурсов социалистическое государство достигает более высокой нормы накопления средств производства, нежели главные капиталистические страны?

Социалистическое государство, определяя задачи и направление экономического развития страны в каждый данный отрезок времени, опирается на достигнутый уровень развития производительных сил. В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс, как известно, указывал: «при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления». Означает ли этот тезис Маркса, что темпы и структура воспроизводства в каждом последующем году целиком предопределены натурально-вещественной структурой воспроизводства в предыдущем году? Отнюдь нет. Мысль Маркса заключается в том, что выдвигание каждой новой задачи (если речь идет, конечно, не об утопии) неразрывно связано с наличием и созданием материальных условий, при помощи которых она может быть решена. Чтобы структура воспроизводства могла изменяться, материальные условия этих изменений должны быть заключены в достигнутом и

достигаемом уровне производительных сил. Эти материальные условия, по сути дела, имеются даже в рамках простого воспроизводства.

В эпохи крутых ломок изменение структуры за счет перераспределения наличных материальных ресурсов и рабочих сил нельзя считать совершенно исключенным. Однако в основном структура воспроизводства изменяется через распределение ресурсов накопления. Это распределение в значительной мере зависит от того, в каких отраслях создается фонд накопления, который является не только денежной суммой, предназначенной для расширенного воспроизводства, но и материальным продуктом, имеющим определенную потребительскую форму. В зависимости от того, состои ли фонд накопления из орудий производства, строительных материалов, топлива, тех или иных видов сырья, средств существования, определяются характер и дальнейшее направление процесса воспроизводства. Тем не менее границы маневрирования в использовании фонда накопления весьма эластичны.

Возможность изменения и постоянного преобразования структуры народного хозяйства заключается, в о-п е р в ы х, в техническом прогрессе, в создании нового производственного аппарата и вовлечении в производственный оборот все более широкого круга естественных ресурсов.

Возможность изменения структуры воспроизводства заключается, в о-в т о р ы х, в использовании одних и тех же производственных мощностей, средств производства и рабочих сил для изготовления различных вещей. На одном и том же машиностроительном заводе можно строить машины для легкой и тяжелой промышленности. Металл может быть использован для производства либо орудий производства, либо предметов потребления. Из кирпичей можно строить жилые дома и корпуса промышленных зданий. Прокатный стан может дать рельсы для железных дорог и балки для жилищного строительства. Одними и теми же кормами можно кормить рабочих и убойный скот. Ряд машин может быть применен в различных отраслях (особенно энергетическое и подъемно-транспортное оборудование, грузовые автомобили, станки для ремонта оборудования и т. д.).

Возможность изменения структуры воспроизводства заключается, в-т р е т ь и х, в том, что одни и те же продукты могут выступать и в качестве средств производства и в качестве предметов потребления. Электрическая энергия может быть отпущена и заводу, и колхозу, и на коммунальные нужды, и домашнему хозяйству, и т. д. Тепло и газом могут удовлетворяться и производственно-технологические и лично-потребительские нужды. Уголь и нефть применяются и на производстве и в домашнем хозяйстве.

Возможность изменения структуры воспроизводства заключается, в-ч е т в е р т ы х, в использовании резервного фонда воспроизводства и замене одних элементов резервного фонда другими. В качестве резервного фонда может выступать не только наличный запас конкретных средств производства и предметов потребления, но также золотой запас, либо иностранные кредиты. В СССР весь золотой фонд, не будучи резервом внутреннего денежного обращения, по сути дела представляет обезличенный резервный фонд любых средств производства и предметов потребления. Золото, являясь мировыми деньгами, может в «нормальные» времена превратиться на мировом рынке в любой продукт. Наличие в СССР золотых запасов (как и иностранных кредитов, валюты и девиз) позволяет маневрировать темпами развития различных отраслей.

В-п я т ы х, возможность замены на мировом рынке одних натуральных элементов воспроизводства другими является в руках дикта-

туры рабочего класса весьма важным орудием планирования структуры воспроизводства. Общеизвестно, какое большое значение имеет монополия внешней торговли для индустриализации нашей страны. СССР стал в кратчайшие исторические сроки индустриальной страной, в известной мере за счет превращения части фонда накопления, состоявшей из предметов потребления и сырья, в импортные орудия и средства производства. Распределение народного дохода на фонд накопления и фонд потребления потребовало изменений в вещественного состава фонда накопления через внешнюю торговлю.

В-шестых, годовое воспроизводство представляет взаимопереплетение незаконченных в прошлом году оборотов производства, начинаемых и заканчиваемых в данном году оборотов и оборотов, начинаемых в данном году и заканчиваемых в будущем году. В силу этого народное хозяйство развивается в данном году не только за счет наличных к началу года производственных мощностей и переходящих запасов и резервов сырья и топлива (как это предполагается в марксовых схемах воспроизводства во II томе «Капитала»), но также за счет вступающих в данный год в строй новых производственных мощностей и продукции, производимой в данном году и в данном же году входящей в процесс воспроизводства. Огромные масштабы нового строительства и годового производства позволяют изменять объем и структуру всего народного хозяйства СССР в сравнительно небольшие сроки.

Таким образом, в самом процессе расширенного воспроизводства заключены огромные возможности маневрировать нормой и массой накопления. Социалистическое государство широко использовало эти возможности в целях повышения нормы накопления и убыстрения темпов расширенного воспроизводства.

С другой стороны, в расширенном воспроизводстве СССР заключены материальные возможности более высокой нормы накопления, чем в капиталистических странах. Во-первых, в СССР внешняя торговля подчинена целям индустриального развития страны, что позволяло и позволяет усилить внутренние накопления за счет привозных средств производства. Во-вторых, Советский Союз максимально использует для собственного развития выпускаемые внутри страны средства производства. В то время, как Англия и Германия вывозят в среднем 30% производимых ими машин, а США — 10%, СССР производимых им машин почти не вывозит. В-третьих, в главных капиталистических странах несравненно более велик удельный вес строительства и оборудования, идущих на возмещение физически выходящего производственного аппарата. В СССР подавляющая часть нового строительства и оборудования служит не простому, а расширенному воспроизводству. В силу всех этих обстоятельств СССР, еще не достигнув американского удельного веса средств производства, сумел добиться гораздо более высокой нормы накопления средств производства, о чем свидетельствуют следующие данные (см. табл. 5).

Мы берем для США среднегодовые данные за цикл, потому что в силу неравномерности распределения народного дохода по годам данные за тот или иной год не являются репрезентативными и сопоставимыми с данными о накоплении в СССР. Но даже в годы высокой конъюнктуры удельный вес фонда накопления средств производства в США ниже, чем в СССР. Так, в период 1922—1929 гг. этот удельный вес колебался в границах 10—15%. За все время после первой империалистической войны удельный вес фонда накопления средств производства в США лишь дважды поднялся выше 15% (1919 г. — 17,5%, 1920 г. — 16,1%).

Таблица 5

Сопоставление удельных весов фонда накопления средств производства и фонда потребления в народном доходе СССР и США ¹⁶

Части народного дохода	СССР		Части народного дохода	США
	1937 г.	1942 г. (план)		Средне- годовые за 1922— 1932 гг.
Народный доход	100	100	Народный доход	100
Потребление	73,6	71,2	Потребление	91 ¹⁷
Накопление	26,4	28,8	Накопление	9
Резервы	1,9	6,3		

Имеется также возможность сопоставить темпы роста элементов производства в промышленности СССР в период первой и второй пятилеток и США в период интенсивнейшего подъема американского капитализма.

Таблица 6

Сопоставление роста элементов производства в промышленности СССР и в обрабатывающей промышленности США (в %)¹⁸

Элементы производства	СССР			США		
	1928	1932	1937	1899	1919	1919
Основные фонды (основной капитал в США)	100	220	565	100	198	387
Количество рабочих	100	185	235	100	140	193
Размеры основных фондов (основного капитала) на 1 рабочего	100	127	240	100	141	200

Данные о росте основных фондов промышленности СССР и основного капитала обрабатывающей промышленности США, правда, не совсем сопоставимы. Данные по СССР не учитывают изменения в индексе стоимости строительства и оборудования, в то время как по США дается изменение физического объема основного капитала (при этом только обрабатывающей промышленности). Однако несомненно, что темпы роста элементов производства в промышленности СССР за период с 1928 до 1937 гг. намного превосходили темпы роста тех же элементов в промышленности США в двадцатилетие с 1899 до 1919 гг.

¹⁶ Для США мы исчислили удельный вес потребления и накопления средств производства за период 1922—1932 гг. на основе абсолютных данных о годовой динамике национального дохода, образовании чистого капитала (валового капитала за вычетом исчисленного потребления «капитальных» товаров в процессе простого воспроизводства) и затратах потребителей в США (Editorial Research Reports, 1939. January 3, vol. I, № 1, p. 6—Charles Noyes «Outlook for Capital Issues and Durable goods»).

¹⁷ Высокий удельный вес фонда потребления в народном доходе США не означает высокого уровня потребления широких трудящихся масс. В качестве потребителей выступают и Форд, и Морган, и согнанный с земли фермер Оклахомы, и безработный Нью-Йорка, и поденщик, имеющий очень редко работу; сюда же относится вся сфера непродовольственного потребления.

¹⁸ Основные фонды промышленности СССР исчислены в первоначальной стоимости в ценах соответствующих лет, без вычета износа. Основной капитал обрабатывающей промышленности США исчислен в неизменных ценах 1880 г. (A Theory of Production by Ch. Cobb and P. Douglas, American Economic Review 1928, pp. 145, 146.)

Факторы этой гораздо большей интенсивности накопления в СССР суть:

1) уничтожение классово-антагонистического характера противоречия между производством и потреблением, постоянно происходящее в громадных масштабах расширение внутреннего рынка;

2) ликвидация паразитического потребления;

3) планомерный рост технической вооруженности рабочего и гораздо более высокие, чем при капитализме, темпы обновления производственного аппарата, обусловленные более высокими темпами расширенного воспроизводства;

4) систематический рост продукции и производственного аппарата, не прерываемый кризисами и депрессиями;

5) более полное использование производственного аппарата;

6) гораздо большие, чем при капитализме, темпы роста производительности труда на основе систематического внедрения новой техники и социалистического отношения к труду.

Приводя в движение все эти факторы, социалистическое государство активнее и полнее использует материальные условия роста накопления, заключенные в достигаемом уровне производительных сил. Именно в высокой норме накопления и в способности социализма максимально использовать все ресурсы и резервы накопления — залог решения основной экономической задачи в короткий исторический срок.

(О к о н ч а н и е с л е д у е т)

Сочетание отраслей и использование трудовых ресурсов в колхозах

Изменения в политике заготовок сельскохозяйственных продуктов оказывают огромное влияние на экономику колхозов, на все стороны колхозного производства.

До 1940 г. обязательные поставки государству колхозами зерна, риса, подсолнуха и картофеля исчислялись в зависимости от плана сева этих культур. ЦК ВКП(б) и СНК СССР установили с 1940 г. новый порядок обязательных поставок этих культур — с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами. Новая система поставок повышает заинтересованность колхозов в наиболее полном и лучшем использовании закрепленных за ними земель — в расширении посевных площадей и освоении новых земель путем распашки целины, осушки болот и раскорчевки кустарников.

До последнего времени колхозы не привлекались к обязательным поставкам таких сельскохозяйственных продуктов, как овощи, семена масличных культур и трав. Контрактация как средство государственных заготовок не обеспечивала достаточного роста продукции этих культур в колхозах. Незначительный удельный вес овощеводства в колхозах виден из того, что на производство овощных и бахчевых культур падает только 2,5% всего количества затраченных трудовых¹. По новой системе заготовок сельскохозяйственных продуктов, начиная с 1940 г., колхозы привлекаются к обязательным поставкам государству овощей, семян масличных культур с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами. Это создает условия для развития в колхозах отраслей сельского хозяйства, обеспечивающих население важнейшими продуктами питания — овощами, растительным маслом.

С 1940 г. установлена также новая система заготовок продуктов животноводства. Ранее обязательные поставки мяса, молока, шерсти колхозами исчислялись в зависимости от поголовья общественного скота в колхозах. Это приводило к тому, что колхозы, имеющие животноводческие фермы и увеличивающие поголовье скота, из года в год сдавали государству все большее количество мяса, молока, шерсти, в то время как колхозы, не имеющие ферм, не сдавали государству продуктов животноводства и оказывались таким образом в льготном положении. В настоящее время к обязательным поставкам мяса, молока, шерсти привлекаются все колхозы, причем размеры поставок этих продуктов государству устанавливаются в зависимости от земельной площади, закрепленной за колхозами. Переход на погектарное исчисление поставок колхозами мяса, шерсти и молока устранял недостатки существовавшей системы заготовок, создав у колхозов заинтересованность в развитии общественного животноводства.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР установили с 1941 г. обязательные поставки колхозами яиц, исчисляемые с каждого гектара земельной площади. До сих пор колхозы не привлекались к обязательным поставкам

¹ «Колхозы во второй сталинской пятилетке», Госпланиздат, 1939, стр. 46.

яиц государству, и это являлось главной причиной отсутствия птицеводческих ферм в большинстве колхозов (птицефермы существуют только в 11,6% всех колхозов СССР). Слабое развитие птицеводства в нашей стране особенно отчетливо выступает при сравнении с США. В США птицеводство по размерам продукции превосходит свиноводство и овцеводство: так, в 1935 г. валовой доход от крупного рогатого скота составил 2 601 млн. долл., от свиноводства — 869, овцеводства — 195, птицеводства — 884². Новая система заготовок яиц в колхозах приведет к организации птицеводческих ферм в каждом колхозе и к ликвидации отставания одной из важнейших отраслей животноводства.

Новая система заготовок сельскохозяйственных продуктов — путь к изобилию сельскохозяйственных продуктов в стране. Она создает условия для бурного развития общественного хозяйства колхозов, для дальнейшего роста всех отраслей сельскохозяйственного производства. Она стимулирует всестороннее развитие колхозного производства на основе правильного сочетания отраслей сельского хозяйства.

Переход на погектарное исчисление поставок продуктов животноводства способствует интенсификации земледелия. Колхозам выгодно максимально увеличить количество скота на каждом гектаре земли путем лучшего использования ее для производства кормов. Мелиорация заболоченных лугов и пастбищ, увеличение посевов кормовых культур и рост их урожайности, полное использование сенокосов и пастбищ, повышение их урожайности — все это позволит колхозам содержать больше скота на каждом гектаре земли и увеличить излишки продуктов животноводства, остающиеся в распоряжении колхозов после выполнения обязательных поставок государству.

Правильное сочетание отраслей сельского хозяйства — важнейшее условие повышения доходов и рентабельности колхозов. Рост общественного животноводства, концентрация большего поголовья скота на каждом гектаре земли, увеличивает выход сельскохозяйственной продукции с гектара. Это обуславливается, во-первых, ростом продукции самого животноводства, во-вторых, повышением урожайности в связи с тем, что увеличение поголовья скота позволит вносить в почву больше удобрений. Развитие животноводства позволит полностью использовать отходы растениеводства (солому, мякину, ботву) и переработать их в ценные продукты питания — мясо, молоко и т. д., что повышает рентабельность колхозного производства. Расширение овощеводства — одной из наиболее интенсивных и доходных отраслей сельского хозяйства — также окажет большое влияние на повышение рентабельности колхозов.

Правильное сочетание отраслей сельского хозяйства при новой системе заготовок дает возможность лучше обеспечить потребность колхозов и колхозников в продуктах животноводства и овощах. Например, ранее колхозы все кожевенное сырье сдавали государству. Теперь же колхозам, выполнившим обязательные поставки кож и мяса и обеспечившим государственный план развития животноводства, предоставлено право сдавать кожевенное сырье государственным и кооперативным предприятиям на переработку и использовать излишки по своему усмотрению. Это позволит колхозам обеспечить свои нужды в сбруе и снабжать колхозников кожами, овчинами и т. д. За счет излишков шерсти после выполнения обязательных поставок колхозы смогут снабжать колхозников шерстью, валенками и т. д.

² A pp, Waller, Farm economics, management and distribution, p. 43.

До последнего времени в большинстве колхозов по трудодням выдавались в основном продукты полеводства. Рост общественного животноводства во всех колхозах благодаря новой системе заготовок позволит распределять между колхозниками значительное количество и животноводческой продукции. Это обеспечит правильное сочетание личных и общественных интересов в колхозах, повысив заинтересованность колхозников в развитии животноводческих ферм.

Правильное сочетание отраслей сельского хозяйства, всестороннее развитие колхозов — одно из важнейших условий наиболее полного использования резервов рабочей силы в колхозах.

Рациональное использование трудовых ресурсов колхозов означает, во-первых, вовлечение резервов рабочей силы из колхозов в промышленность, во-вторых — полное использование излишков рабочей силы, остающихся в колхозах после удовлетворения потребностей промышленности, в целях развития самого колхозного производства.

В своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин поставил перед колхозами задачу — отпускать для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полутора миллиона молодых колхозников. «Колхозы, — указывал товарищ Сталин, — имеют полную возможность удовлетворить эту нашу просьбу, так как обилие техники в колхозах освобождает часть работников в деревне, а эти работники, переведенные в промышленность, могли бы принести громадную пользу всему нашему народному хозяйству»³.

Постановление правительства СССР о государственных трудовых резервах имеет исключительно важное значение для планового привлечения рабочей силы из колхозов и организованной подготовки промышленных кадров из числа колхозной молодежи. Создание крупного механизированного земледелия высоко подняло производительность труда в сельском хозяйстве. Влияние трактора и комбайна на производительность труда можно проиллюстрировать следующими данными ЦУНХУ СССР. Затраты труда на 1 га в МТС составили в 1937 г.: на вспашке гусеничным трактором 0,25 человекодня, на севе — 0,10, на бороновании — 0,05, на уборке комбайнами — 0,32. Всего на эти операции затрачивалось 0,72 человекодня на 1 га. В единоличном же крестьянском хозяйстве (1922—1925 гг.) те же четыре операции требовали затраты 19,67 человекодней на 1 га⁴.

Колхозы, вооруженные передовой техникой, покончили с расхищением труда, которое происходило в условиях единоличного крестьянского хозяйства, обусловили невиданный подъем производительности труда. По расчетам ЦУНХУ СССР, экономия труда на работах, выполненных тракторами и комбайнами МТС, выразилась в 1937 г. в 10,9 млн. годовых работников.

Характерно, что работы, связанные с конной тягой и ручным трудом, также выполняются в колхозах с меньшими затратами труда. Так, по данным обследования ЦУНХУ СССР, затраты труда при работе на конной тяге (под ранние зерновые) составляют на вспашке в крестьянском хозяйстве — 2,49 человекодня, в колхозах — 1,55; соответственные цифры по севу конными селками — 0,84 и 0,44, по уборке зерновых конными машинами — 5,03 и 3,81; при ручном севе затраты труда на 1 га составляли в крестьянском хозяйстве 1,97 человекодня, в колхозе — 1,27; на ручной уборке соответственные цифры — 10,30 и 8,58⁵. Следовательно, рост производительности труда

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 586.

⁴ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», Госпланиздат, 1939, стр. 49.

⁵ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», Госпланиздат, 1939, стр. 9.

в колхозах является результатом не только механизации, но и более высокой организации труда — кооперации и разделения труда, социалистического отношения к нему. Отсюда ясно, что правильная организация труда, в частности звеньевая система, — весьма важный фактор экономии труда.

Экономия труда является основой образования в колхозах значительных резервов рабочей силы. По расчету, сделанному ЦУНХУ СССР на основе бюджетных обследований колхозных хозяйств за 1938 г., охватывающих 33 республики, области и края, в июле оставалось неиспользованными 2,6 млн. работников⁶. Следовательно даже в месяц максимальной напряженности труда налицо большие резервы рабочей силы. Таким образом, колхозы не только имеют полную возможность ежегодно отпускать в промышленность полтора миллиона работников, но и после удовлетворения потребности промышленности в рабочей силе в них остаются большие неиспользованные трудовые ресурсы. Завершение комплексной механизации сельскохозяйственных работ в третьей пятилетке, укрепление трудовой дисциплины и улучшение организации труда дадут дополнительно огромную экономию труда.

Основной причиной, затруднявшей правильное использование трудовых ресурсов колхозов и переход колхозников на работу в промышленность, были извращения Сталинского Устава сельскохозяйственной артели, наблюдавшиеся во многих колхозах. Часть колхозников уклонялась от работы в колхозе и уделяла основное внимание личному хозяйству, которое они и превращали в основной источник дохода.

В постановлении «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (27 мая 1939 г.) ЦК ВКП(б) и СНК СССР указали: «Положение, когда в колхозах часть колхозников уклоняется от участия в общественном труде, — ведет к образованию искусственной нехватки рабочей силы в колхозах, между тем как на деле в колхозах большинства районов СССР имеется большое количество излишних рабочих рук, использование которых для работы в колхозах не только могло бы ликвидировать мнимую нехватку рабочей силы в колхозах, но и высвободило бы значительную часть рабочей силы для промышленности и для переселения в многоземельные районы СССР, где действительно имеется нехватка рабочих рук». ЦК ВКП(б) и СНК СССР установили с 1939 г. обязательный минимум трудодней в году для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы — в размере 60—100 трудодней (в зависимости от района). Эта мера сыграла большую роль в борьбе с лодырями, уклонявшимися от работы в колхозе. В результате проведенных партий и правительством мероприятий в колхозах значительно укрепилась трудовая дисциплина и выявились действительные размеры резервов рабочей силы, которые могут обеспечить не только растущие потребности промышленности, но и потребности колхозов в расширении своего общественного хозяйства.

Число колхозников, не выработавших ни одного трудодня, уменьшилось с 6,5% в 1938 г. до 3,5% в 1939 г., число же колхозников, выработавших свыше 300 трудодней, составило в 1939 г. 25% против 21,8% в 1938 г.⁷ Эти цифры свидетельствуют о росте трудовой активности колхозников. Но этот рост далеко не достаточен. Еще немало есть колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней; немало и таких, которые ограничиваются только миниму-

⁶ См. «Плановое хозяйство», 1940, № 4, стр. 61.

⁷ «Социалистическое земледелие» от 11 августа 1940 г., передовая.

мом трудодней. Среднее количество человекодней, приходящихся на одного трудоспособного в колхозах, составляет около 150, что показывает совершенно недостаточное использование трудовых ресурсов в колхозах.

Укрепление трудовой дисциплины и борьба с лодырями и тунеядцами — основное условие вовлечения резервов рабочей силы в колхозное производство и рационального использования трудовых ресурсов в колхозах. Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали решающее значение крепкой трудовой дисциплины. В своей статье «Очередные задачи Советской власти» Ленин указывал, что рост производительности труда требует укрепления дисциплины труда, что «...условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации»⁸.

Необходимо добиться не только выхода в поле всех трудоспособных колхозников, но и уплотнения рабочего дня, лучшей организации труда. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов подчеркивается необходимость обеспечить полное использование всех колхозников и их рабочего времени, а также добиться, чтобы колхозники начинали уборочные и полевые работы до 5—6 час. утра, а кончали работу с заходом солнца. В горячий период полевых работ, когда нужно в короткие сроки убрать урожай, потери рабочего времени ведут к потерям урожая. ЦК ВКП(б) и СНК СССР указали в своем постановлении на необходимость оборудования полевых станков, кухонь и организации питания в поле, с тем чтобы колхозники, работники МТС и совхозов не должны были возвращаться на обед и на ночь в село и терять дорогое рабочее время.

Чтобы достигнуть более полного использования наличных резервов рабочей силы (за вычетом ушедших в промышленность), необходимо развивать общественное хозяйство колхозов на основе правильного сочетания отраслей.

XVIII съезд партии указал, что в колхозном строительстве «задачи заключаются в дальнейшем всемерном организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственной артели, в развитии и укреплении общественной собственности колхоза, в развитии колхозных животноводческих ферм, общественных построек, общественных страховых фондов и других видов колхозной собственности, что является основой дальнейшего подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня жизни колхозного крестьянства»⁹.

Укрепление сельскохозяйственной артели и рост колхозных доходов дадут возможность удовлетворять потребности колхозников в сельскохозяйственных продуктах и увеличить доходы их. Личное хозяйство колхозных дворов должно приобретать все более узко подсобный характер, а общественное хозяйство — возрастать как основное. Это означает, что удельный вес общественного хозяйства в затратах труда колхозников будет все возрастать, а личного, подсобного хозяйства — все уменьшаться.

Задача полного использования наличных трудовых ресурсов в колхозах (за вычетом выделенных в промышленность) должна быть разрешена на основе расширенного воспроизводства общественного хозяйства колхозов, на основе всестороннего развития колхозного производства.

⁸ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 454.

⁹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 35.

По данным ЦУНХУ СССР, использование трудовых ресурсов в колхозах таково: в среднем по всем обследованным областям проработано на один колхозный двор в течение года 349,28 человекодня, в том числе: в полеводстве и луговоеводство — 166,92, в продуктивном животноводстве — 55,69, по уходу за рабочим скотом — 28,44, в огородничестве и бахчеводстве — 11,44, в промышленных и подсобных предприятиях — 9,58, на строительстве и капитальном ремонте — 5,47¹⁰. Следовательно, около половины рабочего времени колхозников затрачено в полеводстве, в продуктивном животноводстве затрачено 15,9% рабочего времени, а в огородничестве — только 3,3%. Структура затрат труда отражает отраслевую структуру колхозного производства, слабое развитие общественного животноводства и овощеводства. В 1937 г. валовая продукция земледелия в колхозах составила 11,5 млрд. руб., а валовая продукция животноводства — 1,2 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.).

Рациональное сочетание отраслей сельского хозяйства в колхозах требует прежде всего развития животноводства. Между полеводством и животноводством существует теснейшая связь. Посевы кормовых культур и отходы полеводства (солома, мякина и т. д.) служат кормовой базой для животноводства. Животноводство же дает органические удобрения — необходимое условие восстановления плодородия почвы и повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Развитие животноводства позволяет полностью и более интенсивно использовать земельные фонды — луга и пастбища, кормовой клин севооборота. Животноводство, перерабатывая продукты растениеводства, в том числе отходы полеводства, в более ценные животноводческие продукты и повышая урожайность, тем самым увеличивает выход сельскохозяйственной продукции с каждого гектара земли и повышает рентабельность колхозов и совхозов. На долю животноводства приходится в СССР 25,6% валовой продукции сельского хозяйства, в США — 55,4%, в Германии — 60,6%¹¹. Удовлетворение растущих потребностей населения в продуктах питания, обуви, шерстяных изделиях и т. п., а также повышение рентабельности социалистического сельского хозяйства диктуют необходимость дальнейшего развития животноводства в СССР ускоренными темпами.

Рост колхозных животноводческих ферм — основной путь разрешения животноводческой проблемы и важнейшее условие увеличения общественного богатства и доходов колхозов. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 8 июля 1939 г. явилось переломным пунктом в развитии колхозного животноводства. Это постановление заменило изжившую себя систему мясопоставок с поголовья новой системой сдачи мяса с гектара земли, тем самым подняв заинтересованность колхозов в увеличении общественного поголовья скота. Партия и правительство признали целесообразным, чтобы в каждом колхозе были три, и по крайней мере две фермы с определенным минимумом поголовья. После этого постановления поголовье общественного скота в колхозах стало быстро увеличиваться. За одно только второе полугодие 1939 г. в колхозах СССР было организовано 187 тыс. животноводческих ферм.

Развитие и укрупнение колхозных животноводческих ферм приведет к росту затрат труда в этой отрасли сельского хозяйства. О том, как велико влияние развитого животноводства на использование трудовых ресурсов в колхозах, можно судить по следующим данным

¹⁰ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», стр. 78.

¹¹ «СССР и капиталистические страны», Госпланиздат, 1939, стр. 238, 239, 240.

ЦУНХУ СССР. В Новосибирской области годовые затраты труда на один колхозный двор составляют в полеводстве 192,75 человекодня, в животноводстве — 153,72; в Алтайском крае — 164,82 и 129,28¹². Влияние общественного животноводства на рост использования трудовых ресурсов в колхозах подтверждается следующими данными годовых отчетов колхозов за 1937 г.¹³.

Таблица 1

Выработка трудодней на одного трудоспособного

Области, республики и края	Затраты трудодней в продуктивном животноводстве (в % к общему количеству трудодней)	Годовая выработка трудодней на 1 трудоспособного
Тамбовская область	6,7	160
Рязанская »	6,9	160
Чувашская АССР	5,5	148
Челябинская область	18,5	234
Омская »	18,2	236
Орджоникидзевский край	15,7	240
В среднем по СССР	9,9	194

Мы взяли для сопоставления две группы областей. В колхозах первой группы общественное животноводство слабо развито и затраты труда в нем занимают в общем количестве выработанных трудодней меньшую долю, чем в среднем по Союзу. В колхозах второй группы областей продуктивное животноводство сравнительно развито, о чем свидетельствует более высокий удельный вес затрат труда в этой отрасли в общем количестве выработанных трудодней по сравнению со средней цифрой по Союзу. Площадь посева трудоемких технических культур в той и другой группе областей невелика. Разница в выработке трудодней на трудоспособного между двумя группами областей объясняется в основном степенью развития колхозных животноводческих ферм. Здесь сказывается и состояние трудовой дисциплины. В первых трех областях выше процент колхозников, выработавших меньше 50 трудодней.

Машинно-тракторные станции, механизировав полеводство, дают огромную экономию труда, которая не только позволяет высвободить часть работников для промышленности, но дает также возможность часть рабочей силы колхозов переключить на животноводство и овощеводство — весьма трудоемкие отрасли сельского хозяйства.

Третий пятилетний план выдвинул задачу обеспечить каждую область, каждую республику своим картофелем, своими овощами. Вокруг промышленных центров и крупных городов будут созданы картофельно-овощные базы, полностью обеспечивающие снабжение этих пунктов овощами и картофелем. В разрешении этой задачи основная роль принадлежит колхозам. СНК СССР и ЦК ВКП(б) установили, что колхозы, начиная с 1940 г., привлекаются к обязательным поставкам овощей. Рост производства картофеля и овощей в колхозах потребует дополнительных затрат труда, так как это очень трудоемкие культуры. По данным ЦУНХУ СССР, в среднем по об-

¹² «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», стр. 78.

¹³ Таблица составлена по данным статистического сборника «Колхозы во второй сталинской пятилетке».

следованным областям затраты труда в колхозах на 1 га картофеля составляют 65,15 человекоднев, в шесть раз больше чем на 1 га зерновых колосовых¹⁴.

Полное использование трудовых ресурсов в колхозах может быть достигнуто лишь при условии ликвидации сезонности труда.

Трудовые ресурсы колхозов используются неравномерно в течение года вследствие сезонности сельскохозяйственного производства и перерывов в процессе труда. «Здесь дело идет о перерыве, независимом от длины процесса труда, обусловленном самою природою продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен проделать физические, химические, физиологические изменения, между тем как на это время процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается»¹⁵.

Озимая пшеница высевается осенью, а урожай снимается лишь летом следующего года; в течение всего этого периода (9—10 месяцев) посевы озимой пшеницы нуждаются в сравнительно небольшом воздействии труда. Между севом яровой пшеницы и ее уборкой проходит около 3 месяцев, в течение которых посевы не требуют значительных затрат труда. Таким образом, в земледелии время производства, необходимое для создания готового продукта, не совпадает с рабочим периодом, т. е. временем, когда предмет труда подвергается непосредственному воздействию труда. Период производства здесь длиннее рабочего периода. Эта разница между рабочим временем и временем производства, наблюдающаяся и в некоторых отраслях промышленности, особенно сильно проявляется в сельском хозяйстве и оказывает огромное влияние на баланс труда.

Сезонные колебания затрат труда в колхозах видны из следующих данных ЦУНХУ СССР (в среднем по обследованным областям и краям)¹⁶.

Таблица 2

Все затраты труда в колхозах (включая работников МТС) по месяцам

Месяцы	Проработано человекоднев на 1 колхоз- ный двор	В том числе		
		в полевод- стве и луго- водстве	в огородни- честве и бах- чеводстве	в продуктив- ном животнов- водстве
Январь	16,58	2,75	0,11	4,78
Февраль	16,50	2,77	0,20	4,50
Март	20,35	4,34	0,47	4,98
Апрель	26,25	10,19	0,93	4,83
Май	33,34	16,54	1,61	4,87
Июнь	36,80	19,27	1,88	4,80
Июль	44,33	28,12	1,64	4,81
Август	40,91	25,49	1,37	4,69
Сентябрь	35,80	21,48	1,20	4,35
Октябрь	32,69	18,39	1,16	4,32
Ноябрь	24,13	10,43	0,62	4,24
Декабрь	21,60	7,15	0,25	4,51
Итого	349,28	166,92	11,44	55,69

Из приведенных цифр видно, как резко выражена сезонность труда в колхозах. В летние месяцы на один колхозный двор проработано

¹⁴ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», стр. 17.

¹⁵ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. II, стр. 295.

¹⁶ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», стр. 77.

но человекоднев в 2—2½ раза больше, чем зимой. Таблица отчетливо показывает, что сезонность труда в колхозах вытекает из расхождения между рабочим периодом и периодом производства в земледелии. Так, в полеводстве подавляющая часть затрат труда приходится на 6 месяцев, в течение которых производятся основные полевые работы (май—октябрь); даже на протяжении этих месяцев затраты труда заметно колеблются; в зимние же месяцы затраты труда в этой отрасли совсем незначительны. Сезонность труда наблюдается также в огородничестве, но в отличие от полеводства здесь максимум затрат падает не на июль, а на июнь—период прополки, причем колебания затрат труда по месяцам в летний период здесь менее резки. В продуктивном животноводстве затраты труда распределяются в течение года почти равномерно.

Отсутствие сезонности, непрерывность процесса труда характерны для всех отраслей продуктивного животноводства. Это подтверждается данными специального обследования ЦУНХУ СССР.

Таблица 3

Распределение затрат труда по месяцам в % к годовому итогу
(в среднем по обследованным областям) ¹⁷

Отрасли	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Крупный рогатый скот	8,9	8,4	9,2	8,8	8,8	8,7	8,6	8,3	7,5	7,5	7,4	7,9
Свиноводство	8,4	8,0	8,6	8,4	8,7	8,6	8,5	8,6	8,1	8,1	7,8	8,2
Овцеводство	7,8	7,5	8,3	8,6	9,0	8,9	9,1	9,0	8,2	7,8	7,8	8,0

Чтобы устранить сезонность труда в колхозах, нужно, во-первых, срезать «пик» кривой затрат труда, т. е. снизить потребность в рабочей силе в период уборки; во-вторых, заполнить зимний «провал» кривой. Снижение потребности в рабочей силе в период уборки достигается путем механизации уборки, прежде всего комбайнизации. Основным средством заполнения зимнего перерыва в процессе труда является развитие животноводства, в котором работы производятся круглый год.

В качестве примера приведем колхозы Новосибирской области, где относительно развито общественное животноводство.

Таблица 4

Затраты труда по отраслям в колхозах Новосибирской области ¹⁸

Отрасли	Проработано человекоднев на 1 колхозный двор			
	январь	февраль	март	апрель
Всего	29,56	27,38	29,16	28,39
В том числе:				
в полеводстве	5,71	4,67	3,30	3,87
в животноводстве	15,99	14,67	15,83	14,46
в т. ч. в продуктивном	11,40	10,58	11,37	10,44
в строительстве	0,34	0,33	0,66	0,67
в промышленных подсобных предприятиях	0,73	0,83	0,92	1,02

¹⁷ Там же, стр. 53, 59, 63.

¹⁸ Там же, стр. 78.

Как видно из таблицы, в колхозах Новосибирской области в зимние месяцы в расчете на один колхозный двор проработано в полеводстве только 4—5 человекоднев; всего же в колхозе на 1 двор в эти месяцы приходится 28—30 человекоднев работы. В основном трудовая нагрузка колхозников в зимние месяцы повышается за счет работы в общественном животноводстве.

Известное значение для загрузки колхозников в зимнее время имеют работы в промышленных и подсобных предприятиях. Маркс указывал, что «расхождение периода производства и рабочего периода, причем последний образует только часть первого, является естественной основой для объединения земледелия с подсобными сельскими промыслами...»¹⁹. По данным годовых отчетов колхозов СССР за 1938 г. 70,8% колхозов имеют подсобные предприятия, обслуживающие нужды колхозов и колхозников — кузницы, шорные и столярные мастерские, мельницы, маслобойни, маслодельные и сыроваренные заводы, кирпичные заводы и т. д. Расширение подсобных предприятий, обслуживающих нужды колхозов, наряду с развитием общественного животноводства будет способствовать изживанию сезонности сельскохозяйственного труда.

Одним из источников увеличения колхозных доходов и средств использования резервов труда колхозов в зимние месяцы является работа колхозов по договорам на лесоразработках и на извозе. По данным годовых отчетов колхозов, примерно треть всех колхозов СССР имеет заработки от лесоразработок, а три четверти колхозов — от извоза²⁰.

Развитие общественного животноводства в колхозах оказывает большое влияние и на выравнивание графика труда в летние месяцы. В связи с ростом животноводческих ферм колхозы расширяют посевы кормовых культур — силосных, корнеклубнеплодов, сеяных трав. Силосные культуры и корнеплоды требуют больших затрат труда в июне и июле — в период междурядной обработки. Широкоярдные посевы семенников многолетних трав также подвергаются в этот период междурядной обработке. Следовательно, затраты труда по кормовым культурам заполняют перерыв в процессе труда между севом и уборкой яровых зерновых. Уборка силосных культур и корнеклубнеплодов проводится после окончания уборки зерновых культур, что удлиняет рабочий период в земледелии. Все это обуславливает более равномерное использование трудовых ресурсов колхозов в летние месяцы.

Овощеводство также способствует выравниванию кривой затрат труда в земледелии. Как показано было выше, овощи требуют максимальных затрат труда в период междурядной обработки, уборка же овощей затягивается до поздней осени. Парниковое хозяйство увеличивает затраты труда в зимние и весенние месяцы.

Затраты труда в колхозах распределяются более равномерно, чем в крестьянском хозяйстве. Для иллюстрации приведем данные ЦУНХУ СССР по Краснодарскому краю²¹ (см. табл. 5).

В апреле — июне затраты труда в колхозах относительно больше, чем в крестьянских хозяйствах. Это объясняется, во-первых, расширением площади паров и более ранними сроками их подъема; во-вторых, увеличением посевов технических и пропашных культур, требующих междурядной обработки. Процент посевов зерновых культур ко всей посевной площади на Северном Кавказе снизился с 80 в 1924 г. до

¹⁹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. II, стр. 164.

²⁰ По данным годовых отчетов колхозов за 1937 г.

²¹ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», стр. 66.

Таблица 5

Проработано человекодней в полеводстве и луговодстве по месяцам
(в % к итогу за с.-х. период)

Месяцы	Крестьянские хозяйства (1925 г.)	Колхозы (1937 г.)
Апрель	7,7	9,1
Май	10,0	14,4
Июнь	9,9	13,1
Июль	24,9	20,6
Август	28,7	16,1
Сентябрь	15,6	14,0
Октябрь	3,2	12,7
Итого	100	100

70 в 1938 г. вследствие расширения посевов технических, овощных и кормовых культур. В июле — сентябре затраты труда относительно снизились в результате комбайнизации. Рост затрат труда в октябре объясняется, главным образом, расширением посевов технических и кормовых культур, уборка которых производится в более поздние сроки, что удлиняет рабочий период в полеводстве.

Таким образом, правильное сочетание отраслей, развитие наряду с полеводством животноводства, овощеводства и подсобных предприятий обеспечивает более полное и равномерное использование труда в колхозах. Иллюстрацией этого может служить колхоз им. Ленина, Кирсановского района, Тамбовской области.

Таблица 6

Распределение затрат труда в колхозе им. Ленина за 1938 г.
(в рабочих днях)²²

Отрасли	I квар-тал	II квар-тал	III квар-тал	IV квар-тал	Итого
Полеводство	1 992	5 926	9 301	2 529	19 748
Сад и огород	592	2 246	3 137	1 585	7 560
Животноводство	8 498	8 723	8 922	10 167	36 310
Подсобные предприятия	5 751	5 591	5 572	5 012	21 926
Прочие работы (строительство, культурно-бытовое обслуживание и др.)	11 000	10 433	10 903	13 493	45 829
Итого	27 833	32 919	37 835	32 786	131 373
В % к итогу	21,2	25,1	28,8	24,9	100

Колхоз им. Ленина — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В нем три животноводческие фермы с поголовьем, значительно превышающим установленный минимум. Колхоз добился на основе сочетания отраслей большого роста доходов: денежные доходы составили в 1938 г. 1 220 тыс. руб., около 4 тыс. руб. на двор. Правильное сочетание отраслей дало возможность колхозу достигнуть высокого равномерного использования трудовых ресурсов. Как видно из таблицы, разница в размерах затрат труда по кварталам сравнительно невелика. При условии расширения уборки зерновых посевов комбайнами сезонность сельскохозяйственного труда в колхозе им. Ленина может быть полностью изжита.

²² Болгов, Опыт стахановцев колхоза, Госполитиздат, 1939, стр. 14.

Изживание сезонности труда устраняет одну из особенностей сельского хозяйства, резко отличающую его от промышленности. Наряду с механизацией, являющейся основным условием превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, непрерывность труда придает сельскому хозяйству характер индустриального производства.

Следует подчеркнуть, что параллельно увеличению объема затрат труда на основе всестороннего развития общественного хозяйства колхозов происходит процесс высвобождения рабочей силы в результате экономии труда, связанной с ростом механизации и улучшением организации труда. Непрерывный рост производительности труда обеспечивает одновременно увеличивающуюся потребность в рабочей силе и промышленности и самого колхозного хозяйства.

Золото в первой империалистической войне

Вторая империалистическая война, наступление и пути развития которой были с гениальной прозорливостью предсказаны товарищем Сталиным, уже охватила всю капиталистическую часть старого мира — от Японии до Англии и от Нордкапа до Сахары — и грозит захватить все новые области.

Чтобы ориентироваться в текущих событиях, очень важно проанализировать вопросы, связанные с финансированием войны, в частности вопрос о золотых и инвалютных запасах и денежном обращении воюющих стран.

Усиление неравномерности развития и углубление загнивания капитализма в эпоху его общего кризиса привели к тому, что к началу второй империалистической войны сфера денежного обращения воюющих стран оказалась неизлечимо расстроеной, а видимые золотые запасы капиталистического мира сконцентрированными в одном главном резервуаре (США) и двух дополнительных (Франция и Англия). Последние, особенно Англия, служили по существу только передаточными пунктами, откуда золото и накануне англо-германского этапа войны и после его начала уходило в США. На 2 октября золотой запас федеральной резервной системы США составил 21 271 млн. долл.¹ Это равняется, примерно, 80% видимых золотых запасов всего капиталистического мира. Но война застала небывалое обострение противоречий не только в области распределения золота, но и в области его производства, а также движения из страны в страну и обслуживания им процесса капиталистического производства.

Каково значение этих фактов? Каково их место в общем обострении противоречий капитализма? Какова роль золота в финансировании второй империалистической войны? Исследование этих вопросов требует изучения не только современных данных, но и роли золота в финансировании первой империалистической войны.

Освещение последнего вопроса и составляет предмет настоящей статьи.

I. Концентрация золота до войны и во время войны

Золотодобыча в эпоху империализма

После открытия Америки, положившего начало обильному притоку благородных металлов из-за океана в Старый Свет, история капитализма насчитывает четыре периода резкого усиления мировой золотодобычи. Это, во-первых, отрезок времени от 20-х до 70-х годов XVIII в., когда широко развернулась золотодобыча в Бразилии. Это, во-вторых, конец 40-х, 50-е и 60-е годы XIX в., когда Калифорния и Австралия дали огромные массы золота и когда на высоком уровне стояла золотодобыча

¹ «Правда» от 7 октября 1940 г.

России. Это, в-третьих, время от 90-х годов XIX в. до первой мировой империалистической войны (Трансвааль, Аляска). Это, наконец, время от начала мирового экономического кризиса 1929 г. до наших дней.

Первые два периода приходятся на то время, когда развитие капитализма шло по восходящей линии. Как показал Маркс, усиление притока золота в Европу как после открытия Америки, так и после открытия золота в Калифорнии и Австралии сыграло в развитии капитализма большую роль.

Третий из указанных периодов усиленной золотодобычи совпадает с периодом, «...когда капитализм в конце XIX и в начале XX века окончательно перерос в высшую и последнюю ступень своего развития — империализм»².

Наконец, современный период усиленной золотодобычи неразрывно связан с мировым экономическим кризисом, возникшим на базе общего кризиса капитализма. Если раньше усиление золотодобычи было связано с открытием новых мест добычи, то в настоящее время оно является исключительно следствием мирового экономического кризиса, который «...перенесся также в сферу кредита и денежного обращения, перевернув вверх дном установившиеся между странами кредитные и валютные отношения»³, следствием валютного хаоса и обусловленной им премии на золото.

Было бы, конечно, неправильно полагать, что в предыдущих периодах рост золотодобычи был обусловлен исключительно фактом открытия новых мест золотодобычи. Не говоря уже о том, что самый факт открытия бразильских, сибирских, калифорнийских, австралийских и южноафриканских россыпей находится в причинной зависимости от поступательного движения капитализма на том или ином этапе, технические и экономические возможности широкой разработки новых месторождений всякий раз определялись соответствующей ступенью развития капитализма. В частности, на открытие и разработку южноафриканских золотых рудников наложила свою резкую печать эпоха империализма. Авантюра Сесила Родса, монополизация рудников, англо-бурская война — все это факторы, без которых южноафриканские рудники не дали бы той огромной массы золота⁴, которая заполнила каналы денежного обращения и подвалы банков капиталистических стран. Это золото в немалой степени послужило базисом для финансирования первой мировой империалистической войны.

Концентрация золота до войны В последней четверти XIX в., в период становления империализма, неразрывно с процессом концентрации золота в империалистических странах происходил процесс его децентрализации. Последний шел в двух направлениях: золото вывозилось в порядке вывоза капитала для укрепления денежного обращения в важнейших странах ввоза капитала (в России, Японии, Аргентине); в странах, перешедших к «золотому стандарту», золото в большем или меньшем количестве выпускалось в обращение. Как известно, именно в последней четверти XIX в. к «золотому стандарту» перешли важнейшие капиталистические страны, если не считать Англии, где «золотой стандарт» существовал с 1816 г. (и где и до того было много золота в обращении), и Франции, в которой золото фактически также давно обращалось.

Но то было в период становления империализма. С наступлением

² История ВКП(б), стр. 154.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 423.

⁴ С 1887 по 1914 г. включительно Витватерсранд (основной район золотодобычи Трансвааля) дал 3 050,6 т золота.

XX в. наиболее мощные в финансовом отношении империалистические страны, готовясь к новому переделу мира, вносят изменения в свою «золотую политику». Вывоз золота в связи с вывозом капиталов сокращается (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Экспорт и импорт золота

Период	Импорт	Экспорт	Отношение экспорта к импорту (в %)
Франция (млн. фр.)			
1888—1900 гг.	3 896	2 430	62,37
1901—1913 гг.	6 249	1 634	26,14
Германия (млн. марок)			
1888—1900 гг.	2 679	1 491	55,65
1901—1913 гг.	3 723	1 343	36,07

Таблица 2

Отношение вывоза золота к иностранным государственным и городским займам во Франции (в млн. фр.)

Период	Сумма иностранных государственных и городских займов	Экспорт золота	Отношение экспорта золота к займам (в %)
1895—1900 гг.	1 973	1 288	65,28
1901—1913 гг.	15 745	1 634	10,37

Наряду с мерами, направленными к увеличению количества золота в стране, империалистические государства принимают меры к уменьшению количества золота в обращении, а следовательно к концентрации золота в руках «финансовых властей».

Для этой цели в Германии проводились такие мероприятия, как выпуск 50- и 20-марковых банкнот, изъятие из обращения 5-марковых золотых монет, присвоение банкнотам Рейхсбанка обязательной платежной силы, выпуск казначейских билетов (Reichskassenscheine) на 120 млн., а затем еще на 85 млн. (закон 3 октября 1913 г.) и создание специального военного фонда из золота, изъятых из обращения в связи с этим выпуском. С 1910 по 1913 г. количество золота в Рейхсбанке возросло с 778 до 1 170 млн. марок. Количество золота в обращении за то же время снизилось с 2 939 до 2 750 млн. марок⁵.

В России с 1906 по 1913 г. количество золота в Государственном банке увеличилось с 927 до 1 556 млн. руб. Количество золота в обращении за это же время снизилось с 838 до 500 млн. руб.

Совет Французского банка в своем отчете собранию акционеров 28 января 1915 г. говорит: «Банк, как и правительство, заботливо готовился к мобилизации... Наш золотой запас в течение долгого времени соответственно увеличивался...»⁶.

Особенно усиленно центральные банки мобилизовали золото в последние месяцы перед войной.

⁵ Ср. «Мировые экономические кризисы», тт. I и III.

⁶ «Banker's Magazine», 1915, VIII, p. 227.

Мировой золотой запас к началу первой империалистической войны складывался из следующих трех частей:

1) монеты и слитки, находящиеся в распоряжении так называемых «финансовых властей», т. е. эмиссионных банков, казначейств, конверсионных касс и т. д.;

2) монеты в распоряжении населения, так называемое золото в обращении (обращение здесь берется в широком смысле этого слова, ибо кроме функции средства обращения и платежа это золото выполняет и функции сокровища); промежуточное положение между первой и второй частями занимало золото в монетах и слитках, принадлежавшее другим банкам, кроме эмиссионных. Такого золота было много в Англии;

3) золото в изделиях или непосредственно предназначенное для превращения в изделия.

На вопрос о том, сколько золота было в мире к началу первой империалистической войны, существующая статистика дает весьма гадательный ответ, основанный на отрывочных данных и грубо «ориентировочных» оценках. Если принять подсчет Лексиса (*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*), продолженный Касселем (*Theoretische Socialökonomie*), то к концу 1910 г. весь мировой запас золота был равен 52 млрд. марок, что составляет 18 639 т. Если сюда прибавить золотодобычу 1911, 1912 и 1913 гг. и вычесть на ежегодное стирание и износ 0,2% наличного запаса, то мировой запас золота должен был составить к 31 декабря 1913 г. 20 014 т.

Меньше всего существует расхождений по вопросу о том, сколько золота было к началу войны в распоряжении центральных банков и казначейств. Но и здесь есть разногласия по отдельным странам между различными источниками и даже между разными изданиями одного и того же источника (например, между «*Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*» за 1924/25 г. и за 1926 и дальнейшие годы).

По данным «*Statistisches Jahrbuch*» (начиная с выпуска 1926 г.), количество «централизованного» золота составляло к концу 1913 г. 24 336 млн. марок, или 5 797 млн. стар. долл. По данным же «*Federal Reserve Bulletin*» (июнь 1933), в центральных банках и казначействах 50 стран было к концу 1913 г. на 4 857 млн. долл. золота. Причина расхождения заключается не только в том, что в немецком источнике охвачено большее количество стран (59), но и в том, что немецкий источник, в отличие от американского, относит к централизованному как золото центральных банков и казначейств, так и золото, находящееся в других банках.

Гораздо больше расхождений имеется по вопросу о том, сколько золота было к началу войны в обращении. Особенно противоречивы данные по Англии и Франции.

По данным «*Statistisches Jahrbuch*», общая сумма золота в обращении к концу 1913 г. была равна 16 930,9 млн. золотых марок, или 4 032,8 млн. стар. долл. Однако сопоставление этих цифр с данными директора монетного двора США, секретариата Лиги наций и рядом других источников дает основание полагать, что цифра эта несколько преувеличена. В частности, завышен показатель золотого обращения Англии. Возбуждает сомнение и огромная сумма золотого обращения, указанная для Турции, хотя в довоенное время массовое обращение европейских золотых монет на Востоке было обычным явлением. С другой стороны, занижена цифра золотого обращения Франции.

Наконец, относительно третьей части мирового запаса золота, а именно золота в форме эстетического сокровища, никаких должным образом обоснованных данных нет. Большую неясность вносит в

этот вопрос золото, поглощаемое в значительном количестве Востоком. Здесь монеты служат непосредственным украшением, а украшения закапываются в землю наряду с монетами.

Уже к началу мировой войны концентрация золота достигла высокой степени. Это видно из того, что на долю пяти стран (США, Франция, Россия, Германия, Великобритания) к концу 1913 г. приходилось около 64% всего мирового запаса монетарного золота (см. табл. 3).

Таблица 3

Запасы монетарного золота (по «St. Jahrbuch» в переводе на ст. долл.)

Страны	Централизованное золото	Золото, находящееся в обращении	Всего
США	1 279,2	611,5	1 890,7
Франция	678,7	723,6	1 402,3
Россия	868,7	254,2	1 122,9
Германия	340,6 ⁷	655,1	995,7
Англия ⁸	564,0	370,0	934,0
Итого	3 731,2	2 614,4	6 345,6

Крах «золотого стандарта» Первая империалистическая война, явившаяся отражением общего кризиса капитализма, нанесла сокрушительный удар денежным системам капиталистического мира, удар, от которого они уже не могли оправиться целиком даже в период временной частичной стабилизации капитализма. Все то, что развитие капитализма сделало в течение века для фиксации отношения между валютами важнейших стран мира, было подточено в своей основе углублением противоречий капитализма в эпоху империализма. Достаточно было нескольких дней военной грозы, чтобы золото, в результате длительного процесса пробившее себе дорогу в денежное обращение важнейших стран капитализма, сразу и навсегда ушло отсюда.

Так называемый «золотой стандарт», для победы которого в капиталистических странах понадобился очень долгий срок, потерпел крах сразу, как только наступила война. Но этот крах ни в коей мере не означал уменьшения роли золота. Развенчано было не золото, а банкнота. С прекращением размена банкнот на золото и превращением их из орудий кредитования промышленности, торговли, а также фондовой и всякой иной спекуляции в орудие финансирования войны, они превратились в бумажные деньги самого плохого вида, выпускаемые «ва-банк», с расчетом на инфляцию.

Крах потерпело не золото как денежный товар, а капиталистическая банкнота. Последняя с тех пор уже не оправилась полностью; ее лишь слегка подлечили в период временной частичной стабилизации капитализма, и после мирового экономического кризиса опять вскрылась ее уже неизлечимая болезнь. Крах потерпело не золото, ибо оно осталось единственной мерой стоимости и мировыми деньгами; его было еще легче чем прежде употреблять во всех других функциях денег и, само собой разумеется, очень легко было обменивать на банкноты. Крах потерпела банкнота, которую уже нельзя было обменивать попрежнему прямым путем — в определенном месте и по определенной цене — на золото.

⁷ Включая золото так называемых частных эмиссионных банков и военные фонды.

⁸ В 1 графе — Английский и другие банки; 2 графа исправлена по англ. источникам.

Это, конечно, не значит, что отпала связь бывших банкнот, теперь бумажных денег, с золотом. Бумажные деньги могут функционировать только как заместители золота. За бумажные деньги в соответствующем количестве тоже можно купить золото. Но отпала иллюзия, будто действительными владельцами золота, хранящегося в подвалах эмиссионного банка, являются держатели банкнот — этих стандартизированных векселей банка. Отпала самая роль банкнот как векселей банка, а вместе с ней и особый закон их обращения.

Необходимо, впрочем, отметить, что и в предвоенные годы обмен банкнот на золото производился беспрепятственно далеко не во всех тех странах, где он предусматривался законом. Во Франции, Германии, России и ряде других стран «в минуту жизни трудную» выдача больших сумм золотом из эмиссионных банков тормозилась разными способами, в частности требованием специальной премии за золото, доходившей до 1⁰/₀ и выше.

Такая практика имела между прочим широкое распространение осенью 1912 г. в связи с обострением международных отношений в период балканских войн.

В первые же дни войны обмен банкнот на золото был прекращен в законодательном порядке не только в воюющих государствах, но и в ряде нейтральных стран. Исключение среди воюющих стран составляла Англия. В течение всей войны обязанность Английского банка давать золото взамен банкнот оставалась на бумаге. В действительности же, если размен и не был совершенно приостановлен в первые дни войны, то лицам, требовавшим золота взамен банкнот, ставили все больше препятствий и затруднений и, наконец, совершенно прекратили размен. Людей, настаивавших на своем праве получить золото, убеждали не делать этого; им доказывали, что это непатриотично. Если агитация не помогала, настойчивому клиенту предлагали притти «завтра», и он вскоре убеждался в бесплодности своих требований.

Изъятие золота из обращения

Прекращение размена банкнот на золото было нетрудно провести, хотя необходимо отметить, что нигде эта мера не была проведена своевременно, вследствие чего эмиссионные банки потеряли много золота в дни предвоенной паники. Но одного прекращения размена было мало. Для увеличения своих ресурсов воюющие государства должны были выкачать золото, осевшее в руках населения. Сделать это было не так легко, так как уже один факт прекращения размена заставил население настроиться и припрятать имеющееся у него золото.

Из воюющих стран больше всего золота имели в обращении Франция и Германия (по «Statistisches Jahrbuch» соответственно 723,6 и 655,1 млн. стар. долл.). В обеих этих странах среди населения велась усиленная агитация за сдачу золота государству. Для мобилизации золота в важнейших пунктах устраивались общественные комитеты. К этому делу привлекли церковь и школу. Учителя агитировали детей, а те — родителей. Лицам, сдававшим золото, выдавались почетные дипломы. Некоторые германские банки устраивали своего рода лотереи, назначая премии за каждую тысячную золотую марку. В Германии не ограничились мобилизацией золотой монеты, а стали отбирать у населения и золотые вещи, причем вещи похуже шли в лом, а получше — отправлялись для продажи в нейтральные страны. Менее энергично проводила изъятие золота из обращения Англия, имевшая на это свои причины, о которых ниже.

В Италии банки открывали специальные золотые депозиты. Вкладчикам золотых монет давали обещание вернуть им деньги обратно золотом после окончания войны.

Более вяло проходила мобилизация золота в России. Причиной этому было как сравнительно небольшое количество золота в обращении (меньше 500 млн. руб.) в России, так и просто нераспорядительность царского правительства. Здесь ограничились наиболее легким способом изъятия золота из обращения, а именно скупкой золотой монеты у населения через посредство банковской сети по повышенным ценам.

Роль золотодобычи Южной Африки и других доминионов и колоний Англии По количеству золота, централизованного в эмиссионном банке, Англия занимала предпоследнее место среди крупных участников войны. Позади ее стояла только Япония (первое место в Европе в этом отношении принадлежало России). По количеству всего монетарного золота, включая и золото в обращении, Англия стояла на пятом месте в мире — после США, Франции, России и Германии. Но у Англии было то огромное преимущество, что в ее владениях находились важнейшие места мировой золотодобычи — Южная Африка, Австралия, Канада, Индия. Мировым рынком золота был Лондон. Основная часть вновь добываемого в мире золота притекала в Лондон и там «продавалась», т. е. обменивалась на банкноты, депозиты или банковые депозиты.

Маркс показал, что золотой и серебряный поток «движется в двояком направлении. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку... Но, с другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обращения различных наций...»⁹. Указанное Марксом первое направление золотого и серебряного потока уже давно шло в основном через Англию. Из Южной Африки, из Австралии, из ряда английских колоний золотые ручейки текли в Лондон и оттуда разливались по всему миру. Когда наступила мировая война, Англия запрудила золотой поток, протекавший через ее столицу, и заставила его вращать колеса ее военной мельницы. В течение всех 4½ лет войны золото, добывавшееся в британских владениях, в первую очередь золото Южно-Африканского Союза, поступало в распоряжение английского правительства, оплачиваясь обесценившейся бумажной валютой по старой стандартной «цене».

Так как перевозка золота морем была сопряжена с самого начала войны с большими опасностями из-за подводных лодок, мин и т. д., Англия прекратила фактический ввоз золота из своих владений в метрополию. Желтый металл скоплялся в местах добычи и направлялся туда, где должны были производиться платежи. Так возникли английские военные золотые депозиты в Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии, Индии. Главное заграничное золотое депо Англия устроила в Канаде по причине близости последней к главному поставщику союзников — Соединенным Штатам Америки.

II. Роль золота в первой империалистической войне

Общие замечания Несмотря на огромное увеличение добычи благородных металлов при капитализме, их, как известно, далеко не хватало бы для выполнения всех функций денег, если бы на их основе не возникла «надстройка» различных заместителей денег.

В стране с классическим золотым и банкнотным обращением, скажем — в той же довоенной Англии, непосредственной денежной над-

⁹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 91—92.

стройкой над золотом являлись банкноты, а надстройкой второго порядка — над всем наличным обращением, включающим и золото и банкноты,— система безналичных расчетов. На мировом рынке надстройкой над благородными металлами как мировыми деньгами является международное обращение векселей и те же безналичные расчеты, благодаря чему здесь преобладает функция благородных металлов как «...средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам...» (Маркс).

Было бы неверно думать, что война полностью разрушила на мировом рынке те денежно-кредитные надстройки, которые капитализм создал над золотом, и что воюющим странам приходилось сальдировать металл весь дефицит своего платежного баланса.

Крупные европейские участники войны, за исключением России и Австро-Венгрии, имели, как известно, и до войны пассивный торговый баланс. Война чрезвычайно усилила пассивность их торгового баланса и в то же время уничтожила большую часть тех поступлений, которые в мирное время покрывали — а у Англии, Франции и Германии значительно перекрывали — дефицит торгового баланса. Достаточно сказать, что за 4½ года войны официальный дефицит внешней торговли Англии превышал 2 млрд. ф. ст. золотом. Подчеркиваем, что речь идет об официальном дефиците, который получается в результате учета официально публиковавшегося импорта. Но кроме этого огромное количество товаров, главным образом предметов военного снаряжения, получалось непосредственно в адрес правительства, минуя официальную регистрацию. По оценке «Banker's Magazine», неофициальный импорт составлял примерно 50% официального.

Дефицит внешней торговли Франции за те же годы превышает 55 млрд. фр.¹⁰ Дефицит Германии — 11 млрд. золотых марок¹¹. Только официально опубликованный дефицит этих трех воюющих стран превышает стоимость 34,5 тыс. т золота. Это примерно в 1½ раза больше всего количества золота, которое было в распоряжении человечества в 1920 г., включая сюда наряду с монетарным запасом золота в украшениях, в посуде и т. д.

Англия, Франция, Россия, Италия, Германия и Австрия, вместе взятые, могли вывезти в США, Японию и все нейтральные страны (следовательно, не считая внутригрупповых перевозок) не больше 2 500—3 000 млн. долл., или 3 700—4 500 т золота¹². В этом можно убедиться, сопоставив общее количество золота, бывшего у перечисленных стран к началу войны, изъятого из обращения во время войны и вновь добытого в годы войны (за вычетом металла, употребленного для индустриальных целей), с количеством золота, оставшегося у этих стран к концу 1918 г.

С другой стороны, перечисленные страны сохранили к концу военных действий больше половины золотых ресурсов, бывших у них к моменту войны и изъятых из обращения, а потерпевшая поражение Германия после отдачи бельгийского и советского золота все же сохранила около 64% своего довоенного золотого запаса.

Не следует, конечно, забывать, что определенная часть дефицита

¹⁰ Cp. De camps, Les changes étrangers, éd. 2, 1922.

¹¹ «Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkungen des Weltkrieges», Berlin, 1923, S. 22. (Цит. по K. Elster, Von der Mark zur Reichsmark, S. 79); см. также Helferich, Der Weltkrieg.

¹² По таможенным данным, указанные воюющие страны ввезли за время войны сравнительно весьма небольшое количество золота, в счет которого несомненно вошли и внутригрупповые перевозки. Отбросив эту статью, мы не рискуем правдивостью анализа.

торгового баланса покрывалась и в годы войны хотя и очень урезанными, но все же не достигшими нуля доходными статьями по так называемому невидимому ввозу и вывозу капиталов, статьями, по которым за военные годы нет статистических данных. Но все же ясно, что если бы мы к вывозу золота прибавили эти статьи, мы все-таки сбалансировали бы только весьма небольшую часть указанных выше дефицитов торгового баланса.

Впрочем достаточно известно, что воюющие страны, за исключением США и лишь фиктивно участвующей в войне Японии, вышли из войны с огромной внешней задолженностью и резко сократившимися вложениями за границей. Стало быть, наряду с неторговыми поступлениями и вывозом золота для сбалансирования торгового дефицита было, с одной стороны, сброшено огромное количество иностранных фондов, а, с другой стороны, в очень широкой мере использован кредит. Наша задача здесь не в том, чтобы констатировать этот всем известный факт, а в том, чтобы показать, что золото для воюющих стран отнюдь не являлось рядовым средством балансирования дефицита торгового баланса наряду, скажем, с полученными доходами, кредитами и т. д. Мы должны показать, что роль золота была качественно иная; что оно, служа в одних случаях непосредственно для оплаты ввоза, в других случаях являлось орудием поддержания курса валюты, базой для получения кредитов, средством для облегчения и обеспечения выгодности сброски иностранных фондов — словом, оказывало такое действие, благодаря которому каждый доллар золотом давал возможность сбалансировать не один, а несколько долларов импорта. Необходимо показать, что удельный вес золота в финансировании войны был гораздо больше сравнительно скромной цифры, показывающей количество золота, которое могло быть вывезено воюющими государствами; что, стало быть, и здесь мы имеем дело со своего рода надстройкой, для которой золото служило базисом.

И только тогда, когда мы уясним себе эту «базисную», если можно так выразиться, роль золота в финансировании войны, мы сможем понять всю разницу между ролью золота в первой империалистической войне и его ролью в теперешней, второй империалистической войне, разницу, которая целиком обусловлена развитием и обострением общего кризиса капиталистической системы.

Золото и военные кредиты Огромные кредиты, полученные воюющими государствами в годы первой империалистической войны от нейтральных поставщиков, представляют собою на первый взгляд неразрешимую загадку.

При том росте цен, который в военные годы наблюдался не только в воюющих, но и в нейтральных странах, убыток кредитора от падения покупательной силы денег был очень велик. Цены, особенно в скандинавских странах, так круто шли вверх, что убыток этот не мог компенсироваться никакими рваческими ценами и начислением процентов по предоставленным кредитам.

Чем дольше тянулась война, тем яснее становилось, что она не может закончиться по образцу европейских войн эпохи домонополистического капитализма, когда побежденный платился частью своей территории и контрибуцией, но все же оставался на ногах и, зализывая свои раны, продолжал платить кредиторам. Империалистическая война стоила таких огромных материальных жертв, что неизбежная попытка заставить побежденную сторону заплатить за разбитые горшки должна была довести ее до полного банкротства. Между тем такая страна, как, например, Швейцария, продолжала во все

время войны кредитовать обе стороны — и союзников и центральные страны.

Загадка эта в основном имеет два объяснения. Первое — перелажаемость кредитов. В условиях господства финансового капитала вообще, и особенно в обстановке ажиотажа военных поставок, переброска кредитов с плеч на плечи производится достаточно легко.

В США, которые были основным поставщиком союзников, предпоследним звеном в этой цепи переброски кредитов было государство, а последним — рабочий класс и широкие массы трудящихся. До вступления в войну схема предоставления союзникам кредитов и их переброски была в США примерно такова. Краткосрочные кредиты американских поставщиков погашались союзниками путем выпуска — при посредстве финансовой группы, возглавляемой банкирским домом Дж. П. Моргана, — краткосрочных обязательств. Выпущенные союзниками краткосрочные обязательства затем погашались путем выпуска при посредстве той же финансовой группы более долгосрочных займов в пользу союзников.

Размещение той части иностранных облигаций, которая не осела непосредственно у банкиров, облегчалось высокими военными прибылями и низким уровнем процента, при котором довольно высокая процентировка облигаций союзников и скидка с номинала при подписке была весьма заманчива. Подписка на облигации требовала вложения только небольшой части покупной цены, так как на остальную часть можно было получить кредит либо тут же при подписке, либо позже — путем ломбардной операции. Для увеличения емкости денежного рынка на облигации применялись всякие искусственные меры и приводился в движение весь механизм массовых фондовых операций. Чтобы затем заставить государство взвалить на плечи народа долги союзников, финансовая олигархия, как известно, втянула США в войну.

После апреля 1917 г. государство взяло в свои руки дело «кредитования» союзников за счет рабочего класса и трудящихся, и в первую очередь — дело погашения задолженности союзников, созданной при содействии финансовых акул, наживших на этом сотни миллионов. Это было уже собственно не кредитование, а прямое безвозвратное финансирование, ибо, как известно и как легко было предвидеть и раньше, Германия не смогла оплатить огромную задолженность всех участников войны; не смогли в условиях общего кризиса капитализма уплатить эти долги и союзники.

В мелких нейтральных странах — в Скандинавии, Голландии и особенно в Швейцарии — к этому механизму переброски кредитов присоединялся другой рычаг, помогавший воюющим странам получать кредиты. Это — непосредственное давление и угрозы военного и экономического характера, применявшиеся как центральными державами, так и Антантой. Нейтральным странам угрожали прекращением ввоза жизненно необходимых им предметов импорта, в первую очередь угля и металла, если они не предоставят воюющим странам кредитов.

Узнав о кредитах, предоставленных одной стране, другая страна требовала таких же кредитов и для себя. Много ярких примеров такого метода получения кредитов воюющими странами можно найти в книге швейцарского экономиста Бланкара¹³.

Однако перелажаемости кредита и военного и экономического давления было бы недостаточно для получения кредита, если бы воюющие страны не вывозили с этой целью золота. Как при кредитах,

¹³ D-r Ch. Blankart, Die Devisenpolitik während des Weltkrieges, Zürich, 1919.

предоставляемых нейтральными странами, так и при кредитовании Англией союзников, установилась практика, что в «обеспечение» кредита страна, получающая его, должна была вывезти золото в количестве, которое колебалось в пределах трети предоставляемых кредитов.

Само собой разумеется, что одна треть не может служить достаточным обеспечением для целого. Но если оставить в стороне Англию, о «золотой политике» которой у нас речь еще будет впереди, то кредиторы, требуя «третьего покрытия» предоставляемых кредитов золотом, исходили, конечно, в первую очередь из желания фактически уменьшить размеры действительно кредитруемой суммы. Но дело далеко не исчерпывается этим. Чтобы в кредитующей стране легко было разместить обязательства того или иного воюющего государства, необходимо было, чтобы денежный рынок кредитующей страны находился в возможно более благоприятном состоянии. Последнее достигалось ввозом золота, которое, в качестве базиса банковного обращения и безналичных расчетов¹⁴, облегчало там, куда оно ввозилось, напряжение денежного рынка¹⁵.

С другой стороны, частичное покрытие кредитов золотом необходимо для кредитующей страны, поскольку производимые ею поставки требуют в определенной своей части импорта, который в свою очередь обуславливает вывоз золота. Вот почему в годы первой империалистической войны установилась практика частичного «обеспечения» военных кредитов золотом. Таким образом золото сохранило свое значение базиса кредита, свою способность доставлять каждому своим долларом на несколько долларов товара.

«Banker's Magazine» сообщает: «Прибытие 8 млн. ф. ст. из России облегчило положение на денежном рынке, снизив дисконтную ставку до 3⁹/₁₀» (январь 1915 г.); «Золото и деньги являются контрабандой не в силу своей внутренней ценности, а в силу того кредита, который они создают» (апрель 1916 г.); «Мы уже замечаем тенденцию со стороны американской критики требовать, чтобы из Европы было прислано больше золота, пропорционально предоставленным кредитам. Но, как уже было констатировано многими, количество золота, посланного союзниками в США в течение первых двух лет войны, было так велико, что золотая база была расширена больше, чем в пропорции, нужной для новых кредитов» (июнь 1917 г.)¹⁶.

Проф. Декан, занимавший пост директора отдела экономических исследований во Французском банке и весьма осведомленный в вопросах военных кредитов, полученных союзниками в период первой империалистической войны, пишет: «Звонкая монета тоже сыграла роль, и даже весьма значительную, в ликвидации пассивного сальдо баланса Франции... Однако эту роль звонкая монета сыграла не столько в качестве непосредственного орудия платежа, сколько в качестве средства улучшения состояния денежного рынка там, где мы должны были получать кредиты»¹⁷.

Констатируя это обстоятельство, Декан сокрушается по поводу того, что улучшением состояния денежного рынка, достигнутым

¹⁴ В США зависимость возможностей безналичного кредитования от банковских резервов установлена законом. В других странах эта зависимость определяется фактической необходимостью запаса наличности, на котором мог бы базироваться жирооборот, прорывающийся то здесь то там требованием наличных денег, чаще всего для выдачи зарплаты.

¹⁵ О действии ввоза золота на денежный рынок см. Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. III, стр. 500—501.

¹⁶ Стр. 107, 601, 788—789.

¹⁷ De camps, Les changes étrangers, éd. 2, 1922, p. 306.

благодаря золоту союзников, могли воспользоваться для получения кредитов и центральные державы.

Золото и реализация иностранных фондов

Огромную роль в финансировании войны сыграли принадлежавшие воюющим странам иностранные фонды. Лучшее в этом отношении было положение Англии, имевшей колоссальные вложения, оцениваемые в $3\frac{1}{2}$ —4 млрд. ф. ст., во всех частях света, в том числе в США.

Гораздо слабее была позиция Франции. Ее вложения в США были сравнительно невелики. Крупные должники Франции, Австрия и Турция, перестали платить как военные противники, а Россия как союзница требовала новых кредитов¹⁸. Поступлению платежей от нейтральных стран мешали моратории. А факт прекращения поступления доходов по фондам, разумеется, чрезвычайно снижал цену, которую можно было выручить при сброске фондов. Тем не менее и Франции продажа и залог иностранных фондов доставили немало валюты для оплаты военного импорта¹⁹. В результате выкупа находившихся в руках европейцев американских фондов США за годы войны ликвидировали в основном свою иностранную задолженность и, как известно, превратились из должника Европы в ее кредитора.

По данным Декана, общая сумма фондов США, вернувшихся на родину в годы войны, достигает, по номиналу, 2,5 млрд. долл., из которых 1,5 млрд. приходится на железнодорожные фонды²⁰.

Во второй половине 1915 г., когда курс фунта в США, вследствие огромных закупок, производившихся здесь Англией, стал быстро падать, английские власти начали усиленно мобилизовать иностранные фонды, имевшиеся в стране. Владельцам иностранных фондов предлагалось на выбор продать свои фонды государству или дать их заимообразно. Мобилизация иностранных фондов проводилась и в других воюющих странах. Огромная работа в этом направлении была проделана в Германии, выручившей за иностранные ценные бумаги 3 млрд. марок.

Иностранные фонды использовались двояко: либо для реализации их за границей и превращения в валюту, либо как залог для обеспечения кредитов. Но и в том и в другом случае фактическая выручка от операций с фондами зависела от положения на бирже, от состояния курсов ценных бумаг. Курсы последних, как известно, находятся в зависимости от уровня процента. Вот почему воюющие страны, вывозившие ценные бумаги, были заинтересованы в том, чтобы в той стране, куда бумаги вывозились, не было напряжения на денежном рынке. Ввоз золота, содействуя понижению процентной ставки и поднимая этим курсы фондов, увеличивал выручки от продажи и от золотых фондов.

Вывоз золота, таким образом, подготавливал выгодную реализацию как выпускаемых за границей обязательств воюющих стран, так и продаваемых (или закладываемых) ими иностранных фондов.

Золото и поддержка курса валюты

С ролью золота как базиса военных кредитов и оружия поддержания курса экспортируемых фондов неразрывно связана роль золота как оружия поддержки курса валюты воюющих стран. Последние были очень заинтересованы в твердости курса их валюты на мировом рынке несмотря на то, что падение курса валюты той или иной страны со-

¹⁸ Хотя необходимо отметить, что кредиты, даваемые России, шли в первую очередь на платежи по старым долгам.

¹⁹ В частности были использованы размещенные во Франции облигации некоторых американских железных дорог, государственные облигации Японии и т. д.

²⁰ Desamps, Op. cit. p. 280.

действовало увеличению ее экспорта. Методы валютного демпинга, укоренившиеся в практике капиталистических стран в послевоенное время и ставшие одной из характерных черт эпохи общего кризиса капитализма, не получили тогда еще развития. Причиной было то, что основной задачей воюющих стран во время войны был импорт²¹, который еще в очень значительной степени, особенно в Германии, оплачивался в валюте импортирующей страны. Займы, выпускаемые на иностранных рынках, тоже выписывались частично в валюте кредитуемой страны. Но этого мало. Твердый курс валюты в те времена считался одним из признаков «респектабельности» страны, а следовательно и ее кредитоспособности. В частности, для Англии с вопросом об устойчивости курса валюты был связан вопрос о финансовом престиже Лондона и о сохранении за ним роли мирового платежного центра. Твердость курса валюты способствовала тезаврированию бумажных денег данной страны не только внутри ее, но и за границей. Тезаврирование же бумажной валюты иностранцами представляет собой самый выгодный, беспроцентный и — по мере теряемости и сгораемости бумажных денег — безвозвратный иностранный кредит. Ясно, что поддержке курса валюты воюющие страны уделяли много внимания.

Необходимо, однако, отметить, что только для более слабых в финансовом отношении участников войны, в частности для России, вопрос о курсе валюты должен был стать предметом забот с первых же дней войны. Что же касается Англии и Франции, то первые месяцы войны были для них месяцами сугубого валютного благополучия. Обе эти страны востребовали с начала войны свои краткосрочные авуары из США. Так как авуары США в Европе были заморожены мораториями, то американские фирмы, не желавшие, чтобы их официально признали неплатежеспособными, принуждены были либо послать в Европу золото, чтобы было сопряжено с огромным риском (страховые общества отказывались в начале войны от страхования каких бы то ни было пересылок золота), либо же добыть английскую или французскую валюту. Курс доллара и франка поднялся в США до небывалой высоты. Были дни, когда за 1 ф. ст. платили в США 7 долл. вместо 4,86. В Нью-Йорке был создан специальный Gold pool, производивший платежи Англии и Франции путем пересылки золота в Оттаву в депозит Англии.

Краткосрочные авуары Англии и Франции в США иссякали по мере того, как росли поставки последних союзникам²², валютное благополучие союзников приходило к концу. Курс франка пошатнулся в начале 1915 г., когда курс фунта еще был сравнительно крепок. Тут сказалось как то обстоятельство, что у Франции было меньше авуаров в США, чем у Англии, так и то, что противник оккупировал наиболее богатые промышленные районы Франции и огромная часть трудоспособного населения страны была мобилизована на фронт.

Во второй половине 1915 г. стал усиленно обесцениваться и фунт, несмотря на то, что с начала 1915 г. по июнь из Оттавы в США было переведено 16,5 млн. ф. ст. золотом. К 1 октября 1915 г. курс фунта в Нью-Йорке снизился до 4,50 долл. Опеку над курсом фунта принял на себя Дж. П. Морган, при содействии которого Англия, как извест-

²¹ Хотя импорт и во время войны еще в весьма значительной степени оплачивался экспортом. Так, Англия и Германия покрыли со второй половины 1914 г. до конца 1918 г. экспортом около 50% всего официального импорта, Франция — 27,53%, Россия — 38,59%. Во многих случаях товар экспортировался с убытком, для того чтобы исключить для противника возможность экспорта в данную страну. В других случаях, наоборот, воздерживались от экспорта, предпочитая платить за товар золотом, чтобы предотвратить реэкспорт в пользу противника.

²² В первое время США снабжали и Германию.

но, размещала в США займы и который нажил на этих делах огромные суммы. В начале 1916 г. фунт застabilизовался в США на курсе 4,765 долл. Благодаря комбинированному ввозу золота и обязательств казначейства улучшился курс фунта и в Амстердаме. Англия в свою очередь помогла Франции укрепить на важнейших биржах курс франка, хотя, как правило, последний держался в процентах к паритету ниже курса фунта.

Что касается рубля, то его курс начал падать вскоре после начала войны. России, несмотря на наличие у нее к началу войны значительных сумм золота за границей, пришлось, как известно, уже в октябре 1914 г. отправить в Лондон транспорт золота в 75 млн. руб. (8 млн. ф. ст.) для получения средств платежа на 20 млн. ф. ст. Несмотря на такой ранний вывоз золота, курс рубля упал к 9 декабря 1914 г. до 117—120 руб. за 10 ф. ст. вместо 94,57 по паритету.

В дальнейшем курс рубля, несмотря на известную поддержку союзников, продолжал понижаться, и уже в январе 1917 г. снизился до 57,2% паритета, в то время как благодаря деятельной интервенции, в которой немалую роль играл вывоз золота, фунт сохранил до конца войны на Нью-Йоркской бирже 97,92%, а франк — 94,7% паритета²³. Помимо финансовой слабости России и отсутствия у нее более или менее значительных иностранных вложений, тут сказывалось стремление союзников держать Россию в возможно большей финансовой зависимости. Поэтому поддержка курса рубля, несмотря на усиленное выкачивание золота из России, осуществлялась «постольку поскольку». Значительную часть валюты, которую Россия получила под вывозимое ею золото, ей приходилось тратить на платежи союзникам по старым долгам.

Следующий документ, относящийся к первым месяцам войны, очень характерен для тех тяжелых условий, на которых Англия с самого начала предоставляла России кредиты во время войны. «В виду имевшей место несколько месяцев тому назад доставки 8 млн. ф. ст. золотом из России, правительство его величества вошло в соглашение с русским правительством о том, чтобы Английский банк, под гарантией правительства его величества, дисконтировал русские обязательства казначейства еще на 12 000 000 ф. ст.. Таким образом, русское правительство получает в Англии фонды всего на сумму 20 млн. ф. ст., из коих 8 млн. должны быть употреблены русским правительством для того, чтобы обеспечить валюту для англо-русской торговли. Эта валюта должна служить как для новых трансакций, так и для погашения существующей задолженности. Остальные 12 млн. должны быть употреблены для оплаты купонов русского военного долга и процентов по другим военным обязательствам русского правительства, подлежащим уплате в Соединенном королевстве. Для финансовых целей вне Соединенного королевства указанные средства могут быть употреблены только по консультации с правительством его величества в тех случаях, когда британский рынок не может доставить требуемых товаров, вследствие чего заказы должны быть переданы в Соединенные Штаты или Канаду»²⁴.

Эти кабальные условия отнюдь не оставались секретными. Они были немедленно опубликованы для всеобщего сведения.

Помимо того, что Россия не имела права свободно распоряжаться получаемыми ею кредитами, с нее драли ростовщические проценты.

²³ На биржах нейтральных стран курс фунта и франка был значительно ниже.

²⁴ «Banker's Magazine», 1915, 1, p. 127 (курсив наш. — Ф. М.).

Для примера укажем на кредит в 5 млн. долл., полученный Россией в октябре 1915 г. сроком на 18 месяцев. Он был дан из 9% годовых, помимо комиссионных и других вычетов, между тем как англо-французский заем в 500 млн. долл., заключенный в Нью-Йорке в тот же самый период, был заключен из 5% годовых по курсу 98 за 100.

Необходимо отметить, что после вступления США в войну и для них возникли трудности в поддержке курса валюты. На женеvской бирже во все время участия США в войне курс доллара был значительно ниже паритета. Весною 1918 г. падение курса доллара на женеvской бирже превысило 20%. Для защиты своего золотого запаса США принуждены были наложить на золото эмбарго, которое было в силе с 10 сентября 1917 до 18 ноября 1918 г.

Германия для поддержания курса марки учредила в ряде нейтральных стран специальные *Devisenstellen*, которые должны были путем размещения германских облигаций — а где необходимо, путем непосредственной интервенции — поддерживать курс марки. Германия сумела получить в близлежащих и находившихся не особенно далеко от линии огня нейтральных странах обширные кредиты, значительная часть которых была выписана в марках. Германская марка была предметом интенсивной спекуляции на биржах нейтральных стран, причем каждая одержанная Германией победа и каждый слух о близости мира вызывали повышение курса марки. Наконец, как мы уже знаем, Германия сохранила высокий процент покрытия импорта экспортом²⁵. Таковы были основные факторы, благодаря которым курс марки в течение войны понижался достаточно плавно, сохранив еще в октябре 1918 г. свыше 60% паритета на цюрихской бирже. Но все эти факторы не были бы достаточно эффективны, если бы за ними не стояли большие запасы золота, дававшие Германии возможность в необходимом момент поддерживать курс валюты при помощи желтого металла. Характерно, что Германия прибегала к интервенции для поддержания курса марки не только тогда, когда обстоятельства складывались неблагоприятно для германской валюты, но иногда и для того, чтобы усилить влияние благоприятных факторов. Так, в конце 1917 и начале 1918 г., когда курс марки поднялся в связи с поражением итальянцев при Капоретто и с Брестским миром, Германия не ослабила, а усилила интервенцию на швейцарских биржах, благодаря чему курс марки тогда достиг без малого 80% паритета. Необходимо учитывать, что на курс валюты имел влияние не только фактический вывоз золота. Уже одна возможность такого вывоза благодаря наличию больших запасов золота укрепляла кредит Германии и сдерживала спекулянтов, игравших на понижение курса марки.

Таким образом, одной из форм действия золота как базиса международного кредита во время войны было влияние на курсы валют, которое оно оказывало не только при фактическом вывозе, но и одной возможностью вывоза.

Из сказанного выше вовсе не следует, что золото, вывозимое воюющими странами, не выступало в целом ряде случаев непосредственно как покупательное средство или как платежное средство по старым кредитам. Но и в этих случаях оно, благодаря своему действию на

²⁵ Германия в своем экспорте практиковала широкую дифференциацию цен. Там, где речь шла о вытеснении английского экспорта, товары продавались по очень низким ценам. Там же, где Германия не имела конкурентов, она назначала на экспортируемые ею товары очень высокие цены. Так, например, в октябре 1918 г., при цене внутри Германии на сортовое железо в 200 марок за тонну, Швейцария платила за импортируемое из Германии сортовое железо по 750 фр. за тонну (*Blatt, Op. cit.*, p. 230).

денежный рынок, облегчало как продажу иностранных фондов, так и получение кредитов.

Именно этой многосторонностью влияния золота в финансировании первой империалистической войны и тем обстоятельством, что в деле получения кредита и поддержания курса валюты золото помогало не только своим фактическим движением, но отчасти уже самым фактом своего наличия, и объясняется, почему воюющим странам удалось сохранить к концу военных действий такую значительную часть своих золотых запасов.

Борьба за золото между союзниками Но для воюющих держав значение золота не исчерпывалось этими моментами. Еще задолго до начала войны в лагере союзников намечалась линия некоторого «разделения труда». Англия надеялась, что ее роль будет в основном сводиться к финансированию войны и то, что она недодаст по части «пушечного мяса», будет компенсировано Россией. Англия все время стремилась сосредоточить в своих руках как можно большую финансовую силу за счет союзников. Франция, оказывая сопротивление финансовому нажиму Англии, вместе с нею производила нажим на Россию.

Борьба за финансовый удельный вес в лагере союзников не могла не выразиться в борьбе за золото. Англия и Франция нажимали на Россию, чтобы она в обеспечение даваемых ей кредитов перебросила к ним как можно больше золота. При встрече министров финансов России, Англии и Франции в Париже в сентябре 1915 г. последние двое взяли в работу русского министра на предмет выкачивания максимального количества золота из России²⁶. Напрасно Барк ссылался на сопротивление Государственной думы, на то, что общественное мнение России против отправки золота за границу, наконец — на необходимость золота для покрытия возросшей эмиссии. Мак-Кэнна был непреклонен. Чтобы помочь царскому правительству вести в заблуждение общественное мнение России, Англия согласилась выдать последней взамен ее золота беспроцентные обязательства английского казначейства сроком от 3 до 5 лет, подлежащие погашению в золоте. Эти-то фиктивные обязательства стали, как известно, фигурировать в счете покрытия кредитных билетов как «золото за границей». В дальнейшем эта сумма была увеличена еще на 973 млн. долл. на основании совершенно фиктивных кредитов, которыми исключительно для целей очковтирательства обменялись Россия и Англия. Всего такого фиктивного «золота за границей» числилось на 8 октября 1917 г. 2 309 млн. руб.

Для усиления своей гегемонии над союзниками Англия в августе 1916 г. провела в Калэ соглашение, на основе которого союзники должны были создать в Лондоне общими усилиями огромный золотой резерв (Gold pool). В результате этого соглашения статья «золото за границей» стала быстро расти и в балансе Французского банка, достигнув к концу 1917 г. суммы 2 037 млн. фр. Всего было вывезено в Англию (в млн. стар. долл.)²⁷:

Из Франции	544,	в том числе «заимообразно»	374
Из России	331	» » »	292
Из Италии	108	» » »	108

Итого . . . 983

В конечном счете, золото, стекавшееся многими потоками в Лондон, уходило оттуда одним мощным потоком в США. Англия уже и в первой империалистической войне служила коллектором для золо-

²⁶ Сп. Фиск, Финансовое положение Европы и Америки после войны, М., 1926, стр. 159.

²⁷ Сп. Г. Маултон, Военные долги, М. 1933, стр. 33.

та, уходящего из Европы в Америку. Это, конечно, не значит, что Англия ничего не выиграла от своей политики выкачивания золота из России, Франции и Италии. Уже один тот факт, что Англия концентрировала у себя как золото союзников, так и кредиты, которые они получали от США, имел большое значение для Англии, ибо факт этот означал в то же время сосредоточение в Лондоне огромной массы международных расчетов. Благодаря этому роль Лондона как мирового расчетного центра и, тем самым, роль фунта как мировой валюты была в значительной степени сохранена в годы войны. Но, как мы увидим в следующей главе, выгода, которую Англия извлекла из своей политики выкачивания золота из своих союзников, этим далеко не исчерпывается.

Некоторые из нейтральных стран, в первую очередь скандинавские, в числе мер для предотвращения угрозы острого товарного голода применяли меры, затруднявшие прилив золота в страну. Так, в Швеции, которая в начале войны не только запретила экспорт золота за границу, но приостановила обмен банкнот на золото, Риксбанк восстановил в феврале 1916 г. обмен банкнот на золото и применил обратную меру, приостановив обмен золота на банкноты по паритету.

Не следует, однако, думать, что эта мера имела характер категорического запрещения приема золота. «Шведский банк не отказывается принципиально от покупки предлагаемого золота, но он объявляет, что будет платить за золото шведскими банкнотами не по полной стоимости, а на несколько процентов меньше»²⁸.

В первое время после того, как это мероприятие было проведено, шведы отказывались продавать товар за золото, требуя платежей в шведской валюте, что было равносильно требованию импорта взамен экспорта. Так, известная золоторговая фирма Samuel Montague et Co сообщает в своем циркуляре от 1 июля 1916 г., что покупка леса Голландией в Швеции не могла состояться потому, что там отказались получать за продаваемый товар золото. Нидерландский банк в своем отчете за 1916/17 г. жалуется, что Голландия хотела погасить золотом свою задолженность скандинавским странам и Испании, но последние ставили этому препятствия. В дальнейшем шведы переложили гнев на милость и свободно брали в оплату за свои товары до 50% золота, но принимали его со скидкой, доходившей до 5%. «Цена» в банкнотах, которую Риксбанк платил за золото, менялась, оставаясь все время ниже золотого паритета.

Примеру Швеции последовали в апреле 1916 г. Дания и Норвегия. Испания в 1916—1918 гг. снизила «покупную цену» золота, платя за английский соверен 24,75 пезет вместо 25,22 по паритету; за североамериканские доллары платили 4,85 пезет (вычет около 6,5%). Так как французское золото принималось в Испании по паритету, то Англия, раньше чем посылать золото в Испанию, обменивала его на французские 20-франковики. В Колумбии американские золотые монеты принимались по паритету, а английские — со скидкой в 1,5%²⁹.

* * *

Эти и подобные факты окрылили «количественников» во главе с проф. Касселем, резиденции которого — Стокгольму — принадлежа-

²⁸ «Die Bank», 1916, März, S. 187.

²⁹ Report of the Director of the Mint, U. S. A., 1919, p. 185.

ла, в известной степени не без участия почтенного профессора³⁰, ведущая роль в отношении «антизолотых» мероприятий. В них, как и в росте цен в нейтральных странах, «количественникам» хотелось видеть следствие «золотой инфляции».

Здесь не место для разбора и опровержения всех нелепостей, которые были написаны по вопросу о «золотой инфляции» периода первой империалистической войны. Мы поэтому ограничимся только следующими замечаниями.

В годы войны на ценообразование оказывали комбинированное влияние три процесса.

1. Рост стоимости товаров. Вследствие мобилизации на фронт наиболее дееспособных элементов населения в производство были вовлечены слабосильные и малоквалифицированные рабочие. С другой стороны, из-за недостатка технического оснащения в производстве стали применяться в массовом порядке устаревшие, а то и совершенно «суррогатные» орудия и методы производства. Так, для выделки солдатского сукна были использованы отжившие свой век станки устарелых систем — до ручных включительно. В деревне стали пахать на коровах. Массовое снижение эффективности рабочей силы и орудий труда означало временное повышение среднего общественно-необходимого труда, ошестивленного в товарах и, следовательно, стоимости товаров.

2. Отклонение золотых цен вверх от стоимости вследствие отставания предложения от спроса. Война вызывает огромное повышение спроса на товары и в то же время в ряде важнейших отраслей — уменьшение их предложения. В остальных отраслях предложение повышается, но в мере, далеко не удовлетворяющей спрос. Такое соотношение спроса и предложения, как известно, вызывает рост цен выше стоимости. В тех случаях, когда товары оплачиваются золотом, обмен совершается не эквивалентно. Больше количество труда, воплощенного в золоте, обменивается на меньшее количество труда, воплощенного в товарах.

3. Инфляция. Вследствие превращения банкнот в бумажные деньги и огромного выпуска последних количество бумажных единиц, являющихся заместителями золотой единицы, сильно возросло. Это вызвало инфляционный рост цен.

Смешивать первые два процесса с третьим лишь потому, что они выступают во взаимосочетании, могут только такие «теоретики», которые, по выражению Маркса, пускают в процесс обращения «...товары без цены, а золото и серебро без стоимости»³¹.

Смешивать рост золотых цен с инфляцией только потому, что и то и другое означает рост цен, все равно, что смешивать отравление газами с бронхитом только потому, что больной и в том и другом случае кашляет.

Рост золотых цен, благодаря росту стоимости товаров, не нарушает эквивалентности обмена денег на товары. Рост золотых цен выше стоимости означает рост неэквивалентности обмена денег на товары.

Инфляция же означает номинальный рост количества по существу безэквивалентных заместителей золотой единицы, при помощи которых буржуазное государство изымает из обращения товары, взваливая тяжесть финансирования войны на рабочих.

Рост золотых цен выше стоимости имеет определенную границу. История знает примеры длительного роста золотых цен — во всяком случае не больше, как с однозначным коэффициентом (во время империалистической войны в некоторых нейтральных странах в 3—4 раза).

³⁰ Ср. Hefnerich, *Das Geld*, S. 202.

³¹ Маркс и Энгельс, *Соч.*, т. XII, ч. 1, стр. 147.

Инфляционный рост цен не имеет границ. История первой империалистической войны и послевоенных годов знает примеры инфляционного роста цен в миллиарды раз (Германия).

Рост золотых цен выше стоимости — процесс «обратимый». Спустя известное время после той общественной бури, которая вызвала резкое расхождение спроса и предложения, отклонение цен от стоимостей входит в «норму».

Инфляционный рост цен — процесс «необратимый». Начальные стадии этого процесса, когда обесценение денег исчисляется единицами или небольшими десятками процентов, еще могут быть ликвидированы путем дефляционной стабилизации (Англия в 1925 г.) или благодаря усилению процесса расширенного воспроизводства. Но для того чтобы ликвидировать инфляцию, вышедшую из ранней стадии, необходимо хирургическое вмешательство в виде девальвации, деноминации или даже «нулификации» бумажных денег.

Ясно, что рост золотых цен во время войны ни в какой мере не дает оснований для разговоров о «золотой инфляции». Что же касается «антизолотых» мер Швеции и других стран, последовавших ее примеру, то это были специальные валютные мероприятия, вызванные условиями войны. Бурный спрос воюющих стран грозил небольшим нейтральным странам острейшим недостатком товаров для внутреннего потребления. В обычное время экспорт товаров, необходимых для страны, тормозится либо прямыми запрещениями (так, в России в голодный 1891 год был запрещен вывоз хлеба) либо запретительными пошлинами. Нейтральные страны не могли прибегнуть к таким мерам, ибо, во-первых, буржуазия этих стран вовсе не склонна была отказаться от военных прибылей, а, во-вторых, злоупотребление этими мерами несомненно вызвало бы военные или, в лучшем случае, экономические контрмеры, которые ударили бы по необходимому для нейтральных стран импорту. Вместо затруднений по вывозу товаров и наряду с ними создавались затруднения по ввозу золота или, точнее, меры по поднятию курса валюты выше золотого паритета. Это был, так сказать, валютный демпинг наизнанку. Валютный демпинг стимулирует экспорт методом удешевления валюты. «Антизолотые меры» регулировали экспорт путем поднятия курса валюты и в то же время повышали прибыльность экспорта.

III. Концентрация золота к концу первой империалистической войны

К концу 1913 г. в 50 странах, охваченных данными «Federal Reserve Bulletin», было централизованного золота на 4 857 млн. стар. долл., а в обращении, по данным «Statistisches Jahrbuch», — 4 032,8 млн. стар. долл., итого — 8 889,8 млн. стар. долл. К концу же 1918 г. в тех же странах³² числилось централизованного золота 6 807,7 млн. стар. долл., а в руках населения, по имеющимся оценкам, оставалось золота на сумму порядка 2 млрд. стар. долл. Таким образом, несмотря на то, что в годы войны было вновь добыто без малого 3 тыс. т золота, большая часть которого несомненно была употреблена для монетарных целей, и что немало золота в изделиях было превращено в монетарное золото, общее количество учтенного мирового монетарного золота сравнительно мало увеличилось³³. Нужно полагать, что помимо ошибочности имеющихся оценок по количеству золота у населения до и после войны и помимо потерь золота, специально

³² Уже без РСФСР.

³³ В обыкновенное время значительное количество золота уходит ежегодно в Индию, где оно тазаврируется. В годы войны в Индию ушло сравнительно мало золота (около 150 млн. стар. долл.).

связанных с обстоятельствами военного времени, дело не обошлось без создания теми или иными государствами секретных золотых фондов.

Это «скрытие золота» империалистической войною, напоминающее скрытие теплоты тающим льдом или испаряющейся жидкостью, в значительной степени затемняет картину перераспределения золотых запасов, которое было следствием войны. Но и по имеющимся цифрам достаточно ясно видно, что процесс концентрации золота был сильно продвинут вперед первой империалистической войной.

К концу 1918 г. список стран, владевших наибольшим количеством монетарного золота, был в нисходящем порядке таков (в млн. стар. долл.) (см. табл. 4).

Таблица 4

Страны	1 Централизованное	2 У населения	3 Итого	4 Было к началу войны	Отношение 3 : 4
США	2 657,9	502,1	3 160,0	1 890,7	167,1
Франция	664,0	—	—	—	—
Англия	520,9 ³⁵	—	—	—	—
Германия	538,8	100 ³⁶	638,8	995,7	64,1
РСФСР ³⁴	664,8	? ³⁷	664,8+?	1 122,9	59,1+?
Испания	429,5	? ³⁷	429,5+?	92,4	465,0+?
Япония	225,6	23,4	249,0	128,2	194,2
Аргентина	304,4	—	304,4	256,1	118,8
Голландия	277,1	? ³⁷	277 +?	60,9	454,8+?
Италия	203,4	0,5 ³⁶	203,9	333,9	61,1
Канада	129,7	? ³⁷	129,7+?	116,6	111,2+?
Швейцария	80,0	? ³⁷	80,0+?	32,8	243,9+?
Швеция	76,5	? ³⁷	76,5+?	27,4	279,1+?
Индия	64,2	—	64,2	123,9	51,8
Австро-Венгрия	53,0	? ³⁷	53,0+?	251,4	21,1+?
Дания	52,1	—	52,1	19,7	264,5
Бельгия	51,1	? ³⁷	51,1+?	48,0	106,5+?
Уругвай	46,7	—	46,7	10,8	432,4
Норвегия	32,7	—	32,7	11,8	277,1

Здесь мы прежде всего видим, что концентрация золота в США, начавшаяся еще в 90-х годах XIX в.—в период становления империализма, сделала за время войны большой скачок.

С начала 80-х годов до 1896 г. количество монетарного золота в США колебалось вокруг 500—600 млн. долл. Рост начинается с 1896 г. Цифру 1 млрд. долл. монетарное золото США перешагнуло в 1900 г. на пороге XX в. Ко времени войны сумма монетарного золота в США приближается к 2 млрд., а к концу 1918 г. превышает 3 млрд., причем в течение 1918 г., вследствие вступления США в войну, она оставалась почти стабильной.

Известное количество золота осело во время войны в нейтральных странах, заработавших на военных поставках. Почти удвоила свой

³⁴ 1917 г.

³⁵ Без частных и акционерных банков, к концу 1918 г. сохранивших очень много золота. По вопросу о количестве золота у населения Англии и Франции к концу 1918 г. имеющиеся в разных источниках данные очень противоречивы и в журнальной статье остановиться на их анализе нецелесообразно. Несомненно только одно, что к концу войны в Англии было больше золота, чем к началу войны.

³⁶ Ср. «Ciguency after the war», изд. Секретариата Лиги наций.

³⁷ ? означает, что золото имеется у населения, но что нет более или менее обоснованных оценок его количества.

золотой запас Японии, участвовавшая в войне лишь номинально и крепко нажившаяся во время войны на перевозках и поставках. Особенно резко увеличили свой золотой запас Испания (более чем в 4^{1/2} раза) и Голландия (в 4^{1/2} раза, не считая золота у населения).

Это частичное распыление мирового запаса монетарного золота не меняет основной тенденции концентрации золота. В приведенной выше таблице фигурируют 19 государств, в которых к концу 1918 г. была сосредоточена основная масса монетарного золота мира. Из этих 19 государств последние 14, вместе взятые, имели на миллиард с лишком долларов меньше золота, чем одни США. Пять наиболее богатых золотом стран остались те же, что и до войны: США, Франция, Германия, Англия, РСФСР. Германия сохранила свое место в ряду наиболее богатых золотом стран, но весьма ненадолго, ибо уже в 1919 г. ей пришлось истратить около миллиарда марок — почти столько же, сколько за все время войны — для ввоза продовольствия и удовлетворения требований победителей.

В то время как все европейские участники войны потеряли золото, золотой запас Англии увеличился³⁸.

Мы уже знаем, что такой успех достигнут Англией не случайно. В годы войны она старалась выкачать как можно больше золота у союзников, в то время как у своего населения, и в особенности у частных и акционерных банков, золото извлекалось с гораздо меньшей настойчивостью; при этом совершенно не было затронуто золото в изделиях.

Но самую важную роль в деле сохранения и роста золотых запасов Англии во время войны сыграло золото, которое Англия получила по довоенной, следовательно, очень заниженной «цене» от своих доминионов и колоний, в первую очередь из Трансвааля. Последний в годы войны использовал уменьшение спроса на алмазы и тем самым на туземную рабочую силу, чтобы усилить эксплуатацию туземных рабочих на золотых рудниках, где и раньше каждый килограмм добытого золота уносил человеческую жизнь. В годы войны Трансвааль дал 1240 т золота, что равняется 826 млн. долл.

Авантюра Сесиля Родса и англобурская война таким образом сыграли свою роль в деле подготовки базиса для финансирования империалистической мировой войны 1914—1918 гг.

³⁸ Правда, за Англией числилось золота на 774 млн. долл., взятого у союзников «заимообразно». Но золото России в размере 292 млн. долл. не было возвращено совсем. Итальянское золото в размере 108 млн. долл. лежало в Англии без движения до 1926 г., после чего состоялось соглашение о возврате его Италии по мере уплаты ею военных долгов Англии полугодовыми взносами до ... 15 сентября 1987 г. (!). (Ср. Маултон, Военные долги, стр. 101). Французское золото в размере 374 млн. долл. тоже оставалось в распоряжении Англии еще целый ряд лет.

Л. МЕНДЕЛЬСОН

ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Предистория циклических кризисов

Первый циклический кризис общего перепроизводства разразился в 1825 г.¹ Ему предшествовала, однако, целая полоса экономического развития, в которой промышленные кризисы были уже неизбежным и сравнительно частым явлением, но не было еще условий для того, чтобы они приобрели характер регулярно повторяющихся, циклических кризисов общего перепроизводства; происходил исторический процесс вызревания этих условий.

В работах Маркса и Энгельса встречаются неоднократные упоминания о кризисах, происходивших до 1825 г. В статье «Экономический кризис в Европе» Маркс, перечисляя великие торговые кризисы первой половины XIX в., относит к ним и кризис 1817 г.² Энгельс в своих «Эльберфельдских речах» указывал: «Мы имели в Англии целый ряд таких торговых кризисов с начала этого столетия...»³. В статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс говорит о еще более раннем кризисе 1788 г., предшествовавшем революции 1789 г.⁴

Конечно, кризисы конца XVIII и начала XIX в. глубоко отличны от кризисов второй четверти XIX в. Но это лишь различие двух исторических ступеней одного и того же явления, одного и того же закона движения капитализма. Постепенно кризисы приобрели форму циклических кризисов общего перепроизводства. Этот процесс остался вне поля зрения буржуазных исследователей истории кризисов. Их решения проблемы подчас диаметрально противоположны. Одни не видят разницы между первыми капиталистическими кризисами и кризисами эпохи, когда уже полностью сложилась циклическость капиталистического воспроизводства: в известных трудах Митчелла и Торпа утверждается, например, что в Англии и США в конце XVIII в. происходило такое же чередование фаз цикла, как и в XX в.⁵ Другие не видят того, что и ранние кризисы были обусловлены теми же законами капитализма, что и кризисы последующих периодов. Отсюда попытка объяснить кризисы конца XVIII и начала XIX вв. чисто политическими причинами более или менее случайного порядка. Такова, например, позиция Туган-Барановского⁶. В обоих случаях налицо одна и та же коренная методологическая ошибка: природа кризисов трактуется метафизически, игнорируется процесс развития.

¹ См. Маркс, Письмо к Анненкову («...до 1825 г.—времени первого всеобщего кризиса...»); Энгельс, «Анти-Дюринг» и «Развитие социализма от утопии к науке» («... начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис...») (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 287 и т. XV, стр. 537). В современной марксистско-ленинской литературе термин «общий (всеобщий) кризис» употребляется в ином смысле и характеризует кризис капиталистической системы, а не степень общности перепроизводства, как у Маркса и Энгельса. Поэтому мы пользуемся термином «кризис общего перепроизводства».

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 53.

³ Там же, т. III, стр. 273 (Подчеркнуто мною. — Л. М.).

⁴ Там же, т. IX, стр. 317.

⁵ Thorp, Business Annals, New York, 1926.

⁶ Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, 1923, стр. 33.

Важнейшая теоретическая проблема, которая должна быть разрешена при изучении первых капиталистических кризисов, это вопрос о том, при каких исторических условиях создалась неизбежность кризисов перепроизводства и как они постепенно приобрели характер регулярно повторяющихся, циклических кризисов общего перепроизводства. Выяснение этого процесса чрезвычайно важно для понимания не только истории кризисов, но и их общих закономерностей и некоторых особенностей их проявления в капиталистически отсталых странах современной эпохи.

* * *

Обратимся к рассмотрению отдельных промышленных кризисов конца XVIII и начала XIX вв., чтобы, опираясь на факты и цифры, затем сделать общие выводы о характере этих кризисов, об их важнейших особенностях.

После 1783—1785 гг., когда Аркрайт потерял свои патентные права, в Англии началось усиленное строительство прядильных фабрик, оборудованных ватер-машинами. Одновременно продолжалось внедрение прядильных машин Харгривса «Дженни» в домашне-капиталистической промышленности. К 1788 г. количество веретен в хлопчатобумажной промышленности достигло огромной для того периода цифры в 1,9—2 млн. шт. За четыре года продукция хлопчатобумажных изделий в Англии выросла в 2—2½ раза: только одного муслина было произведено в 1787 г. полмиллиона кусков, ситца — 1 млн. кусков. За этот же период потребление хлопка возросло с 9,5 до 22,6 млн. ф., а стоимость продукции хлопчатобумажной промышленности — с 3,2 до 7,5 млн. ф. ст. В итоге наступило переполнение рынка.

Эллисон в своей «Истории хлопчатобумажной промышленности Великобритании» пишет: «Нет никакого сомнения, что производство превысило потребление, несмотря на то, что бумажные изделия сильно вытеснили льняные и полульняные изделия. Результатом было переполнение рынка и падение цен, разорявшее занятых в хлопчатобумажном деле и приведшее к панике 1787/88 года»⁷.

Кризис привел к значительному сокращению производства. Импорт хлопка упал в 1788 г. на 12%. Цены пряжи начали падать и к 1790 г. снизились больше чем на 20%. Несколько снизился в 1789 г. и экспорт хлопчатобумажных изделий. Количество банкротств выросло в 1788 г. в 1½ раза. Описания современников свидетельствуют о большой остроте кризиса. «Ужаснейшая нужда свирепствует среди прядильщиков хлопка в большинстве населенных центров Ланкашира и Чешира» — читаем в опубликованной в 1788 г. брошюре⁸. В петиции, поданной в палату общин, указывалось: «В течение последних 12 месяцев фабриканты должны были расчитать большую часть мужчин, женщин и детей, которым они давали работу, продукция их фабрик уменьшилась наполовину, некоторые из них были совершенно заброшены в силу плохого положения дел»⁹.

Рикошетом кризис ударил и по другим отраслям текстильной промышленности, как это показывают отрывочные данные статистики того периода. Производство шерстяных тканей в Западном округе упало на 6%, выработка льняных тканей в Шотландии снизилась на 2%. Но все же положение шерстяной промышленности, которая тогда играла решающую роль, оставалось благоприятным. Экспорт англий-

⁷ Ellison, *The Cotton Trade of Great Britain*, London, 1886, pp. 50—51.

⁸ An important crisis in the callico and muslin manufacture, L. 1788, p. 24.

⁹ Journals of the House of Commons, 1803, v. XLIV, pp. 544—545.

ских товаров продолжал расти. Кризис 1788 г. был кризисом лишь хлопчатобумажной промышленности, хозяйство страны в целом не испытало потрясения.

Между кризисом 1788 г. и кризисами развитого капитализма такая же дистанция, как между первым пароходом и современными гигантами трансатлантических линий. Но между ними есть и глубокая внутренняя связь. Первый пароход открыл новую эру в судоходстве и положил начало тому развитию, которое привело к высотам современного судостроения. Точно так же и в кризисе 1788 г. впервые в истории отчетливо выступило новое явление — перепроизводство. Отсюда значение этой даты для истории промышленных кризисов.

* * *

В 1789 г. кризисные явления в хлопчатобумажной промышленности были полностью изжиты. В производстве произошел новый скачок, оставивший позади все прежние рекорды. Начался новый рост промышленности на основе дальнейшего внедрения машин, усиленного строительства каналов, быстрого расширения внешней торговли (см. табл. 1).

Таблица 1

Кризис 1793 г. в Англии

	Г о д ы				Изменение (в %) в 1793 г. по сравнению с 1792 г.
	1787	1788	1792	1793	
Чистый импорт хлопка (в млн. ф.)	22,2	19,6	33,5	17,8	— 47
Экспорт хлопчатобумажных изделий (в млн. ф. ст.)	1,1	1,3	2,0	1,7	— 15
Производство шерстяных тканей в За- падном округе (в млн. ярд.)	8,8	8,4	12,1	10,8	— 10
Производство льняных тканей в Шотлан- дии (в млн. ярд.)	19,4	20,5	21,1	20,7	— 2
Экспорт британских товаров (в млн. ф. ст.)	12,0	12,7	18,3	13,9	— 24
Количество банкротств	—	754	638	1 377	+116

Таблица рисует картину бурного роста производства и торговли в 1789—1792 гг. В каналостроении также наблюдался подлинный ажиотаж: за три года (1790—1792) было выдано 39 разрешений на строительство каналов; курс акций некоторых каналов вырос в 10 раз против номинала. Бурно развивалась банковская система: количество провинциальных банков в среднем выросло до 400. Большие размеры приобрела спекуляция колониальными товарами, цены на которые были сильно вздуты. В последнем квартале 1792 г. цены стали снижаться и умножилось число банкротств. То было начало кризиса, который приобрел большой размах в 1793 г. Сильнее всего от кризиса пострадала хлопчатобумажная промышленность. Но на этот раз кризис охватил и другие отрасли, в частности производство шерстяных тканей. Сильно сжался общий объем экспорта английских товаров. Острые формы приобрел денежный кризис. Из 400 провинциальных банков свыше 100 прекратили платежи. В октябре 1792 г. обанкротились 32 фирмы, в ноябре — 105, в марте 1793 г. — 105, в апреле — 188, в мае — 209 и т. д. Среди банкротов были крупнейшие фирмы — с обязательствами в 1 млн. ф. ст. и больше. Дело дошло до штурма банков вкладчиками.

Некоторые современники и авторы считают главной причиной кризиса 1793 г. начало войны Англии с Францией, которая была объявлена в феврале 1793 г. В памфлете, опубликованном в 1797 г., Френсис Бэринг писал: «Обстоятельством, весьма значительно содействовавшим созданию бедственного положения в 1793 г., было внезапное, неожиданное объявление войны»¹⁰. Ту же точку зрения отстаивает и Аштон; в своей истории английской металлургии он утверждает: «Взрыв в 1793 г. войны с революционной Францией вызвал короткий, но острый торговый кризис. Металлургические предприятия пострадали не меньше других отраслей»¹¹.

В этих высказываниях есть известная доля истины. Война угрожала парализовать английскую торговлю не только с Францией, но и с другими странами Европы. Начало войны серьезно сказалось на английском экспорте. Война усилила размах денежного кризиса, который, в свою очередь, еще больше ухудшил положение промышленности.

Но было бы совершенно неправильным рассматривать кризис 1793 г. только как следствие войны. Война лишь придала кризису больший размах, но предпосылки для его взрыва были созданы внутренними условиями развития английской экономики. Если бы войны не было, кризис все же разразился бы — быть может лишь несколько позже и в несколько иной форме. Огромный рост продукции и внешней торговли в годы, предшествовавшие кризису, не мог не привести к переполнению рынков. Симптоматично, что уже в 1792 г. цена хлопчатобумажной пряжи резко упала (с 30 до 16 шилл. за 1 фунт № 100). Такого острого падения английская хлопчатобумажная промышленность не знала ни до этого ни после. Это значит, что уже до войны, в 1792 г., хлопчатобумажная промышленность остро страдала от перепроизводства.

То, что война не была главной причиной кризиса, подтверждается свидетельскими показаниями многих современников и авторитетных исследователей, в том числе Туком, Челмерсом, Андерсоном, Макферсоном, Бунатяном и др. Особенно ценно свидетельство Тука, хотя он, исходя из своей общетеоретической концепции, и ищет корни кризиса в кредитно-денежной сфере.

Утверждение Тука, что главной причиной кризиса было чрезмерное расширение кредита перед 1793 г., повторяет ходячую аргументацию сторонников кредитно-монетарной теории кризисов. Конечно, кредитная экспансия сыграла важную роль в углублении кризиса. Но бурное расширение банковской системы было результатом огромного роста промышленности и торговли, стимулируемого техническим переворотом. Решающие процессы, которые привели к кризису, происходили в сфере производства. Денежный кризис 1793 г. принципиально отличен от потрясений кредитной системы прежних времен, которые происходили вне зависимости от хода общественного производства, как это было, например, в период мошеннических операций Лоу во Франции. Впервые в истории капитализма денежный кризис выступил как одна из форм выражения кризиса промышленности и торговли.

25 апреля 1793 г. была создана парламентская комиссия для обследования положения торговли и кредита. Свидетельские показания в этой комиссии рисуют картину острого кризиса в важнейших центрах промышленности, хотя большинство свидетелей склонно усматривать главную причину кризиса в нарушении кредита. Но из этих же пока-

¹⁰ Цитируется по Тооке and Ньюмарч, *A History of Prices*, New York, 1926, v. I, p. 176.

¹¹ Ashton, *Iron and Steel in the industrial Revolution*, Manchester, 1924, p. 142.

заний видно, что самый денежный кризис и погоня за деньгами были вызваны трудностями реализации товаров.

Острая фаза денежного кризиса длилась сравнительно недолго. Уже в июне 1793 г. король в тронной речи говорил о ликвидации денежного кризиса. Количество банкротств, достигнув максимума в июле, постепенно снизилось. Но цены продолжали падать, за исключением цен на некоторые товары, взвинченных в связи с войной. В 1794 г. наступило явное улучшение в промышленности и торговле.

* * *

Несмотря на то, что война отрезала Англию от ряда рынков, вывоз ее хлопчатобумажных изделий после 1793 г. сильно возрос и за его счет увеличился и общий объем английского экспорта. Но все же потребление хлопка (чистый импорт) в течение ряда лет оставалось на пониженном против 1792 г. уровне и лишь в 1797 г. достигло новой, рекордной цифры. Каналостроение приобрело еще больший размах, чем до войны. Стоимость разрешенных в 1793—1796 гг. к строительству каналов составила около 7,5 млн. ф. ст., т. е. в три раза больше, чем в предвоенное трехлетие. Усиленное внедрение машин и потребности войны стимулировали рост тяжелой промышленности. За 1796—1798 гг. в Англии была построена 21 доменная печь и начато строительство еще 19. Быстро росло и суконное производство под влиянием военного спроса. Но промышленный подъем был крайне непродолжительным. Уже 1797 год принес сокращение производства и торговли и острый денежный кризис (см. табл. 2).

Таблица 2

Кризис 1797 г. в Англии

	Г о д ы		Изменение (в %) в 1797 г. по сравнению с 1796 г.
	1796	1797	
Экспорт (в млн. ф. ст.)	19,1	16,9	-11
В том числе:			
Хлопчатобумажных тканей	3,2	2,6	-20
Чистый импорт хлопка (в млн. фунт.)	31,4	22,7	-28
Производство шерстяных тканей в Западном округе (в млн. ярд.)	13,0	12,8 (1798)	-6—7
Производство льняных тканей в Шотландии (в млн. ярд.)	23,1	19,5	-16
Количество банкротств	749	871	+16

Денежный кризис проявился в сильном падении курсов английских ценных бумаг, в большом отливе золота за границу, в высоком уровне учетного процента, в многочисленных банкротствах, в прекращении Английским банком платежей наличными (26 февраля 1797 г.), в массовом изъятии вкладов из банков, в погоне населения за золотом для тезаврирования.

Не подлежит сомнению, что главные причины денежного кризиса лежали в экстраординарных условиях, созданных войной. За 1793—1796 гг. Англия субсидировала союзникам около 38 млн. ф. ст., ее собственные военные расходы выросли почти в 8 раз. Это ухудшило платежный баланс Англии и вызвало, несмотря на актив торгового баланса, утечку золота за границу, которая была усилена добавочными закупками хлеба вследствие неурожаев 1794 и 1795 гг. Когда весной 1796 г. отлив золота за границу в связи с хорошими видами

на урожай прекратился, металлический запас банка все же продолжал сокращаться под давлением погони за золотом внутри страны. Эта погоня стимулировалась рядом обстоятельств: угрозой высадки французского десанта, застоем в промышленности и торговле, попытками Английского банка сократить банкнотную эмиссию, чтобы привести ее в соответствие с сократившимися запасами золота, крахами некоторых банков. Золотые запасы Английского банка составляли 28 февраля 1794 г. 6 987 тыс. ф. ст., 31 августа 1795 г.— 5 136, 29 февраля 1796 г.— 2 539, 26 февраля 1797 г.— 1 086 тыс. ф. ст. (приостановка размена).

Денежный кризис, имевший и свои самостоятельные причины, был усилен падением промышленного производства, которое в свою очередь было углублено напряжением кредитной системы. Действие внутренних процессов развития английской экономики, которые неминуемо вели к перепроизводству, переплелось в 1797 г. с влиянием экономических последствий войны. Это ускорило взрыв кризиса и определило его важнейшие особенности. Как и предшествующие кризисы, он поразил сильнее всего хлопчатобумажную промышленность. Но то обстоятельство, что и до 1797 г. развитие хлопчатобумажной промышленности замедлилось, ослабило силу кризиса. По масштабам падения продукции, количеству банкротств и т. д. он был значительно слабее предшествующего кризиса.

Начиная с 1798 г. производство хлопчатобумажной промышленности вновь пошло в гору, и уже в 1800 г. потребление хлопка было на 64% выше, чем в 1796 г. Еще быстрее увеличивался экспорт хлопчатобумажных изделий. В 1803 г. этот подъем был прерван кратковременным спадом, толчком к которому послужило нарушение заключенного в 1802 г. мира с Францией и возобновление войны. По сравнению с 1802 г. экспорт английских товаров уменьшился на 20% (в том числе вывоз хлопчатобумажных изделий — на 7%), потребление хлопка — на 10%. Сильнее всего и на этот раз пострадала хлопчатобумажная промышленность. Но в общем кризисные явления носили неглубокий и кратковременный характер и к концу года они были уже в основном изжиты.

* * *

В 1810/11 г. английская промышленность и торговля были вновь поражены кризисом большой разрушительной силы. Кризис вызревал и протекал в условиях войны и континентальной блокады, которые сыграли немаловажную роль в определении его сроков и форм движения. Но коренная причина кризиса таилась глубже, в самой природе капиталистической экономики. То был не случайный продукт известного стечения исторических обстоятельств, а осложненный войной и блокадой очередной из кризисов перепроизводства, неизбежно порождаемых капитализмом, когда фабричная система достигает известной ступени развития.

Первое десятилетие XIX в. было периодом бурного роста английской промышленности. Война с Францией потребовала огромных издержек. Однако накопление в хозяйстве продолжалось усиленными темпами. Характерно, что размеры капитала, облагаемого налогом на наследство, выросли за 1800—1809 гг. в 4 раза. Выплавка чугуна поднялась за 1800—1810 гг. со 190 до 250 тыс. т, импорт хлопка — с 56 до 136 млн. ф.; количество вывезенных за границу хлопчатобумажных изделий увеличилось в 3,3 раза. Хлопкопрядение развивалось на базе внедрения мюльных машин и окончательного вытеснения ими прядильных машин «Дженни», доступных домашней промышленности. Но успехи хлопчатобумажной промышленности определялись

не только совершенством английских машин. Ее судьба решалась и в морском бою при Трафальгаре (9 октября 1805 г.). Победа англичан закрепила их господство на морях, создав предпосылки для дальнейшего роста английской торговли. Для хлопчатобумажной промышленности, размещавшей от половины до трех пятых продукции на внешних рынках, это имело особое значение. Хлопчатобумажные изделия стали преобладающей статьёй экспорта (см. табл. 3).

Таблица 3

Экспорт британских и ирландских товаров
(в млн. ф. ст. по официальной оценке)

Предметы экспорта	1800 г.	1810 г.
Всего	24,6	34,1
В том числе:		
Хлопчатобумажных изделий	5,8	19,0
Прочих товаров	18,8	15,1

Эти цифры не вскрывают точных пропорций, ибо экспорт выражен здесь в фиксированных, неизменных ценах, которые сильно разнились от цен действительных. Но они отчетливо выявляют огромный рост вывоза хлопчатобумажных изделий и его доли во всем экспорте Англии.

Замечательно, что огромное увеличение английского экспорта произошло несмотря на объявленную в 1806 г. Наполеоном континентальную блокаду, с помощью которой он стремился полностью изолировать Англию от европейского рынка, экономически ее обессилить и поставить на колени. Экономические средства были призваны решить задачу, которая оказалась не по плечу флоту и армии Франции. Но затруднена была не только торговля Англии с европейским континентом. В 1807 г. Англия стала осуществлять мероприятия, имеющие целью парализовать торговлю нейтральных стран с Францией и ее союзниками. Соединенные Штаты Америки, чья торговля особенно пострадала, объявили в конце 1807 г. запрет на рейсы американских судов в иностранные порты и на вывоз из США. Британский экспорт в США упал в 1808 г. больше чем вдвое, вывоз в Европу был в 1808 и 1809 гг. на 7 млн. ф. ст. меньше, чем в предшествующее двухлетие. Сокращение английского ввоза в Европу произошло, однако, в масштабах, далеко не оправдавших ожиданий Наполеона. Против широкого потока контрабандного ввоза из Англии оказались бессильны все средства. В этом еще раз сказалось огромное промышленное и торговое превосходство Англии.

Важнейшим каналом внешнеторговой экспансии Англии стали страны Южной Америки, особенно Бразилия, в которой под давлением Англии была отменена португальская монополия внешней торговли. Испытывая трудности в размещении своей продукции в Европе и США, английская промышленность жадно устремилась в южноамериканские страны, о богатствах и емкости рынков которых распространялись самые фантастические сведения. Промышленные центры лихорадочно выполняли заказы для экспорта в эти страны. Расширение производства, грюндерство и вывоз приобрели спекулятивный характер. В 1809 г. в Америку (без США) было вывезено в 2,3 раза больше товаров, чем в 1805 г., и больше, чем в Европу, вывоз в которую также достиг новой, рекордной цифры. Промышленный подъем питал

спекуляцию, а последняя в свою очередь ускоряла рост промышленности. Все это не могло не окончиться жестоким кризисом. Уже в 1809 г. южноамериканские рынки были переполнены английскими товарами до того, что нехватало складов и помещений для них. Спекуляция приобрела самые разнузданные формы — вплоть до отправки в Бразилию меховой одежды, коньков и других предметов, мало соответствующих климатическим условиям страны и потребностям населения, не говоря уже о его платежеспособности.

Предпосылки кризиса вызревали одновременно и на рынке сырья. Континентальная блокада и американское эмбарго сильно сократили в 1808 г. ввоз сырья в Англию. Это погнало цены вверх. Но спекулятивный рост цен способствовал расширению ввоза, хотя последний и был связан с известным риском. В 1809—1810 гг. ввоз достиг рекордных размеров — как раз тогда, когда уже явно обнаружилось перепроизводство в промышленности. Переполнение внешних и внутреннего рынков английскими фабрикатами переплелось с переполением английского рынка сырьем. Конечно, эти процессы были неразрывно связаны. Спекуляция потерпела крах как в области экспорта английских фабрикатов, так и в области импорта сырья (см. табл. 4).

Таблица 4

Импорт в Англию (в млн. англ. фунт.)¹²

Предметы импорта	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Хлопок	74,9	43,6	92,8	136,5	91,7
Шерсть	11,8	2,4	6,8	10,9	4,8
Шелк	1,1	0,8	1,2	1,8	0,6
Лен и пенька	1,2	0,5	1,4	1,5	0,6

Первым симптомом начинающегося кризиса было сокращение импорта в страны Южной Америки, достигшего высшей точки уже в 1809 г. В середине 1810 г. начался возврат в Англию товаров, не нашедших сбыта в Америке. Потери экспортеров были огромны. В то же время английские порты были переполнены сырьем, цены на которое резко упали¹³ (см. табл. 5).

Таблица 5

Цены на сырье

Периоды	Хлопок (Геоργия); в пенсах за фунт)	Шерсть	Шелк	Лен (в шилл. за т)
		(испанская)	(пьемонтский)	
		(в шилл. за фунт)		
Низшая цена конца 1807 и начала 1808 гг.	9—10	6 ² / ₃	30	57
Высшая цена 1809 г.	16—18	22—26	112	118
Весенняя » 1810 г.	17—19	13 ¹ / ₂	—	75
Осенняя » 1810 г.	10—13	7—8	44	57

В сентябре 1810 г. обанкротилось 102 фирмы, в октябре — 130, в ноябре — уже 273. Общее количество банкротств в 1810 и 1811 гг. выросло по сравнению с предшествующим двухлетием на 82%.

Начавшись в сфере торговли и кредита, кризис тяжело поразил промышленность, главным образом хлопчатобумажную. Шерстяная

¹² Тооке, *Op. cit.* v. I, p. 391.¹³ *Ibid.*, p. 402; Bouniatian, *Geschichte der Handelskrisen in England*, S. 210.

промышленность, видимо, слабо пострадала от кризиса, так как была, подобно металлургической промышленности, загружена заказами для армии. Яркую картину тяжелого положения промышленности рисуют многочисленные петиции, направленные в палату общин, и выступления в парламенте. Роберт Пиль следующим образом описывает положение в Ланкашире: «...цены за товары упали на 40—60%... самые крупные промышленники оказались вынужденными сократить объем своей работы на треть, на половину или даже вовсе распустить своих рабочих. Рабочие терпят чрезвычайные лишения, и даже те, которые продолжают работать, получают не больше 50% своей обычной заработной платы». Канцлер казначейства подчеркнул в своем выступлении в палате общин особенно тяжелое положение мелких предприятий. «...Бедствие ощущается с чрезвычайной остротой промышленниками и теми, кто у них работает. Нет ни одного промышленника в английской хлопчатобумажной отрасли, который бы не сократил наполовину число работающих у него лиц, и многие более мелкие промышленники совсем распустили своих рабочих»¹⁴.

Кризис поразил в основном хлопчатобумажную промышленность. Но рост безработицы и снижение заработной платы создали тяжелое положение и для многочисленных отраслей, производящих предметы широкого потребления, хотя в них царили старые методы ручного производства и они не созрели еще для кризисов перепроизводства.

Обострению кризиса способствовал целый ряд обстоятельств политического и экономического порядка.

В 1810 г. Наполеон резко усилил борьбу с ввозом в Европу как английских фабрикатов, так и колониальных товаров, игравших огромную роль в английской реэкспортной торговле. В августе был опубликован знаменитый Трианонский тариф, означавший неслыханное повышение пошлин не только на вновь ввозимые, но и на уже ввезенные колониальные товары. Грузы десятков кораблей были захвачены наполеоновской администрацией и конфискованы. В условиях, когда английские склады были переполнены не находящими сбыта сырьем и фабрикатами, это не могло не привести к повышению волны банкротств, к еще большему падению цен. Весной 1811 г. правительство США возобновило запрет на торговлю с Англией, отмененный в 1810 г. Экспорт Англии в США, выросший с 7,3 млн. ф. ст. в 1809 г. до 10,9 млн. в 1810 г., упал в 1811 г. ниже 2 млн. ф. ст. Удар оказался тем более тяжелым, что он был нанесен в момент полного разгара кризиса. Внутренний рынок суживался высокими ценами на хлеб, которые выросли вследствие повторного неурожая с 79 шилл. за квартал в 1809 г. до 103 шилл. в 1810 г. Немаловажную роль в усилении спекуляции и перепроизводства сыграла, наконец, кредитная инфляция. Число провинциальных банков увеличилось к 1810 г. до 770 против 400 в 1796 г. Банки выпустили в обращение такое большое количество банкнот, что они стали обесцениваться, а металлические деньги исчезли из обращения. Многие современники усматривали в кредитной инфляции причину чрезмерного расширения торговли, приведшего к кризису.

Факторы экстраординарного порядка — особенно континентальная блокада, как показывает анализ, — сыграли большую роль в определении своеобразия кризиса 1810/11 г. Но нет, однако, никаких оснований видеть в этих факторах коренную причину кризиса. Больше того, даже непосредственный толчок к кризису исходил в основном

¹⁴ Parliamentary Debates (1803—1812), London, ed. Hansard, 1804—1812, v. XIX, pp. 254, 329.

из иной сферы, ибо исходным и важнейшим моментом кризиса было переполнение южноамериканских рынков. Усиление борьбы с ввозом английских товаров в Европу в 1810 г., прекращение торговли с США в 1811 г. имели серьезное значение именно потому, что ударили по английской экономике в период, когда перепроизводство было уже налицо, рынки были переполнены фабрикатами и сырьем, кризис уже достиг значительной остроты.

Положение рабочих в результате кризиса настолько ухудшилось, нищета была столь велика, что с конца 1811 г. начались волнения в ряде промышленных центров страны. Развернулось широкое движение ручных ткачей и вязальщиков чулок за уничтожение машин, в распространении которых они усматривали главную причину возросшей нищеты. В одном только Нотингеме было разрушено к февралю 1812 г. около тысячи станков. В палате общин указывалось, что «беспорядки тесно связаны с кризисом, который является их непосредственной причиной». Беспорядки подавлялись самыми крутыми мерами, вплоть до вызова войск. В феврале 1812 г. был принят билль о смертной казни за разрушение станков. Поэт Байрон в своей речи в палате лордов при обсуждении билля с гневом и горечью констатировал, что «почтенные» лорды оценили жизнь рабочего «несколько ниже стоимости чулочной-вязальной машины».

* * *

Основные процессы, в которых выразился кризис 1810/11 г., способствовали и созданию предпосылок его преодоления. Переполнение южноамериканских рынков было ликвидировано почти полным параличом дальнейшего экспорта в эти страны, обратным возвратом части товаров в Англию, распродажей по дешевым ценам другой их части, порчей и гибелью третьей. Массовые банкротства нанесли сокрушительный удар спекуляции. Резкое сокращение импорта сырья и колониальных товаров и острое снижение их цен облегчили рассасывание их запасов в Англии. Промышленность приспособлялась к пониженному уровню цен путем сокращения заработной платы, дальнейшего прогресса механизации и фабричной системы. Характерно, что в 1812 г. из 4—5 млн. хлопчатобумажных веретен Англии на долю применявшихся в домашней промышленности «Дженни» приходилось меньше 200 тыс. Новые усовершенствования были введены в ситцепечатании. Расширилось применение механических ткацких станков, которые были в 1813 г. в 3½ раза производительнее ручных станков; при этом каждый рабочий мог обслуживать два станка. Хотя число их было еще ничтожно (в 1813 г. их было всего лишь 2,4 тыс.), они служили уже рычагом снижения заработной платы ручных ткачей, и в этом отношении их экономическая роль была весьма велика. Но развитие хлопчатобумажной промышленности в 1812—1814 гг. тормозилось войной с США, которая отрезала Англию от американского хлопка и таким образом способствовала сильному взвинчиванию цен на него. Лишь в конце 1814 г. это препятствие было устранено. Продукция хлопчатобумажной промышленности в 1814/15 г. достигла все же рекордных размеров и оценивалась в 23 млн. ф. ст. против 20 млн. ф. ст. в 1810 г.

Крутой перелом в состоянии английской экономики создали поражения Наполеона в России и на Пиренейском полуострове, последующая гибель его империи, окончание англо-французской и англо-американской войн. Вступление союзных войск в Париж и заключение мира с США в конце 1814 г., казалось, открыли новую эру невидан-

ного подъема и расцвета английской промышленности и торговли. Фабрики лихорадочно расширяли производство для экспорта в Европу и США, колоссально возрос импорт сырья и колониальных товаров для внутреннего потребления и реэкспорта. Широкий поток английских товаров устремился за границу. Как обычно, развилась спекуляция: цены сырья и колониальных товаров больше чем удвоились. Кредитная экспансия раздвигала масштабы расширения производства, торговли, грюндерства и спекуляции. Экспорт британских товаров в Европу, упавший в 1811 г. до 13 млн. ф. ст., достиг в 1814 г. небывалой цифры в 27 млн. ф. ст. Вывоз в США, в 1814 г. еще полностью парализованный войной и исчислявшийся всего лишь в 8 т. с. ф. ст., разбух в 1815 г. до 13,3 млн. ф. ст. Реэкспорт в 1815 г. больше чем утроился по сравнению с 1814 г. (19,4 против 6,1 млн. ф. ст.). Чрезвычайно характерны следующие цифры: из общей массы изделий хлопчатобумажной промышленности, ориентировочно исчислявшейся в 1814 г. в 23 млн. ф. ст., было вывезено за границу изделий в 1814 г. на 20 млн., в 1815 г.— на 20,6 млн. ф. ст.

Все это неминуемо вело к кризису. Европа, истощенная войнами, длившимися четверть века, не смогла поглотить хлынувший в нее поток английских фабрикатов и колониальных товаров. То же самое произошло и в Соединенных Штатах Америки. К тому же за годы войны, когда ввоз британских товаров был крайне затруднен, значительные успехи сделала континентальная и американская промышленность. Она еще гигантски отставала от английской промышленности, но в условиях перепроизводства и переполнения рынков ее конкуренция была весьма чувствительна для Англии. Уже в 1813 г. торговцы Глазго жаловались в своей петиции парламенту: «В США процветают хлопчатобумажные фабрики, а в Пруссии и других странах хлопчатобумажное производство сделало такие успехи, что теперь на европейские рынки можно посылать только высшие сорта»¹⁵.

Переполнение европейских рынков обнаружилось уже в 1814 г., и 1815 год принес снижение экспорта в Европу на 23%. Оно было, однако, с лихвой перекрыто огромным увеличением экспорта в США. Но в течение немногих месяцев была исчерпана и емкость североамериканского рынка. В 1816 г. вывоз из Англии в США упал на 28%. Резко сжался общий объем английского экспорта, вывоз одних лишь изделий хлопчатобумажной промышленности сократился в 1816 г. на 5 млн. ф. ст., или на 25%. При огромном преобладании внешних рынков в сбыте продукции хлопчатобумажной промышленности столь резкое сокращение экспорта не могло не привести к глубокому падению производства.

Ряд отраслей английской промышленности испытывал огромные трудности в связи с резким сокращением военных заказов. Прежде всего это относится к металлической промышленности. О том, что эта отрасль была задета кризисом, свидетельствует тот факт, что перевозки железа по Честерфильдскому каналу снизились в 1818 г. на 17%.

Положение шерстяной промышленности было отчасти облегчено получением крупного заказа для русской армии. Однако импорт шерсти упал примерно вдвое, и это было связано не только с крахом спекуляции сырьем, но и с затруднениями в сбыте шерстяных изделий. Экспорт шерстяных изделий упал с 9,2 млн. ф. в 1815 г. до 7,2 млн. ф. в 1817 г., т. е. на 22%. Снижился также и внутренний спрос на них. Одно только падение экспорта должно было обусловить снижение производства в шерстяной промышленности на 8—10%.

¹⁵ Там же, т. XVI, стр. 395.

Кризис 1815 г. таким образом поразил все главные отрасли английской промышленности. Весьма острые формы принял денежный кризис. Количество банкротств превысило рекордную цифру 1811 г. За 1814—1816 гг. обанкротилось около сотни банков. Обострению денежного кризиса способствовало сильное падение цен после их спекулятивного подъема в 1813/14 г. (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика цен

Название товаров	Прирост цен в 1813/14 г. по сравнению с 1811/12 г. (в %)	Падение цен в 1815/16 г. по сравнению с 1813/14 г. (в %)
Кофе	178	31
Сахар	210	44
Хлопок	262	48

Кризис в промышленности и торговле был обострен сжатием спроса сельскохозяйственного населения Англии. Цена пшеницы, достигшая в 1812 г. рекордного уровня — 123 шилл. за 1 квартал, начала затем неуклонно снижаться: в 1813 г. она спустилась до 107 шилл., в 1814 г.— до 72, в 1815 г.— до 64 и в январе 1816 г.— до 52 шилл. за 1 квартал. Столь резкое снижение цен было обусловлено не только хорошими урожаями. Континентальная блокада и недороды, повышавшие хлебные цены, стимулировали расширение посевных площадей. Лорд Бругем указывал в одной из своих речей, что дополнительно было засеяно около 2 млн. акров и предложение пшеницы увеличилось на 6 млн. кварталов. Пользуясь широкими кредитами провинциальных банков, спекулянты взвинтили цены на землю. Выросла арендная плата; в Шотландии, например, арендная плата увеличилась с 10—15 до 28—40 шилл. за акр. Выросли налоги в связи с военными расходами.

Крушение континентальной блокады, конкуренция дешевого европейского хлеба и несколько хороших урожаев в корне изменили ситуацию. Падение цен было тем более чувствительно, что при определении арендных платежей, кредитных обязательств и налогов исходили из повышенного уровня цен. Крах земельной спекуляции повлек за собой банкротство многочисленных провинциальных банков, которые ее финансировали. Парламентские отчеты 1815—1816 гг. полны описаний жестокой нужды сельскохозяйственного населения: «Целые приходы опустели, все увеличивающиеся толпы бедняков бродят из одного прихода в другой»... «Страдания сельскохозяйственных рабочих сильнее, чем когда бы то ни было... тысячи не имеют работы, ...а те, которые имеют счастье работать, получают «сниженную оплату»¹⁶.

Многие современники усматривали в тяжелом положении сельского хозяйства основную причину кризиса промышленности и торговли. К этим высказываниям следует относиться с осторожностью, учитывая острую политическую борьбу вокруг принятого в 1815 г. хлебного закона, по которому запрещалось ввозить хлеб, если цена пшеницы падает в стране ниже 80 шилл. за квартал. Землевладельческая аристократия, отстаивавшая закон, склонна была рисовать положение сельского хозяйства сгущенными красками. Корни промышленного

¹⁶ Там же, т. XXXIII, стр. 684.

и торгового кризисов таились отнюдь не в положении сельского хозяйства Англии. Не подлежит, однако, сомнению, что сильное обнищание арендаторов и фермеров, обусловленное острым падением сельскохозяйственных цен, и сокращение платежеспособного спроса сельскохозяйственного населения сыграла важную роль в обострении и промышленного кризиса¹⁷.

* * *

Английский кризис 1815/16 г. глубоко отразился в экономике европейских стран и Соединенных Штатов Америки. Это видно хотя бы из того, что перепроизводство обнаружилось прежде всего в переполнении английскими товарами внешних рынков. На экономику соответствующих стран это оказывало влияние, пропорциональное удельному весу тех отраслей промышленности и торговли, которые оказались под ударами английской конкуренции. Английская промышленность пыталась переложить тяжесть кризиса на другие страны. Резким снижением цен она стремилась расширить внешние рынки, задушив низкими ценами неокрепшую промышленность конкурентов. «Имеет смысл,—откровенно говорил лорд Бругем в парламенте,—вначале понести убытки на экспорте, чтобы, насытив рынок, задушить в колыбели растущую промышленность США, возникновению которой, вопреки естественному ходу вещей, способствовала война»¹⁸.

За перепроизводство в Англии пришлось расплачиваться промышленности других стран. Особенно жестоко пострадала хлопчатобумажная промышленность Соединенных Штатов Америки, сильно выросшая в годы англо-американской войны: из 500 тыс. веретен к концу 1818 г. в действии осталось лишь 130 тыс.; большая часть хлопчатобумажных фабрикантов США разорилась. Американская промышленность в течение длительного периода не могла оправиться от удара, нанесенного ей в 1815/16 г. Только через 6—8 лет количество веретен вновь достигло цифры 500 тыс.

Видимо, столь же губительна была английская конкуренция в Германии. По английским оценкам, в 1814 г. в разоренную войнами Германию было ввезено бумажной пряжи и тканей на огромную сумму — 3,2 млн. ф. ст., что превосходило внутреннее производство. «Allgemeine Zeitung» писала в 1816 г.: «Никогда еще не было такого чудовищного наплыва товаров из Англии и Голландии на лейпцигской ярмарке, как в октябре 1816 г. Имеются дома, где сложены товары 7 фирм. В самом печальном положении немецкие льняные фабрики. На глав-

¹⁷ Энгельс следующим образом объясняет тяжелое положение сельского хозяйства Англии после наполеоновских войн: «...приблизительно около этого же времени прекратилась 25-летняя война с Францией. Уменьшившееся производство на местах военных действий, прекращение подвоза и необходимость снабжать продовольствием британские армии в Испании вызвали искусственный расцвет английского земледелия и, кроме того, оторвали от труда массу рабочих-рук. И вот эта-то задержка в подвозе, необходимость вывоза и недостатков в рабочих руках сразу прекратились. Неизбежным результатом явилось то, что англичане называют agricultural distress (угнетенное состояние земледелия). Арендаторы вынуждены были продавать свой хлеб очень дешево и могли поэтому и рабочим своим платить очень мало. Чтобы поднять цены на хлеб, парламент в 1815 г. принял закон о хлебных пошлинах. Этим законом запрещался ввоз хлеба до тех пор, пока цена на пшеницу будет ниже 80 шилл. за квартал. Впоследствии законы эти, конечно, совершенно бесплодные, не раз изменялись, но нужду в земледельческих округах они, конечно, не уменьшили. Единственным результатом их было то, что болезнь, которая при свободной иностранной конкуренции стала бы острой и имела бы свой кризис, превратилась в болезнь хроническую, производившую равномерное, но все же тяжелое давление на положение земледельческих рабочих» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 539—540).

¹⁸ Parliamentary Debates..., v. XXXIII, pp. 1099, 1118.

ном рынке в Америке все больше переходят к хлопчатобумажной одежде. Льготкацкие заведения стоят. Сбыт отечественных ткацких фабрик застопорился». Те немногочисленные германские предприятия, которые технически не отставали от английских или лучше учитывали характер спроса, сравнительно слабо пострадали от кризиса. В одной из корреспонденций указывается: «Ситценабивная продукция благодаря прекрасным рисункам, превосходящим английские, нашла покупателей. Такие известные фабрики, как Беккера в Хемнице и другие, не видят необходимости в ограничении производства. Механические прядильни в Саксонии работают с полной загрузкой».

Кризис не прошел бесследно и для Франции. В конце 1814 г. раздавались громкие жалобы на огромный беспощинный наплыв английских товаров. «Вслед за теми 400 000 солдатами, которые наводнили французскую территорию, двигались, плыли товары»¹⁹. Промышленники единодушно требовали запрета ввоза английских товаров. Особенно трудно пришлось французской металлургии, которая технически сильно отставала от английской. В своих петициях металлурги указывали, что если не будет запрещен ввоз иностранного железа или в крайнем случае не будет повышена вдвое пошлина, все железоделатели разорятся. Положение в хлопчатобумажной промышленности иллюстрируется тем фактом, что потребление хлопка (чистый импорт) снизилось с 16,4 тыс. т в 1815 г. до 12,1 тыс. т в 1816 г., т. е. больше чем на 25%; это свидетельствует о значительном сокращении производства. Губительное влияние английской конкуренции переплеталось с разрушительными последствиями длительной войны и поражения. Положение хлопчатобумажной промышленности лишь несколько облегчалось удешевлением сырья после отмены пошлин на хлопок, хотя сначала эта отмена и принесла большие убытки тем, кто имел значительные запасы, закупленные по дорогим ценам. В 1816 г. для борьбы с английской конкуренцией было пущено в ход сильно действующее средство: ввоз хлопчатобумажных изделий и продуктов ряда других отраслей промышленности был полностью запрещен. Однако все же коммерсанты сообщали: «Склады в Париже заполнены английскими тканями, которые вопреки существующему запрету ввозятся контрабандным путем. Этот ввоз принял очень значительные размеры, причем в Бельгии получила даже развитие операция по страховке контрабанды».

В жестокой конкуренции, которая развернулась после наполеоновских войн, европейская промышленность противопоставила техническому превосходству английской промышленности дешевизну рабочей силы. В французской палате депутатов цитировалось в 1816 г. письмо коммерсанта из Нижней Сены — центра хлопчатобумажной промышленности, который писал, что французские ткани пользуются преимуществом перед английскими, обусловленным «низкой оплатой труда и незначительной прибылью, которою довольствуются фабриканты». Но этого преимущества оказалось недостаточно, чтобы противостоять английской конкуренции, — отсюда запрещение ввоза. В США же и этого преимущества не было, — поэтому наплыв английских товаров произвел здесь наибольшие опустошения. В 1816 г. в США был введен новый тариф, сильно повысивший пошлины, в том числе на хлопчатобумажные ткани — до 25—30% их стоимости. Но это не могло служить преградой для изделий английской промышленности. Хлопчатобумажная промышленность США в течение ряда лет испытывала глубочайшие затруднения.

¹⁹ Archives Parlementaires, v. XII, p. 630, 22/IX 1814.

Кризис 1815 г. разразился и протекал в сложной исторической обстановке перехода от длительной войны к мирному времени. Этот переход во многом определил сроки кризиса, формы его движения, обусловил его своеобразие. Нет, однако, никаких оснований утверждать, что кризис был обусловлен «внешними причинами политического порядка» (Туган-Барановский). История человечества знает немало войн и периодов перехода от войн к миру. Но впервые этот переход привел к кризису перепроизводства. А то, что кризис 1815 г. был кризисом перепроизводства, неопровержимо вытекает из всех цифр и фактов. Кризис означал, что капитализм достиг такого уровня развития, когда он неизбежно порождает время от времени перепроизводство и переполнение рынков. Политические факторы определили своеобразие кризиса, но коренные его причины были заложены в самой природе капитализма и его противоречий. Конечно, этот кризис еще во многом отличался от циклических кризисов развитого капитализма. Но их экономическая природа одна и та же.

(Окончание следует)

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

А. БОЯРСКИЙ
ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Советское плановое хозяйство и закон больших чисел¹

В решающем теоретическом вопросе статистики — о законе больших чисел — за последние годы имели хождение различные ошибочные взгляды. Автор этих строк, например (вместе с проф. Ястремским), еще сравнительно недавно — вплоть до 1936 г. — считал, что закон больших чисел относится только к явлениям стихийного характера. Следовательно выходило, что в советском плановом хозяйстве он может иметь лишь самое второстепенное значение и только в процессах, подверженных значительному влиянию природных условий (урожайность и т. д.). Поскольку же мы оцениваем этот закон как основной в статистической теории, то — хотели мы этого или нет — неизбежно получался политически вредный вывод об ограниченности роли статистики в наших условиях.

Вывдвигалась и другая точка зрения. Странники ее разделяли наш ошибочный взгляд, будто закон больших чисел относится только к стихийным явлениям. Но вопрос о месте статистики в нашем народнохозяйственном учете защитниками этой второй позиции решался очень просто: они считали, что в самой статистике закон больших чисел существенной роли не играет, а имеет значение только для отдельных статистических работ, в частности работ, проводимых так называемым выборочным методом.

Повторяя нашу основную ошибку, т. Малышев, например, писал о законе больших чисел как о применимом «...лишь для выражения количественных мер стихийно-случайных процессов...»². Коллизии с «возрастающим кругом применения» статистики в плановом хозяйстве он избегает с помощью утверждения, что «...основанное на стохастической (вероятностной) теории применение статистики становится и менее широким. Впрочем, применение стохастической теории и теперь не может быть выброшено за борт. Нужно, чтобы наши статистики умели владеть ею — в определенной мере она еще применима при изучении явлений природы, процессов, происходящих в капиталистическом окружении, также при изучении некоторых явлений в СССР (выборка, измерение урожая, потребление и т. д.)»³. Легко видеть, что разница между обеими позициями чисто словесная, что по существу и в одном и в другом случае статистическая наука отодвигается на задворки планового хозяйства.

Обе эти позиции опровергаются единственно верной точкой зрения, которая заключается в следующем. Закон больших чисел остается в наших условиях центральным для статистической науки. Но это нисколько не противоречит ведущей и организующей роли статистики в социалистическом учете, так как ошибочна основная предпосылка

¹ Статья печатается в порядке обсуждения. — *Ред.*

² «Проблемы экономики», 1938, № 1, стр. 100.

³ Там же, стр. 103; курсив наш. — А. Б.

обоих изложенных выше взглядов, состоящая в том, что закон больших чисел якобы действует только в процессах стихийного характера. Такое решение вопроса обеспечивает правильное установление места статистики и одновременно пресекает попытки выхолащивания из нее основного научного содержания.

Однако из того, что закон больших чисел остается центральным также и для советской статистики, отнюдь не следует, что характер его действия и тем более социально-экономические закономерности, которые при его действии обнаруживаются, одинаковы в условиях стихийного капиталистического хозяйства и в условиях планового социалистического хозяйства. Перед советскими статистиками поставлена как одна из основных задач — разработка вопроса о действии закона больших чисел в нашем хозяйстве. Наметились и те основные направления, в которых следует искать ее решения. Речь идет об исследовании действия закона больших чисел в массе взаимозависимых явлений, в регулируемых процессах. Не претендуя ни на полное и окончательное разрешение этих задач, ни на освещение всех теоретических и методологических вопросов, выдвигаемых перед советской статистикой, мы в дальнейшем имеем в виду развить ряд соображений, относящихся именно к действию закона больших чисел в советском хозяйстве.

На страницах центрального органа партии группа советских математиков писала о законе больших чисел как о законе, остающемся донныне основой математического изучения массовых процессов. Поэтому первый вопрос, на который надо ответить, это — наблюдаются ли такого рода массовые процессы в советской экономике? Ясный ответ на него мы находим в следующем указании товарища Сталина: «...производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»⁴. В борьбе за выполнение и перевыполнение плана действуют массы. Невозможно анализировать выполнение плана, не рассматривая массы, не рассматривая различные совокупности (как говорят статистики): рабочих, заводов и фабрик, колхозов и т. д.

Но не всякое множество явлений образует массовый процесс, в котором проявляется действие закона больших чисел. Специфическая особенность этих массовых процессов состоит в том, что конкретный характер каждого индивидуального явления не предопределяется в них нацело течением всего массового процесса. Это можно проиллюстрировать на ряде примеров. Поезд, сделавший определенный рейс, состоит из множества отдельных вагонов. Но в пробеге этих вагонов мы напрасно стали бы искать какое-либо проявление закона больших чисел. Пробег каждого из этих вагонов нацело определяется пробегом всего поезда и в точности равен ему. Зато нагрузка каждого вагона, конечно, не определяется окончательно нагрузкой поезда, и в цифрах этой нагрузки мы несомненно встретимся с проявлением закона больших чисел. Следовательно, массовые процессы, в которых действует этот закон, характерны тем, что в них каждое индивидуальное явление, рассматриваемое как одно из массы явлений, может иметь различный вид, может приводить к различным результатам. Поскольку эти различные результаты для данного явления возможны, результат, фактически получившийся, приходится рассматривать лишь как один из возможных.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 349.

Значение диалектики возможного и действительного в процессе выполнения плана также неоднократно подчеркивалось товарищем Сталиным. Так, товарищ Сталин доказывает реальность нашей производственной программы именно на основе диалектики возможного и действительного: «Она реальна хотя бы потому, что у нас есть налицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промышленности уже перевыполнил план?»⁵.

Каждый индивидуальный участник массовой борьбы за план может достигнуть того или иного результата в зависимости от своей активности, энергии и сознательности, от своих личных талантов. Таким образом для него возможны различные результаты. Следовательно, в этом массовом процессе каждый индивидуальный результат представляет собой превращенную в действительность одну из возможностей, существовавших для этого индивидуального результата как одного из явлений массы. Иная постановка вопроса неизбежно означала бы отказ от материализма и переход к фатализму. Потеряла бы смысл всякая активная борьба за выполнение и перевыполнение плана. Социалистический строй перед каждым индивидуальным участником этой борьбы (отдельным лицом или коллективом) открывает множество возможностей, выражающихся в различных степенях перевыполнения плана. Именно здесь заложен смысл того, что план является всего только обязательным минимумом, что всякий план можно перевыполнять, что за это перевыполнение нужно вести активную борьбу. Таким образом указанная выше основная черта массовых процессов проявляется и в советском хозяйстве. Существенное отличие, однако, заключается в том, что в наших условиях превращение в действительность той или иной степени перевыполнения плана, являющейся одной из различных возможностей, совершается в каждом случае не стихийно, а в результате сознательной борьбы за план и на основе плана.

* * *

Прежде чем перейти к вопросу об особенностях проявления закона больших чисел в советском хозяйстве, необходимо вкратце остановиться на том, в чем заключается сущность этого закона в его классическом виде. Коротко она может быть сведена к следующим двум основным положениям:

1) в обобщающих показателях, охватывающих массу явлений, проявляется общая закономерность всего массового процесса в целом;

2) это происходит благодаря тому, что в таких обобщающих показателях взаимно погашаются случайные отклонения, свойственные отдельным индивидуальным явлениям.

Для полного понимания вопроса необходимо выяснить, во-первых, в каком смысле мы говорим о случайном отклонении индивидуальных явлений и, во-вторых, в каком смысле мы говорим об их взаимопогашении.

Случайность является формой проявления необходимости. Случайность и необходимость не отделены друг от друга китайской стеной, а представляют собой диалектическое единство. Из всего предыдущего ясно, что здесь идет речь о случайности индивидуального явления, взятого как одно из многих явлений, образующих данный

⁵ Там же.

массовый процесс, в меру отклонения индивидуального показателя от показателя, соответствующего закономерности процесса. Случайное может быть и может не быть, может быть таким или иным. «Случайным является то, что в данной связи вовсе не вытекает из внутреннего закономерного хода событий, что могло быть, а могло и не быть, что не является неизбежным в данной необходимой цепи событий»⁶. В связи с массовым процессом, т. е. взятое как одно из многих явлений массы, индивидуальное явление и отвечает этому определению. Из его принадлежности к массе ведь не вытекают все его индивидуальные особенности. Следовательно, в качестве одного из массы оно может быть таким и может быть иным. Если же говорить о нем как о таковом, то, конечно, само по себе оно определяется соответственной цепью причинно-следственных зависимостей. Значит, речь идет о случайности индивидуальных отклонений с точки зрения всего массового процесса в целом.

Что касается взаимного погашения случайных отклонений, представляющего собой механизм действия закона больших чисел, то его нужно строго отличать от арифметического взаимного погашения отклонений, которое мы имеем в любой средней величине. Если мы, например, имеем два числа — 20 и 30 — и находим среднее из этих двух чисел, равное 25, то оба отклонения от этой средней погашают друг друга: первое число отклоняется от средней на 5 в одну сторону, второе отклоняется от нее на те же 5 в другую сторону. Но не о таком взаимном погашении отклонений идет речь в теории закона больших чисел. Чтобы это выяснить, продолжим дальше тот же пример. Допустим, что общей закономерности всего массового процесса, в котором участвуют указанные два индивидуальных случая, соответствует, например, значение показателя 18. Это означает, что в первом случае мы имеем отклонение от показателя, выражающего общую закономерность процесса, равное 2, а во втором случае — отклонение от него, равное 12. Погасились ли отклонения в нашей средней, которая равна 25? Конечно, нет. В ней, в силу арифметических свойств средней, погасили друг друга отклонения от самой этой средней, но не погасились случайные отклонения от показателя, характеризующего общую закономерность процесса ($20 - 18 = +2$ и $30 - 18 = +12$). Теория закона больших чисел и показывает, что если бы таких случаев было не два, а много (большое число), то произошло бы взаимное погашение отклонений не только в первом смысле, но и во втором.

Необходимо оговорить, что только ради простоты мы в нашем примере предположили, что показателем, характеризующим закономерность всего процесса в целом, является для обоих случаев одно и то же число — 18. Этот показатель может быть для отдельных групп случаев в свою очередь различен. При наличии между обоими случаями существенных различий (существенных для данного массового процесса) показатель, отвечающий закономерности процесса, был бы неодинаковым. Эти различия могут определяться тем, что оба случая относятся к разным экономическим группам или к разным географическим областям и т. д. Пусть эти различия были таковы, что — при отсутствии случайных отклонений — первому случаю соответствовало бы то же число 18, но второму — не 18, а другое число, именно 34. Мы имели бы в одном случае случайное отклонение $20 - 18 = +2$, а во втором $30 - 34 = -4$. Это означало бы, в силу противоположного направления случайных отклонений, что они в известной мере в среднем погасили друг друга, но, как видно из при-

⁶ «Под знаменем марксизма», 1939, № 4, стр. 167.

веденных цифр, погасили не полностью. При этом речь идет, конечно, о взаимопогашении отклонений каждого показателя от своего особого числа: от 18 в первом случае и от 34 во втором. Иначе говоря, эти отклонения образуют несущественную часть вариации, в пределах которой и происходит взаимопогашение. Различие же между самими числами 18 и 34 составляет существенную вариацию.

Весь механизм действия закона больших чисел можно теперь представить себе довольно просто. Для каждого индивидуального явления мы имеем показатели, соответствующие закономерности всего массового процесса и существенным особенностям той группы явлений, к которой оно принадлежит. Однако наряду с этим данному индивидуальному явлению свойственны особенности, случайные с точки зрения всего массового процесса. В силу этого фактический показатель для данного индивидуального явления содержит известное случайное отклонение. Ясно, что эти случайные отклонения будут направлены в одних случаях в одну сторону, а в других случаях — в другую. Если же взять большое число таких явлений, то они погасят друг друга.

Вопрос о законе больших чисел и механизме его действия вызывает особенно большие затруднения именно в связи с тем, что его нельзя понять без рассмотрения каждого фактического результата наряду с другими результатами, существующими лишь как возможные. Это означает, что наряду с фактической средней величиной, охватывающей много индивидуальных случаев, необходимо также иметь в виду различные другие значения этой средней величины, существующие лишь как возможные. Практически действие закона больших чисел в конечном счете сводится к тому, что размах вариации возможных значений для средней величины оказывается гораздо меньше, нежели размах вариации между возможными значениями для отдельных индивидуальных случаев. Изучая размах вариации для ряда индивидуальных случаев, находящихся в более или менее аналогичных условиях, и сравнивая его с размахом вариации между средними величинами, также выведенными для более или менее аналогичных условий, можно наглядно убедиться в действии закона больших чисел.

* * *

Переходя к вопросу о действии закона больших чисел в советском хозяйстве, лучше всего начать с фактов. Выше было сказано, что проявление закона больших чисел можно видеть, сравнивая размах вариации — с одной стороны, индивидуальных явлений, с другой — охватывающих их совокупность обобщающих показателей. Показатель выполнения плана любой отрасли промышленности можно рассматривать как обобщающий в отношении показателей выполнения плана отдельных предприятий. Эти показатели можно рассматривать как обобщающие в отношении показателей выполнения плана отдельных цехов, отдельных рабочих и т. д. Таким образом в материале, на котором можно было бы анализировать вопрос о проявлении закона больших чисел, недостатка нет. Очевидно, чем больше поле явлений, охватываемых тем или иным показателем, тем — при прочих равных условиях — должен быть меньше размах колебаний этого показателя.

На 1 июля 1939 г. план добычи угля по всему СССР составлял около 390 тыс. т. Дневной план Донбасса равнялся 235 тыс. т. Это количество составлялось из 123 тыс. т — плана дневной добычи по Сталиноуглю, 86 тыс. т — по Ворошиловградуглю и 26 тыс. т — по Ростовуглю. В составе Ростовугля выделим Богураевуголь с планом

дневной добычи на 1 июля 1939 г. в 1 240 т и кроме того возьмем еще два объекта: Тквибульуголь — 1 019 т, Ткварчельуголь — 721 т. Совершенно ясно, что в случае действия здесь закона больших чисел колебания ежесуточных процентов выполнения плана должны быть тем больше, чем с меньшими объектами мы имеем дело. Мы не можем показать здесь отдельные цифры выполнения плана дневной добычи по каждому из этих объектов, да в этом и нет никакой надобности. Статистика имеет в своем распоряжении измеритель, специально предназначенный для измерения размаха колебаний (колеблемости). Оказывается, в течение июля (исключая выходные дни и дни, о которых газета «Индустрия» не дала сведений) этот измеритель составлял: для выполнения плана (выраженного в процентах) угледобычи по всему СССР — 0,9; для Донбасса — 1,1; для трех составных частей угольного Донбасса — 1,5; 2,7; 6,5. Даже соотношение между последними показателями отвечает соотношениям в размерах объектов: план дневной добычи больше всего по Сталиноуглю, примерно на одну треть меньше по Ворошиловградуглю и еще в $3\frac{1}{2}$ раза меньше по Ростовуглю. Если же перейти к трем еще меньшим объектам, то показатели колеблемости ежесуточных процентов выполнения плана в июле 1939 г. для них составили: Богураевуголь — 5,0, Тквибульуголь — 11,7, Ткварчельуголь — 11,7. Аналогичные результаты дает и анализ других материалов. Например, показатели выполнения плана погрузки в июне и июле 1938 г. обнаружили следующую колеблемость: по отдельным дорогам (из 40) — от 4,2 до 26,4 и в среднем — 12,0. Колеблемость же выполнения плана по всей сети в целом выражается всего лишь цифрой 3,5, т. е. меньше даже минимального из показателей колеблемости выполнения плана отдельных дорог.

Уменьшение колеблемости показателей по мере перехода ко все большим массам объектов представляет собой не что иное, как результат действия закона больших чисел. Конечно, самая колеблемость в свою очередь — один из показателей, характеризующих качество работы. Мы не имеем вовсе в виду считать большую сравнительно колеблемость по мелким объектам, вытекающую из закона больших чисел, каким бы то ни было оправданием неравномерности в их борьбе за выполнение плана. Разумеется, что показатели в тех случаях, когда колеблемость слишком велика, свидетельствуют о том, что предприятие «лихорадит». Но тем не менее в общем больший размах колебаний показателей выполнения плана по мелким объектам является хорошей иллюстрацией к тому, что закон больших чисел действует. Это значит также, что даже незначительное колебание цифры выполнения плана в обобщающих показателях по всем предприятиям должно обратить на себя особенное внимание, и не только потому, что ему соответствует нечто гораздо большее в величине самой продукции.

* * *

Нередко приходится слышать возражения против всего сказанного, сводящиеся к тому, что при такой постановке вопроса, якобы, невыполнение плана у работающих по-стахановски погашается недовыполнением плана у лодыря. Получается, будто работа стахановца и работа лодыря взаимно погашаются, будто стахановское движение изучается лишь «как нарушение некоей нормальной кривой»⁷. Как бы остроумно ни было построено это возражение, с ним, однако, нельзя согласиться.

⁷ «Плановое хозяйство», 1938, № 4, стр. 82; ст. Гуревича, За большевистскую теорию статистики.

Во-первых, как это ясно из всего предыдущего, речь ни в коем случае не идет об отклонениях от плановых заданий. Речь идет об отклонениях от тех показателей выполнения плана, которые соответствуют закономерности всего процесса в целом и, следовательно, уже включают в себя определенную степень перевыполнения плана.

Во-вторых, как мы уже отмечали выше, этот показатель, выражающий закономерность всего процесса в целом, вовсе необязательно должен быть одинаков для всех индивидуальных случаев, входящих в состав данной массы. Именно в этом смысл сталинского указания о том, что «...метод средних чисел, не корректируемый данными по районам, не есть научный метод»⁸. При анализе любого массового процесса мы должны различать в нем группы индивидуальных случаев, существенным образом отличающиеся друг от друга. Но даже и в каждой выделенной группе будет множество индивидуальных случаев, причем каждый из них даст определенное отклонение от выражающей закономерность показателя, отвечающего существенным особенностям группы.

В-третьих, необходимо иметь в виду, что как бы ни была важна группировка, о которой мы только что говорили, в наиболее общем виде итог борьбы за план выражается в обобщающих цифрах его выполнения, охватывающих в целом определенные отрасли хозяйства. Как же будет обстоять дело с этими общими показателями выполнения плана по целой отрасли хозяйства? Происходит ли здесь взаимное погашение работы стахановцев и, скажем, рабочих, давших по сравнению с ними меньшее перевыполнение плана, или рабочих, только выполнивших план, а иногда и недовыполнивших его? Опять-таки вопрос ставится о взаимном погашении не в арифметическом смысле слова, а в том смысле, который связан с действием закона больших чисел и который был выяснен выше. Ответить на этот вопрос приходится следующим образом. Если лучшие достижения представляют собой пока только отдельный рекорд, то, конечно, в общих показателях по всей отрасли хозяйства этот рекорд окажется погашенным. Мы этим вовсе не хотим отрицать значение рекордов как отдельных достижений, показывающих методы работы и пути к повышению производительности труда. Но пока это лишь отдельный рекорд, и, как бы он сам по себе ни был важен, он в обобщающих показателях все-таки значения иметь не будет. Если бы это было иначе, то плановое задание по всем отраслям хозяйства могло бы ориентироваться именно на наивысшие рекорды; между тем мы знаем, что такое планирование было бы в корне неправильным. Советские работники социалистического сельского хозяйства, недавно проведенное на Украине под руководством т. Хрущева, наметило ряд заданий по урожайности, за выполнение которых надо бороться. По сахарной свекле, например, совещание выдвинуло цифру 205 ц с гектара, между тем мы знаем, что отдельные колхозницы-стахановки достигли урожая свеклы свыше 1 000 ц с гектара.

При каких же условиях эти рекорды и в обобщающих показателях по всей отрасли не будут погашаться? Для того чтобы такого погашения не произошло, достигший рекорда стахановец должен не только открыть свой новый метод работы, но и внедрить его среди других с помощью руководителей и всех рабочих. Разумеется, речь идет не о том, чтобы этот рекорд был достигнут всеми рабочими без исключения, и даже не о том, чтобы он был достигнут большинством рабочих. Теория закона больших чисел показывает, что обобщающий показатель, средний результат зависит от одного из инди-

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 256.

видуальных значений тогда, когда от этого индивидуального значения зависят значения у такого числа индивидуумов, которое не бесконечно мало по сравнению с их общим количеством. Применительно к данному вопросу это означает, что достаточно, грубо говоря, чтобы методы работы данного стахановца уже успели оказать известное влияние на некоторую не бесконечно малую часть рабочих. Здесь мы вплотную подходим к той основной особенности в проявлении закона больших чисел в советском хозяйстве, о которой мы говорили выше. При отсутствии всякой связи между индивидуальными явлениями величина отклонения каждого из них определяется независимо от величины отклонения в других индивидуальных случаях. Так как при этом одно из отклонений оказывается направленным в одну сторону, а другое — в другую, при соединении их в большую массу они и погасят друг друга, в результате чего выступит наружу то, что определяется общими условиями протекания всего массового процесса в целом. Так, например, когда мы бросаем игральную кость, выпадение четного или нечетного числа очков при каждом отдельном бросании совершенно не зависит от того, каков результат других бросаний. На самой же кости четных граней столько же, сколько нечетных, т. е. для нее характерно отношение 1:1. При отдельных бросаниях произойдут отклонения от этого отношения то в одну, то в другую сторону. Однако теория закона больших чисел показывает, что при большом числе бросаний число четных результатов оказывается близким к числу нечетных. В этом и выступает наружу общее условие процесса — равенство числа тех и других граней на кости.

Гораздо более сложная картина получается в тех процессах, о которых мы говорили выше. Между результатами выполнения плана отдельных рабочих (предприятий и т. д.) существует определенная зависимость. Как раз важнейшим источником этой зависимости является то, что каждое достижение стахановцев стремятся воспринять все остальные члены коллектива. Если же связь такова, что заметная часть индивидуальных случаев в той или иной мере стремится повторять особенности одного или нескольких других индивидуальных случаев, то тем самым показатели этих последних из случайных превращаются в закономерные для всего массового процесса. Поэтому при отсутствии зависимости между индивидуальными случаями результатом действия закона больших чисел является обнаружение в обобщающих показателях лишь общих условий, существовавших еще до возникновения каждого индивидуального результата. В совокупности же зависимых друг от друга индивидуальных явлений результатом действия закона больших чисел является то, что в обобщающих показателях обнаруживаются не только эти условия, но и то, что определяется связью индивидуумов в самом совершении индивидуальных результатов. В этом и заключается отличие.

В стихийном капиталистическом хозяйстве связь между индивидуумами обнаруживается лишь на рынке, где сталкиваются результаты их труда. В нашем плановом хозяйстве эта связь непосредственно дана уже в самом производстве, протекающем по единому плану, при коллективном обобщении опыта лучших стахановцев, лучших предприятий и т. д.

Необходимо отметить, что не понимающие действия закона больших чисел в регулируемых планом и зависимых процессах и, следовательно, проявления закона больших чисел в условиях советского хозяйства выдвигают нередко и такое возражение. Пусть мы имеем дело пока еще только с рекордом отдельного стахановца. Пусть этот рекорд ни в какой части еще не стал достоянием других рабочих.

В таком случае — говорят они — выходит, что этот рекорд оказывается чистой случайностью. При этом опять-таки забываются основные положения диалектики необходимого и случайного. Действительно, отдельный рабочий, как один из совокупности рабочих, может достигнуть этого рекорда и может не достигнуть его. Самые цифры, в которых этот рекорд выражается, могли бы быть и иными. Но, с другой стороны, ясно, что рекорд определяется индивидуальными талантами и активностью в борьбе за план данного стахановца. Больше того — вообще самое появление этого рекорда в совокупности также не случайно. Последнее мы утверждаем, если угодно, именно на базе теории закона больших чисел. Победа социалистического строя неизбежно должна была вызвать к жизни стахановские рекорды. В силу закона больших чисел, как бы на первых порах ни была мала возможность их появления, они обязательно должны были появиться, так как в борьбе за план участвуют миллионы рабочих.

* * *

Если мы говорим, что изучение действия закона больших чисел в советских условиях требует рассмотрения этого закона в совокупности зависимых индивидуальных явлений, то это означает не только необходимость систематизации и анализа соответствующих фактов, но и дополнительной разработки математической теории закона больших чисел. Русские математики А. А. Марков и С. Н. Бернштейн, а в последнее время, и особенно плодотворно, А. Я. Хинчин и А. Н. Колмогоров несомненно много сделали в области изучения действия закона больших чисел в цепи связанных друг с другом явлений. Однако до самого недавнего времени считалось, что закон больших чисел проявляется только в таких явлениях, зависимость между которыми исчезающе мала. Между тем задача заключается в том, чтобы изучить теоретически действие закона больших чисел также и в цепи таких явлений, зависимость между которыми остается заметной даже и при беспредельном увеличении их количества. Отсюда ясно, что перед математиками и статистиками ставятся новые задачи. Принципиальная возможность расширения математических условий доказательства закона больших чисел заключается как раз в том, что имеется в виду проявление закона больших чисел в более широком смысле слова. Речь идет о соответствии показателя, охватывающего большую массу явлений, не только общим условиям, существовавшим еще до производства «испытания», но вместе с тем и тому, что обуславливается взаимной зависимостью между ними.

То обстоятельство, что проявление закона больших чисел, особенно в условиях советского хозяйства, гораздо более сложно, чем используемые до сих пор для его доказательства математические схемы, приводит многих к неправильному противопоставлению закона больших чисел как закона действительности математическим теоремам, выражающим этот закон. Коротко этот взгляд можно сформулировать следующим образом: закон больших чисел есть закон реальной действительности, а не система математических теорем.

Проф. Л. В. Некраш в своем, во многом интересном, новом учебнике заявляет: «Выражение «закон больших чисел» не может быть употребляемо безоговорочно, так как в него часто вкладывается различный смысл и содержание»⁹. Разъясняя первый из «двух» вкладываемых в это «выражение» смыслов, проф. Некраш говорит, что

⁹ Некраш, Курс общей теории статистики, Госпланиздат, 1939, стр. 355.

в нем «закон больших чисел выступает как реальный закон объективной действительности», и далее: «Закон больших чисел, как группа некоторых теорем теории вероятностей, и есть второй смысл, который часто вкладывается в это понятие»¹⁰. Тут же разъясняется, что весь грех буржуазной теории заключается в смешении этих «двух» смыслов.

Мы считаем, однако, такое противопоставление в корне неправильным. Ведь математические теоремы также выражают реальные отношения. Можно говорить, конечно, о том, что в реальных процессах эти отношения могут быть более сложными, чем те, которые до сих пор охватываются теми или иными математическими схемами. Но принципиальное противопоставление одного другому может вытекать только из явно идеалистической трактовки науки. Противопоставляющие закон больших чисел математическим теоремам попадают в положение человека, который в начале XIX в. стал бы утверждать, что закон больших чисел ничего общего не имеет с математическими теоремами, на основании того, что доказанная к тому времени теорема Бернулли охватывала только случаи, когда вероятность данного исхода от испытания к испытанию остается одинаковой, между тем как в действительности большей частью это условие не выполняется. Если бы этот человек дожил до 1837 г., он увидел бы в теореме Пуассона математическое доказательство того, что закон больших чисел распространяется и на случай испытаний с различными вероятностями данного результата. С не большим основанием в конце прошлого века можно было утверждать, что закон больших чисел ничего общего не имеет с математическими теоремами, так как эти теоремы не охватывают случаев наличия известной зависимости между отдельными испытаниями. Ряд работ акад. А. А. Маркова, относящихся к началу XX в., содержит математическое доказательство действия закона больших чисел и в цепи зависимых испытаний. Наука на то и наука, чтобы двигаться вперед, и это целиком и полностью относится и к математической теории закона больших чисел.

С этим связан и вопрос о том, какую роль может играть так называемая вероятностная постановка вопросов. Известно, что закон больших чисел получает свое математическое обоснование в теории вероятностей. Принципиальная возможность постановки вопроса о вероятности открывается уже указанными выше особенностями массового процесса. Они, повторяем, состоят в том, что для каждого индивидуального случая возможны различные результаты. Неизбежно возникает вопрос о том, должны ли мы оценивать эти возможности как одинаковые или как разные; можно ли говорить о том, что одна из этих возможностей больше, а другая меньше? В такой общей постановке положительный ответ на этот вопрос также совершенно ясен. В условиях развития стахановского движения вполне естественно, что результат, выражающийся в том или ином перевыполнении плана, гораздо более возможен, нежели результат, выражающийся в значительном невыполнении плана, хотя и требует приложения больших усилий. При этом превращение одного из возможных результатов в действительность происходит не автоматически и уж конечно не беспричинно, а путем активной борьбы за план. Вероятность и служит не чем иным, как мерой объективной возможности. Мы здесь совершенно оставляем в стороне вопрос о том, можно или нельзя конкретно определить ее величину для каждого отдельного случая. Речь идет не об этом, а о принципиальной возможности го-

¹⁰ Там же, подчеркнуто нами. — А. Б.

ворить о большей или меньшей вероятности (в объективном смысле слова) различных возможных результатов.

Но если мы говорим о большей или меньшей вероятности, служащей мерой этих различных возможностей, то уже тем самым сказано, что эти вероятности сравниваются друг с другом. С измерением же вероятностей связан вопрос о так называемых равновозможных шансах. Классическое определение гласит, что вероятность определяется через соотношение количеств равновозможных шансов, или «случаев». Внимательное рассмотрение роли равновозможных шансов во всей теории вероятностей показывает, что она сводится к роли единицы измерения. Точно так же мы сравниваем высоту двух гор, выражая высоту каждой из них в определенных единицах длины — метрах, футах и т. п. С помощью введения равновозможного шанса, служащего единицей измерения вероятностей, теория вероятностей устанавливает несколько основных правил оперирования ими, и этим роль равновозможных шансов полностью исчерпывается.

Однако находятся люди, которые при виде того, как вероятности измеряются отношениями количеств равновозможных шансов, приходят в священный трепет. Они начинают кричать, что таким путем в нашу советскую экономику протаскивается равенство различных возможностей. Эти любители болтать о вещах, содержание которых они представляют себе весьма смутно, доходят даже до попыток отмены ряда научных положений, в том числе и так называемой статистической закономерности. Так, т. Гуревич инкриминировал авторам учебников по статистике (в том числе и автору этих строк) «идеалистический вывод о существовании и в природе особой универсальной статистической закономерности»¹¹. Проф. Некраш вообще скромно умалчивает об этом. Ленин говорит: «Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии»¹².

По вопросу же о равновозможности достаточно заметить, что понятие равновозможных шансов необходимо в науке не для того, чтобы протаскивать равенство возможностей, а как раз наоборот — чтобы можно было подойти к оценке того, насколько различны разные возможности. Оказывается таким образом, что без равенства возможностей немислимо представить себе различие возможностей.

Наиболее серьезные возражения против понятия равновозможности выдвигались известным математиком фон-Мизесом, стоящим, как он сам заявляет, на позициях Маха. Но внимательное рассмотрение его взглядов показывает, что равновозможность, которую Мизес вытаскивает в дверь, настойчиво возвращается обратно через окно.

Таким образом, раз индивидуальный результат есть один из нескольких возможных результатов, мы имеем полное право говорить о вероятности этих различных возможных результатов. Для оперирования вероятностями необходимо иметь несколько основных правил. Для этого требуется, чтобы вероятности могли быть количественно сравнимы друг с другом. Последнее и базируется на понятии равновозможности.

* * *

¹ Ясная постановка вопроса о действии закона больших чисел в советском хозяйстве необходима для того, чтобы ликвидировать разрыв между теоретической разработкой вопросов статистической нау-

¹¹ «Плановое хозяйство», 1938, № 4, стр. 77.

¹² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 274.

ки и практикой. Отрицание действия закона больших чисел в советском хозяйстве лишает советского статистика и экономиста возможности использовать в своем анализе тот богатый арсенал средств, который имеется в распоряжении статистической науки. Выше мы показали, как закон больших чисел проявляется в цифрах выполнения плана угледобычи. Понимание этого закона позволяет гораздо лучше раскрыть все те условия, в силу которых кривая выполнения плана в отдельные периоды шла вверх или, наоборот, несколько снижалась. Если, например, трест, объединяющий два предприятия, вводит новый метод работы, практически еще не испытанный, и оказывается, что оба предприятия после введения этого метода перевыполнили план на 20%, то это еще не позволяет целиком отнести перевыполнение плана за счет введения нового метода. Здесь может иметь место случайное совпадение применения испытываемого метода и других мер, проведенных на каждом из предприятий. Но если после введения испытываемого метода план оказывается перевыполненным на 50 предприятиях, это доказывает, что новый метод хорош, что его нужно внедрять еще шире, что его нужно распространять. Конечно, нельзя при этом впадать в эмпиризм. Необходимо еще исследовать, не действовало ли одновременно с введением испытываемого метода на всех 50 предприятиях или на подавляющем большинстве их какое-либо новое условие. Но ясно, что уже самое рассмотрение каждого результата, не как фатально predetermined, а как одного из возможных результатов, открывает богатые перспективы в любом статистико-экономическом анализе и прежде всего кладет конец всяким попыткам протаскивания в статистике «теории объективных условий».

В обобщающих показателях находит отражение то, чего коллектив добился именно как коллектив, т. е. результаты действий общего руководителя всего коллектива и результаты действий отдельных его членов в той мере, в какой результат работы других членов коллектива связан с их индивидуальными результатами. Без понимания этого нельзя ступить и шага вперед в экономическом анализе статистических материалов, в анализе отчетов отдельных предприятий и т. д. Вот почему мы считаем, что ликвидация ошибочных взглядов относительно сферы действия закона больших чисел в советском хозяйстве настоятельно необходима, ибо существование таких взглядов мешало налаживанию связи между теорией статистики и практикой, мешало практически использовать все богатство методов статистического анализа.

И. БЛЮМИН

ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Историческая школа в политической экономии

Французская буржуазная революция 1789 г., а также последующие события значительно усилили интерес к вопросам истории. Возникли исторические школы в области права, языкознания; историческая тематика стала занимать все большее и большее место и в художественной литературе. Такое увлечение историей представляло своеобразную реакцию против просветительной философии XVIII в., которая рассматривала феодальные институты как искусственные явления, порожденные невежеством. Разумному, естественному порядку просветители противопоставляли историческое прошлое как область неразумного, ненормального, неестественного.

За этим резко усилившимся интересом к вопросам истории скрывались двоякого рода тенденции. С одной стороны, идеологи дворянства, напуганные французской буржуазной революцией, пытались повернуть внимание общества к вопросам истории и использовать исторические исследования для идеализации феодального прошлого. На этой почве создавался вульгарный историзм, преследовавший определенные апологетические цели. С другой стороны, к истории обращались критики капитализма из социалистического лагеря с целью обосновать преходящий характер капитализма. Элементы научного историзма мы встречаем в работах великих социалистов-утопистов, особенно у Фурье. Наиболее полное завершение и развитие научный историзм получил в работах Маркса и Энгельса.

Маркс в письме к Энгельсу от 25 марта 1868 г. писал: «Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция,— и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают своей связи с ним,— заключается в том, чтобы заглянуть за средневековье в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до *egalitarians to a degree*¹, которые привели бы в ужас самого Прудона»².

Наиболее ярким проявлением вульгарного историзма была историческая школа права, возникшая в Германии в начале XIX в. Она представляла собой реакцию против французской революции 1789 г. и свою критику направляла главным образом против учения о естественном праве. Основной метод апологетики этой школы заключался в оправдании частной собственности, социального неравенства и всяких форм зависимости трудящихся от господствующих классов на том основании, что все эти явления имеют длительную историю и опираются на вековые традиции.

¹ Уравнителей такого рода.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 34.

Маркс в своей статье «К критике гегелевской философии права» очень метко выразил специфику апологетических методов исторической школы права: «Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут... — эта историческая школа права изобрела бы немецкую историю, если бы она не была изобретением немецкой истории»³. Маркс сравнивает историческую школу права с Шейлоком, который «...клянется в каждом фунте мяса, вырезанном из народного сердца, ее векселем, ее историческим векселем, ее христианско-германским векселем»⁴.

Историческая школа права оказала значительное влияние на формирование исторической школы политической экономии. Вильгельм Рошер (1817—1894 гг.) в предисловии к своей книге «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода» писал, что метод исследования в политической экономии должен быть аналогичен методу Савиньи — Эйхгорна в юриспруденции. Историческая школа политической экономии заимствовала у исторической школы права тенденцию к использованию истории в чисто апологетических целях — для оправдания настоящего: она так же строит свою аргументацию на противопоставлении исторических законов естественным; она так же выдвигает этический фактор в качестве решающего. Обе исторические школы объединяют борьба против буржуазного просветительства и защита исторически сложившегося в Германии в начале XIX в. полуфеодального, полукapиталистического строя. Представляя собой разновидность вульгарной экономии, историческая школа политической экономии ставит своей основной задачей апологетику капиталистического строя. Но эту апологетику она осуществляет специфическими методами, взяв в качестве основного объекта своей защиты прусский путь развития капитализма. Путь этот «...характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодальные черты»⁵. Историческая школа, будучи ветвью буржуазной политической экономии, отражает идеологию немецкой буржуазии, действующей в стране, в политической жизни которой господствующую роль играет юнкерство. В связи со всеми этими специфическими условиями историческая школа усиленно защищает то положение, что капитализм исторически возник из феодализма, что его право на существование оправдано многочисленными связями с полуфеодальными учреждениями. Выступая в качестве идеологов буржуазного развития, представители исторической школы всячески стараются обосновать общность интересов буржуазии и юнкерства.

* * *

Различают старую и молодую историческую школу. Старая историческая школа возникла в 40-х годах прошлого столетия. Крупнейшим событием этой эпохи является буржуазная революция 1848 г., оказавшая огромное влияние на экономическое и политическое развитие Германии. Революция 1848 г. обусловила быстрое развитие капиталистического способа производства. Энгельс писал, что она двинула вперед промышленную революцию.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 401.

⁴ Там же.

⁵ Ленин, Соч., т. XII, стр. 269.

В 40-х годах в Германии значительно усилилось демократическое и социалистическое движение на базе утопического социализма. Против этого движения и направляла свои удары историческая школа, родоначальником которой считается Вильгельм Рошер. В самом заглавии его книги, выпущенной в 1843 г., содержится обещание пересмотреть политическую экономию на основе нового метода — исторического. Сущность последнего Рошер усматривает в том, что экономист не должен ограничиваться изучением современных хозяйственных форм, что он должен привлекать большой исторический материал и в частности — историю древних народов. Рошер еще не противопоставлял свой «исторический метод» методологии классической школы. В предисловии к своей книге он заявил, что, хотя эта книга значительно отличается от работ школы Рикардо, он, Рошер, никоим образом не ставит основной целью противопоставление своей работы трудам этой школы или замену ее исследований своими выводами. К представителям исторического метода Рошер причисляет и Адама Смита, который в «Богатстве народов» привлекает большой исторический материал. Близко к этому методу, по мнению Рошера, подходит и Мальтус.

Значительно резче выражена концепция исторической школы у Бруно Гильдебранда (1812—1876 гг.). Основная работа его — «Национальная экономия настоящего и будущего» — была выпущена в год революции, в 1848 г. Труд этот носит на себе непосредственный отпечаток бурных событий, разыгравшихся тогда в Европе. Гильдебранд стремился использовать его как оружие в политической борьбе. На первой же странице своей книги он заявляет, что политическая экономия за последнее время переживает новую эпоху: она вышла уже из научных кабинетов и перестала быть достоянием одних только ученых. Гильдебранд очень много внимания уделяет критике французских социалистов-утопистов и ранней работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», причем Энгельса он характеризует как наиболее выдающегося из немецких социалистов. В работе Гильдебранда встречаются упоминания и о Марксе, но его Гильдебранд знал только по статьям в «Немецко-французских ежегодниках». В работе Гильдебранда апологетические цели «исторического метода» выражены значительно более откровенно, нежели у других сторонников исторической школы.

Крупным представителем старой исторической школы является также Карл Книс (1821—1898 гг.), выпустивший в 1853 г. книгу под заглавием «Политическая экономия с точки зрения исторического метода». Книс, подобно Гильдебранду, направляет свой основной удар против классической школы. В работах Книса методология исторической школы получила наиболее законченное выражение. Из них позднейшие сторонники этой школы (представители так называемой молодой исторической школы) черпали свою главную аргументацию против теоретической разработки экономических вопросов. В работах Книса, по существу, дается «обоснование» необходимости ликвидации политической экономии как теоретической науки.

* * *

Прежде чем приступить к критическому рассмотрению методологии исторической школы, необходимо сделать одно предварительное замечание. Было бы совершенно бесплодным делом заниматься анализом «теорий» исторической школы — стоимости, денег, заработной платы, прибыли, земельной ренты и т. д. — по той простой причине, что этих «теорий» не существует в природе. Их и не могло быть,

поскольку историческая школа рассматривает политическую экономию не как теоретическую, а как описательную науку. Вся «теоретическая» работа исторической школы ограничивается двумя направлениями: критикой классической школы и учения социалистов (в этом направлении больше всего старался Гильдебранд) и рассмотрением общих методологических вопросов, а также «обоснованием» ненужности теоретической экономии (наиболее крупным «специалистом» в этой области является Книс). Позитивной разработкой отдельных исторических проблем политической экономии историческая школа не занимается. Правда, у отдельных представителей этой школы мы встречаем высказывания по различным теоретическим вопросам и даже специальные работы (например, работа Книса «Деньги и кредит»). Но эти «теоретические» высказывания не представляют самостоятельного интереса для истории экономической мысли. Во-первых, они заимствованы у других вульгарных школ. Во-вторых, в «теоретических» высказываниях представителей исторической школы не отражается какая-то единая точка зрения, характеризующая определенное направление; каждый из экономистов, примыкающий к этой школе, выступает в теоретических вопросах на свой страх и риск. В результате получается мешанина из самых различных вульгарных «теорий».

Основным объектом критики учения классиков со стороны представителей старой исторической школы является учение о естественных законах. Учение классиков о «естественном порядке», естественных законах и т. д. имело метафизический характер. Оно было построено на предпосылке, что капитализм представляет собой естественный строй, соответствующий природе вещей. Но в этом метафизическом учении заключалось, однако, рациональное зерно. Своим учением о «естественном порядке» классики вскрыли имманентные стихийные законы капиталистического общества, действующие независимо от произвола отдельных государственных деятелей. Адам Смит и Рикардо показали всеислие стихийных законов капиталистического общества. Это было их крупнейшей научной заслугой. Но, как писал Ленин, «...классики нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. Оба эти недостатка исправлены материалистическим историзмом...»⁶.

Историческая школа, выступая с критикой учения классиков о естественных законах, отвергала то научное зерно, которое заключалось в этом учении. Она пришла фактически к отрицанию имманентных закономерностей в общественной жизни. Наиболее детальная критика учения о естественных законах дана в работе Книса. Хозяйственную жизнь он определяет взаимодействием двух факторов: реального, или природного, или вещественного, и персонального, или духовного. Книс резко противопоставляет природу и общество. Первая, по его мнению, не развивается, что якобы дает основание для действия естественных законов. Сущность последних Книс сводит к тому, что постоянные причины всегда вызывают одни и те же, неизменные результаты. Совершенно по-иному выглядит, согласно его трактовке, человеческое общество: там выступает новый фактор — развитие, которое якобы исключает возможность осуществления естественных законов. Для подкрепления своих позиций Книс прибегает к чисто идеалистическим аргументам. Он противопоставляет необходимость и закономерность, проявляющиеся в области природы, свободе, господствующей в области человеческих отношений. Духов-

⁶ Там же, т. XVII, стр. 270.

ная жизнь, по Кнису, не подчиняется определенным законам и развивается у каждого народа своими путями. Исторические события неповторимы; они не могут быть уложены в какую-то общую формулу естественных законов.

Критика учения о естественных законах в области экономики, данная исторической школой, основана на идеалистических предпосылках. Книс противопоставляет естественные законы развитию. Он не понимает, что развитие общества осуществляется на основе определенных, исторически обусловленных и ограниченных, законов, действующих столь же непреложно, как и законы в области природы. Он исходит из совершенно неправильного, метафизического представления, будто в области природных явлений не может быть развития. В действительности же нет того абсолютного разрыва между миром природы и миром общественных явлений, который устанавливает Книс,— и здесь и там господствует необходимость. В этом пункте особенно наглядно выступает антинаучный характер исторической школы, ибо она стремится ликвидировать основные научные завоевания классиков.

Критика «историками» учения о естественных законах своим острием направлена против «космополитизма» классической школы. Историческая школа отрицает наличие общих для всех стран законов капиталистического развития. У каждого народа, с этой точки зрения, свои пути хозяйственного развития, определяемые каждый раз специфическими условиями развития данной нации. Исходя из такого понимания хозяйственного развития, историческая школа трактует политическую экономию как национальную науку, которая должна изучать хозяйство лишь определенного народа.

Наиболее подробно эта концепция развита в работах Книса. Он выдвигает положение, что по мере общего культурного роста национальные различия будут все усиливаться. Поэтому он считает, что попытки установления общих экономических законов становятся все более и более безнадежными. В качестве иллюстрации положения исторической школы о том, что не существует общих законов хозяйственного развития для разных народов, можно привести точку зрения Книса на рабовладельческое хозяйство. Основные корни рабства он усматривает в национальной психологии народов античного мира. Древние греки и римляне, по мнению Книса, видели весь смысл своего существования в общественной и политической жизни и считали хозяйственную деятельность недостойной себя; это, мол, и сделало необходимым рабство как определенное экономическое явление. Победа германских народов, национальная психология которых была иной, привела к ликвидации рабства. Из всей этой надуманной схемы Книс делает следующий вывод: «Нельзя рассматривать рабство как аналогичную фазу экономики, встречающуюся у всех народов на одинаковой стадии культуры; это был институт, который был связан с личными особенностями тех народов, с народным представлением о жизненном призвании граждан, с бесправием иностранцев, с обездоленностью побежденных и т. д.»⁷. Из этого примера особенно наглядно видно, что учение «историков» о политической экономии как о национальной науке закрывает путь для понимания общественно-экономических формаций. Критика «историков» в этом пункте направлена против научных элементов в экономическом учении классиков. Абстрагировавшись от национальных особенностей, классики пытались уяснить наиболее общие закономерности капиталистическо-

⁷ K n i e s, Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, 1883, S. 391.

го производства, которое они отождествляли с производством вообще. Без применения этой абстракции они не могли бы раскрыть физиологию буржуазного общества, не могли бы выяснить взаимоотношения между отдельными категориями политической экономии капитализма. Выяснение национальных особенностей развития капитализма в отдельной стране возможно лишь на основе общей теории капиталистического производства.

Старая историческая школа уделяла очень много внимания критике абстрактного метода классиков. Абстракции, применяемые последними, имеют ряд принципиальных недостатков, из которых основным является абсолютизация всех экономических категорий капиталистического способа производства, вытекающая из непонимания его преходящего характера. «Историки» в своей критике абстракций классиков вместе с водой выплескивают и ребенка, т. е. критикуют и то, что было положительного в их учении, что сделало возможным создание научной политической экономии. Без применения абстракции невозможен научный анализ в политической экономии. Маркс в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» писал, что «...при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»⁸. Отказываясь от абстракции как метода в политической экономии, историческая школа лишила своих сторонников возможности теоретического анализа экономических явлений.

Одним из излюбленных аргументов исторической школы было указание на то, что классики игнорируют связь экономики с другими областями общественной жизни — правом, этикой, общим культурным развитием и т. д. «Историки» все время подчеркивали необходимость изучения взаимодействия между экономикой, правом, этикой и другими областями общественной жизни. Осуществление этого требования в практике «историков» приводит к смешению в одну кучу самых разнородных общественных явлений. И в этом направлении представители исторической школы отвергли то, что было рационального в учении классиков. Последние, пользуясь методом абстракции, выделили из всей совокупности общественных отношений экономические отношения и подвергли их самостоятельному исследованию. Тем самым политическая экономия была выделена как самостоятельная наука.

* * *

Необходимо различать подлинный, научный историзм, характеризующий марксистско-ленинскую политическую экономию, и вульгарный историзм, проповедуемый исторической школой.

В основе подлинного историзма лежит представление о том, что развитие общественно-экономических формаций есть естественно-исторический процесс. Подлинный историзм требует, чтобы каждую формацию рассматривали в ее возникновении, развитии и гибели; он раскрывает необходимость революционных переходов от одной формации к другой, выясняет качественные сдвиги в экономической структуре общества.

Вульгарный же историзм всячески старается замазать необходимость революционных взрывов; он принципиально враждебен материалистической диалектике. В основе вульгарного историзма лежит идея эволюции, т. е. спокойного, медленного развития, не сопровождающегося революционными переворотами. Вульгарный историзм

⁸ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. XIII.

сводит развитие к чисто количественному изменению хозяйственных явлений, к нарастанию или ослаблению определенных качественно однородных признаков. Он принципиально отвергает возможность глубоких качественных сдвигов в экономике человеческого общества. Отличительная черта вульгарного историзма — антиисторичность. Поэтому он исходит из вечности категорий товарно-капиталистического общества (товара, денег, капитала, частной собственности и т. д.). Основная целевая установка вульгарного историзма заключается в том, чтобы оправдать капиталистический строй, его эксплуатацию и пролетарское состояние масс «вековыми традициями», уходящими своими корнями в далекое прошлое. Не случайно вульгарный историзм получил такое распространение в Германии: для последней характерно развитие капитализма по прусскому пути, при котором капитализм надолго сохраняет полуфеодалные черты. Старая историческая школа старалась оправдать капитализм его близостью к феодальному строю. Она пыталась отвлечь народные массы от революционной борьбы с прогнившим феодально-крепостническим строем. Своим учением она старалась «обосновать» компромисс между феодальными и буржуазными элементами. Восхвалением вековых традиций она старалась создать культ прусского юнкерства. В этом отношении историческая школа отразила характерную черту прусской буржуазии. Пруссия, — писал Ленин, — «образец стран, в которых поразительная экономическая мощь буржуазии соединяется с поразительным раболепством ее перед помещиками»⁹.

В работах старой исторической школы можно встретить немало указаний на вечность категорий, характеризующих товарно-капиталистическое общество. Рошер, например, считает, что со времен Адама не было ни одного человека, который мог бы работать без применения капитала; он наделяет капиталом первобытного дикаря. Наряду с этим он устанавливает наличие «немогущих пролетариев первобытных лесов». Рошер старается показать сходство социально-экономических явлений во всех стадиях общественного развития, в то время как различие, с его точки зрения, составляет лишь исключение.

Отдельные представители исторической школы говорят иногда об историческом характере тех или иных экономических категорий. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот «историзм» сводится к указанию на изменение второстепенных признаков, характеризующих данную категорию. В качестве иллюстрации сошлемся на Книса. В его основной работе — «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» — есть специальная глава с весьма многообещающим заголовком — «Частная собственность как историческое явление». В анализе этого вопроса Книс исходит из того, что частная собственность существует у всех народов, что она представляет собой вечный институт. Книс совершенно снимает вопрос о возникновении и гибели частной собственности. В чем же он усматривает исторический характер этого института? Книс исходит из того, что вообще нигде нет неограниченного права частной собственности, что государство всюду в той или иной мере ограничивает права собственника. Исторический характер частной собственности Книс усматривает в том, что у отдельных народов в разных стадиях развития эти ограничения имеют неодинаковый характер. Таким образом, Книс подменяет коренной вопрос об историческом характере частной собственности как преходящей категории второстепенным вопросом об изменении вмешательства государства в права собственника.

⁹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 446.

Книс во втором издании своей работы (1883 г.) написал специальный раздел об историческом понимании капитала. В этом разделе он в частности критикует учение Маркса о капитале как об исторической категории. Исходя из излюбленного буржуазными экономистами представления о капитале как о совокупности средств производства, Книс делает вывод, что капитал возникает с первыми шагами хозяйственной культуры и что все дальнейшее развитие этой культуры немыслимо без капитала, как оно немыслимо без участия природы и труда¹⁰. Этот вывод Книса лишний раз показывает, как далека историческая школа от понимания исторического характера экономических категорий.

Вульгарный историзм преследует вполне определенные, апологетические цели. Его задача заключается в том, чтобы использовать своеобразно интерпретированную историю для борьбы с революционным движением и социалистическим учением. Историческая школа стремится создать культ «священных» традиций. Апологетический характер исторической школы особенно явно сказывается в работе Гильдебранда. Последний обвиняет социалистов в игнорировании истории, в недостаточном уважении к исторически сложившимся институтам. «Социалисты игнорируют,— пишет он,— что каждое новое образование, которое пробегает человеческий род в своем развитии, может вырастать только из старых, уже имеющих элементов и должно питаться соками из уже имеющейся почвы»¹¹. Смысл этого положения Гильдебранда в том, что поскольку новое общество вырастает из старого, нужно очень бережно относиться к последнему и ни в коем случае не ломать его. Изучение истории, по мнению Гильдебранда, должно внушить такое глубокое уважение к вековым историческим традициям, чтобы всякое желание нарушить эти священные традиции было убито. Гильдебранд старается «опровергнуть» критику частной собственности со стороны социалистов ссылкой на якобы исторические положения. Он бросает социалистам обвинение в том, что они игнорируют историю, не учитывают исторических уроков. Основной «урок» истории, по мнению Гильдебранда, в том, что частная собственность представляет собой самый мощный рычаг развития человеческого духа. Из истории различных народов вытекает, мол, вывод, что частная собственность все более укрепляется, освобождается от ряда ограничений и становится якобы все более и более всеобщей.

Чтобы дискредитировать социалистов, «историки» выдвигают положение, будто социалистическое и коммунистическое учения существовали еще в глубокой древности и будто они всегда были бесплодны. Рошер пишет, что социалистическое движение следует рассматривать как «болезнь, почти регулярно повторяющуюся у народов высоко развитых в известный период их жизни». Гильдебранд также использовал для критики социалистических и коммунистических теорий то положение, что они, мол, не представляют ничего оригинального. «Учения этого рода,— писал он,— так же стары, как размышления человека о его земном назначении и об обосновании его счастья. От Платона до Кабэ почти каждое столетие имело своих коммунистических теоретиков»¹². О принципиальном различии между античным коммунизмом Платона и утопическим коммунизмом Кабэ Гильдебранд не говорит ни слова. Его задача заключается в том, чтобы

¹⁰ K n i e s, Op. cit., S. 106.

¹¹ H i l d e b r a n d, Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848, S. 264.

¹² I b i d., S. 98.

показать, что социалистические идеи XIX в. якобы столь же бесплодны, как социалистические идеи в античном мире и в средние века.

Историческая школа старается использовать для борьбы с социалистическими теориями и историю хозяйственного развития, интерпретируя ее по-своему. В этом отношении опять-таки характерен Гильдебранд. Социалисты, заявляет он, стоят на той же космополитической точке зрения, что и Руссо и Адам Смит. В этом заключается, по его мнению, основной методологический порок социалистических учений. Последние, мол, игнорируют бесконечное разнообразие условий хозяйственного развития отдельных народов, огромное различие в их правах, жизненных привычках, образовании, историческом опыте, социальных традициях и т. д.¹³ У каждого народа, по Гильдебранду, свои пути хозяйственного развития, и поэтому нельзя выдвигать какие-то общие социально-экономические идеалы для всех народов. Социализм может быть хорош для англичан и французов, но его нельзя рассматривать как общую цель для всех народов. Пусть каждый народ выбирает свои национально-экономические идеалы. Эту же мысль Рошер выразил следующим образом: «Хотя изменяемость учреждений и законов не есть зло, которое нужно искоренять (очень любопытная постановка: Рошер так великодушен, что согласен квалифицировать изменения социальных институтов как зло терпимое.—И. Б.), но, однако, одного экономического идеала не может быть для народов так же, как платье не шьется по одной мерке»¹⁴. Эту аналогию Рошера позже пытался использовать Зомбарт в своей работе «Немецкий социализм».

* * *

Из основных методологических положений старой исторической школы вытекал один вывод — политическая экономия должна быть превращена в описательную науку. Рошер, Гильдебранд и Книс еще не решались сделать такой вывод. Они лишь подготовили почву для торжества ползучего эмпиризма, которое связано уже с работами так называемой молодой исторической школы. Последняя выступила на сцену в 70-х годах прошлого столетия.

1870—1871 гг. представляют переломный пункт в истории Германии. Происходит объединение Германии. Начинается форсированное развитие капитализма. Германия становится крупнейшей индустриальной державой. Наряду с этим происходят сдвиги в области классовых взаимоотношений. Важнейшим фактом является создание социал-демократии, сразу ставшей крупной общественной силой. Напуганная ростом революционного рабочего движения, буржуазия быстро отказывается от игры в оппозицию и заключает тесный блок с юнкерством. Созданию этого блока способствовал также переход Германии в конце 70-х годов от фритредерства к жесточайшему протекционизму.

Если старая историческая школа, ставившая своей главной целью борьбу с назревавшей в Германии буржуазно-демократической революцией, в основном была направлена против классической школы и утопического социализма, то молодая историческая школа видела свою главную задачу в борьбе против революционного рабочего движения и его идеологии — марксизма. В этом отношении весьма показательным является высказывание главы этой школы Густава Шмоллера в его ректорской речи в Берлине в 1897 г. «Огромная экономическая литература с 1750 по 1870 год,— говорил Шмоллер,—

¹³ Ibid., SS. 262—263.

¹⁴ Рошер, Начала народного хозяйства, М. 1860, т. I, стр. 53.

представляла скорее муки родов новой науки, зародыши и зачатки ее, чем самую науку. Позволительно утверждать даже больше: только в сознательном противопоставлении обоим направлениям экономической науки, старейшее из которых достигло высшего уровня уже в лице Рикардо, а младшее в лице Маркса, которые с того времени начали склоняться к упадку, только так и могла развиваться новая, действительная наука о государстве, обществе и народном хозяйстве. Эта наука отторгла от себя политико-практический агитаторский характер». Шмоллер, как мы видим, прямо противопоставляет свои работы и работы примыкающих к нему экономистов исследованиям Рикардо и Маркса. Ссылка Шмоллера на то, что новейшая экономическая наука отвергает «политико-практический агитаторский характер», ясно указывает на враждебное отношение этой «науки» к революционному движению.

Свою борьбу с революционным марксизмом молодая историческая школа проводит прежде всего в форме отказа от экономической теории. Она пытается подменить политическую экономию историей народного хозяйства, причем все свое внимание концентрирует не на больших проблемах и узловых вопросах хозяйственной истории, а на монографиях, посвященных истории небольших, узко локальных хозяйственных институтов. Шмоллер — сторонник монографического исследования специальных вопросов хозяйственной истории. Особое внимание молодая историческая школа уделяет истории средневековья, в частности истории ремесленных цехов и купеческих гильдий отдельных городов средневековой Германии. В качестве иллюстрации к излюбленной тематике этой школы приведем названия некоторых наиболее известных работ ее: Шмоллер — «Страсбургский суконный цех» (1879 г.), Шенберг — «Финансовые отношения города Базеля в XIV и XV столетии» (1879 г.), Карл Бюхер — «Население Франкфурта на Майне в XIV и XV столетии» (1886 г.), Готштейн — «Хозяйственная история Шварцвальда» (1892 г.) и т. д. В этих монографиях собран большой и ценный материал. Но коренной недостаток молодой исторической школы состоит в том, что она эти монографические исследования противопоставляет разработке теоретической экономики. Для характеристики взглядов этой школы весьма показательна следующее высказывание Шмоллера: «Она (историческая школа.— И. Б.) требует прежде всего историко-хозяйственных монографий..., ей особенно важно выяснить прежде всего возникновение отдельных хозяйственных институтов, а не всего народного хозяйства или универсального мирового хозяйства. Нет нужды ставить широкие исторические проблемы, надо при помощи строго исторического метода изучать единичное»¹⁵.

Шмоллер в целом ряде статей и публичных выступлений защищал ту мысль, что пока экономисты должны ограничиться собиранием материала. Обобщение этого материала, его теоретическое осмысление Шмоллер рассматривает как задачу будущих поколений. Прежде нужно накопить материал, а затем теоретически обобщить его — таков лейтмотив Шмоллера. Современную стадию экономической науки он характеризует как «эпоху эмпирии». «За эпохой утонченной эмпирии,— говорит он,— должна следовать эпоха высшего рационального упорядочения эмпирического материала»¹⁶.

При таком подходе политическая экономия как наука ликвидируется, и делается невозможным научное объяснение тех специальных вопросов истории народного хозяйства, которым посвящено боль-

¹⁵ Schmoller, Grundriss der Nationalökonomie, B. I, S. 120.

¹⁶ Schmoller, Grundfragen der Sozialpolitik, S. 280.

шинство монографий молодой исторической школы. Последняя наибольшее внимание уделяет истории ремесла и вообще мелкого производства. Простое товарное хозяйство в виде ремесленного и крестьянского производства существует в самых различных общественно-экономических формациях, начиная с эпохи разложения первобытно-общинного строя. Но в каждой формации простое товарное хозяйство имеет свои особенности. Условия развития этого хозяйства определяются движением господствующего способа производства и основными классовыми противоречиями данной общественно-экономической формации. Без общего учения об экономическом законе движения общества, без анализа отдельных общественно-экономических формаций, без анализа таких категорий, как товар, капитал и т. д., нельзя выяснить специфические формы развития экономических противоречий, например в цеховом ремесле. Отсутствие научной методологии (наряду с сознательным стремлением к идеализации средневековья) приводит к совершенно извращенному представлению о цеховом ремесле. Представители молодой исторической школы обычно игнорируют дифференциацию, происходившую в среде средневековых ремесленников. Отожествляя цеховые статуты с действительными отношениями, они рисуют картину идиллического благоденствия средневековых ремесленников, среди которых якобы царило полное единство, не было ни богатых, ни бедных. Богатый материал, собранный молодой исторической школой по вопросу о ремесле, получил совершенно неправильное освещение в работах этой школы. То же можно сказать и о других исследованиях этой школы, посвященных истории финансов, торговли, кредита и т. д. Отсутствие научной методологии лишает историческую школу возможности правильного объяснения и истолкования огромного материала, собранного ею по всем этим вопросам.

Наиболее резко заострил вопрос о необходимости отказа от теоретической экономики Луйо Brentano. В своей вступительной лекции, прочитанной в Венском университете в 1888 г., он высказался против создания «чистой экономики» (так буржуазные экономисты называют теоретическую экономию). Политическая экономия, по его мнению, должна быть заменена историей народного хозяйства и экономической статистикой. Brentano ставит учение меркантилистов, сосредоточивших свое основное внимание на рассмотрении различных способов регламентации государством народного хозяйства, выше учения физиократов, стремившихся вскрыть имманентные законы в области экономики. В своей критике абстрактного метода Brentano заходит так далеко, что отвергает самые элементарные и общепринятые положения, например тенденцию к уравниванию заработной платы для рабочих одной квалификации в разных отраслях или положение о том, что цена земельных участков определяется доходом, приносимым этими участками. Критикуя эти положения, Brentano ссылается на то, что в ряде случаев они не осуществляются. О Brentano (как и о других представителях молодой исторической школы) можно сказать, что из-за деревьев он не видит леса. Занимаясь только описанием и коллекционированием фактов, Brentano неспособен заметить самые элементарные тенденции капиталистического хозяйства, которые проявляются на фоне непрерывных нарушений и отклонений, как «внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей...»¹⁷.

Получив эмпиризм, характеризующий все работы молодой исторической школы, имеет определенную классовую целеустремленность.

¹⁷ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 268—269.

Цель его — отвлечь внимание политической экономии от рассмотрения острых теоретических вопросов. В своей борьбе с марксизмом молодая историческая школа применяет самый легкий метод: отвергая теоретическую экономию, она тем самым отвергает марксизм как определенное теоретическое направление.

В целях борьбы с марксизмом молодая историческая школа резко выпятила идеалистическую точку зрения в понимании экономических явлений, сделав основной акцент на определяющей роли этических факторов. Шмоллер, например, определяет народное хозяйство как систему нравственных и физических сил. Основное внимание он уделяет рассмотрению нравственных сил. Все экономические явления, по его мнению, имеют нравственный смысл. «Хозяйственная организация каждого народа,— пишет он,— есть не что иное, как описанный жизненный строй. Она находит свое существенное выражение в этических правилах, в хозяйственных нравах, в хозяйственном праве каждого народа». В частности Шмоллер настойчиво подчеркивает, что рабочий вопрос есть вопрос этический. В основе этой концепции лежит, как указывал Ленин, бессодержательное и фальшивое представление «...о «внеклассовом» происхождении и значении юридико-политических учреждений...»¹⁸.

Остановимся вкратце на «этической» трактовке рабочего вопроса. Это позволит нам лучше вскрыть настоящую подоплеку выпячивания «этической» стороны экономических вопросов. В качестве иллюстрации возьмем работу сподвижника и единомышленника Шмоллера, проф. Г. Шенберга — «Положение труда в промышленности», в которой детально рассматривается рабочий вопрос.

Шенберг выдвигает прежде всего проблему — чем объясняется возникновение рабочего вопроса. Как истый буржуазный апологет, Шенберг отвергает учение об обнищании рабочих и положение последних он рисует в весьма розовых красках. Рабочий вопрос, по мнению Шенберга, возник якобы из более развитого правового сознания, из более высоких начал морали и гуманности, которые получили распространение среди имущих классов. Разрешение рабочего вопроса Шенберг пытается представить как благородный акт буржуазии, руководимой, мол, самыми возвышенными этическими соображениями. При такой «трактовке» рабочий вопрос очень легко представить как этический. «Рабочий вопрос,— лицемерно пишет Шенберг,— ...есть вопрос об осуществлении для рабочей части народа требований морали, гуманности и справедливости сообразно задачам и целям современного государства и общества»¹⁹. Последняя оговорка является не лишней. В ней выражен тайный смысл всех лицемерных обещаний Шенберга: «разрешение» рабочего вопроса должно соответствовать задачам и целям современного, т. е. капиталистического, общества. Чтобы «разрешить» рабочий вопрос, по Шенбергу, нужно лишь устранить ряд моральных недостатков. Шенберга очень беспокоит моральный уровень пролетариата. Поэтому он прежде всего обращается к рассмотрению моральных «недостатков» рабочих. Он не скупится на перечисление их: здесь и «недостаток трудолюбия и бережливости, в связи с нехозяйственным употреблением дохода», и «враждебное, доходящее иногда до фанатической ненависти отношение к обеспеченным классам, особенно к работодателям, и недоверие к бескорыстным, гуманным учреждениям и мероприятиям их, направленным на благо рабочих», и «злоупотребление свободой коалиций для предъявления чрезмерных требований относительно заработной платы

¹⁸ Ленин, Соч., т. II, стр. 373.

¹⁹ Шенберг, Положение труда в промышленности, М. 1896, стр. 8.

и для стачек, не имеющих достаточных оснований, а также терроризирование рабочих, не присоединившихся к забастовке», и «усиление социал-демократического движения, которое желает не мирной реформы, но насильственного переворота...»²⁰.

Как видим, «этика» в представлении молодой исторической школы весьма своеобразна — она выполняет чисто полицейские функции по охране существующих капиталистических порядков. Беспреданное жонглирование «этическими» соображениями и аргументами имеет определенный апологетический смысл. Это — своеобразная форма «оправдания» капитализма путем ссылки на то, что все хозяйственные явления якобы определяются соображениями людей о праве, нравственности, справедливости и т. д. Это — яркая форма апологетики, ибо она с самого начала предполагает, что всякий хозяйственный строй является этически оправданным, поскольку он органически вытекает из определенных этических представлений. Вместе с тем это — специфическая форма апологетики, характерная для германских буржуазных экономистов, имеющих тенденцию всячески выпячивать творческую роль юнкерского государства в качестве якобы крупнейшего морального фактора. В этой тенденции получило своеобразное выражение то раболепство прусской буржуазии перед юнкерством, о котором мы писали в начале статьи.

* * *

В целях борьбы с революционным движением молодая историческая школа выдвинула необходимость осуществления так называемой социальной политики. Школа эта является основным ядром крупного течения среди немецких буржуазных экономистов, возникшего в 70-х гг. прошлого столетия и известного под названием катедер-социализма или социально-этической школы. Последнюю нельзя рассматривать как определенное направление в теоретической экономике, так как к этому течению примыкают и представители молодой исторической школы, и сторонники так называемого «государственного социализма» (А. Вагнер, Шеффле), и представители других направлений. Буржуазных экономистов, принадлежащих к социально-этической школе или к катедер-социалистам, объединяет общая идея — признание необходимости скромных социальных реформ в качестве меры, которая могла бы предупредить назревающую социалистическую революцию. Недаром Ленин характеризовал эту школу как «школу компромисса»²¹.

Социально-этическая школа была организационно оформлена в виде так называемого Союза социальной политики (Verein für Sozialpolitik), созданного в 1872 г. Ежегодно члены Союза, т. е. большинство немецких профессоров социально-экономических дисциплин, съезжались на конгрессы и обсуждали отдельные вопросы экономической политики. На образование Союза социальной политики огромное влияние оказала Парижская Коммуна, которая внушила серьезную тревогу мировой буржуазии, в том числе и немецкой. По словам Бисмарка, Парижская Коммуна вызвала у него первую бессонную ночь. Весьма характерно, что проф. Шенберг, один из организаторов и вдохновителей Союза социальной политики, выступил уже через неделю после получения первых известий о Парижской Коммуне с речью о работодателях, в которой ставил вопрос о фабричном законодательстве.

²⁰ Там же, стр. 137—139.

²¹ См. Ленин, Соч., т. II, стр. 373.

Шмоллер в своей вступительной речи на первом конгрессе Союза социальной политики (в октябре 1872 г., в Эйзенахе) указал на основную цель создания Союза. Он отметил, что за последнее время классовый антагонизм сильно обострился, что недовольство в рабочей среде усиливается, что это может повести к социальной революции, если не пойти навстречу рабочим с некоторыми реформами. В своих речах катедер-социалисты неоднократно подчеркивали, что они стоят на почве существующего правопорядка, что они исходят из незыблемости частной собственности, что они являются сторонниками «легальной, шаг за шагом продвигающейся вперед положительной реформы» (выражение Гельда), т. е. очень осторожных действий.

Возникновение Союза социальной политики совпадает с образованием германской социал-демократии. С самого начала Союз занял враждебную позицию по отношению к социал-демократии, стоявшей тогда, в общем, на революционных позициях. Основная задача катедер-социалистов состояла в том, чтобы противодействовать пропаганде социал-демократов, чтобы создать среди рабочих и мелкой буржуазии иллюзию возможности изживания всех капиталистических бедствий при сохранении существующего строя, чтобы бороться с усиливающимся влиянием марксизма.

Среди экономистов, примыкающих к молодой исторической школе, существуют два течения, между которыми имеются известные (правда, небольшие) разногласия по вопросам социальной политики: консервативное крыло, возглавляемое Шмоллером, и либеральное крыло, во главе которого стоит Brentano.

Шмоллер был всегда ярким монархистом. Все свои надежды он возлагал на прусскую монархию и чиновничество. В своей вступительной речи на первом конгрессе Союза социальной политики Шмоллер охарактеризовал прусское чиновничество и прусскую королевскую власть как «лучшее наследие» немецкой государственной жизни. В своих многочисленных выступлениях он развивает идею о том, что прусская монархия является «социальной монархией», якобы стоящей над классами и всегда борющейся против привилегий и за эмансипацию низших классов. По существу, вся деятельность Шмоллера и его сторонников в этом направлении свелась к пропаганде куцых социальных реформ (например, в области страхования рабочих), осуществленных Бисмарком, а затем Вильгельмом II. Шмоллеровская группа (вместе с Адольфом Вагнером и некоторыми другими катедер-социалистами, не примыкавшими к исторической школе) являлась как бы своеобразным отделом пропаганды при Бисмарке и вообще при германском правительстве. Группа эта весьма ревниво относилась к самым скромным попыткам покушения не только на основы капиталистического строя, но даже на пережитки феодального строя.

Так, например, Шмоллер рекомендовал крайне осторожно относиться к ремесленным цехам и во что бы то ни стало воздержаться от немедленной ломки этих организаций. Когда в 1890 г. Brentano выступил в Союзе социальной политики с предложением о полной легализации профессиональных союзов, Шмоллер решительно возражал против этого предложения, находя его преждевременным. Он внес предложение о том, чтобы свобода рабочих союзов расширялась медленно и постепенно, не распространяясь на социал-демократические союзы. Ближайший соратник Шмоллера, Шенберг высказался за свободу коалиций для рабочих, но с двумя ограничениями: во-первых, стачечники не имеют права бороться с штрейкбрехерами (Шенберг предлагал установить уголовное наказание для тех, кто будет препятствовать штрейкбрехерам наниматься на работу); во-вторых,

коалиции рабочих никоим образом не должны иметь в виду насильственного ниспровержения существующего государственного и общественного порядка. Шмоллер и Шенберг высказались не только против установления в законодательном порядке восьмичасового рабочего дня, но вообще против законодательного ограничения рабочего дня, ссылаясь на разнообразие условий в различных отраслях промышленности и на то, что это может вредно отразиться на промышленных предприятиях и даже, мол, на доходах рабочих. Наряду с этим Шмоллер рекомендовал создание предпринимательских союзов с применением «черных списков», с организацией локаутов и т. д.

Для характеристики политических воззрений Шмоллера достаточно отметить, что он горячо выступал в защиту исключительных законов, действовавших в 1878—1890 гг., которые объявили социал-демократию нелегальной партией. В одной из своих статей он подчеркнул органическую связь законов о страховании рабочих с исключительными законами.

Брентано, в отличие от монархиста Шмоллера, был выразителем идеологии либеральной буржуазии. Он не против сотрудничества с оппортунистическим крылом социал-демократии. Знакомство с английским профсоюзным движением оказало сильное влияние на Брентано. Он — горячий сторонник насаждения тред-юнионизма в Германии. Его основная работа — «Die Arbeitergilden der Gegenwart» — посвящена тред-юнионам, которые он всячески восхваляет как оплот против революционного движения. В своих работах Брентано развивал идею (подхваченную затем ревизионистами из социал-демократического лагеря), будто создание профессиональных союзов коренным образом изменяет положение рабочих, ликвидирует фактическое неравенство рабочих и капиталистов, делает рабочего свободным не только юридически, но и фактически. Все это восхваление результатов вмешательства профессиональных союзов нужно было Брентано для того, чтобы «обосновать» тезис об отсутствии эксплуатации при капиталистическом строе, об отсутствии непримиримых противоречий между интересами рабочих и капиталистов. Брентано выступал как пророк «социального мира» между рабочими и капиталистами. Он — сторонник насаждения третейских судов и примирительных камер для решения спорных вопросов. Он в частности особенно подчеркивал (в своей работе «Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда»), что сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы сопровождается ростом производительности труда. Отсюда он делал вывод, что рост заработной платы и сокращение рабочего дня не противоречат интересам предпринимателей, что, следовательно, между интересами рабочих и капиталистов нет непримиримых противоречий.

Энгельс в своей статье «Брентано contra Маркс» дал сжатую, но очень резкую и убедительную критику воззрений Брентано: «...постоянно повторяемое заявление г. Брентано, что законодательство об охране труда рабочих, а также организации профессиональных союзов содействуют улучшению положения рабочего класса, ни в коем случае не является его собственным открытием. Маркс и я неоднократно повторяли это, правда с очень большими ограничениями, начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом» и моими последними статьями. Во-первых, благоприятное влияние сопротивления профессиональных союзов ограничивается периодами средней и высокой конъюнктуры; в периоды застоя и кризиса они сплошь да рядом дают осечку... И, во-вторых, — не говоря уже о других менее важных ограничениях, — ни законодательство об охране труда, ни сопротивление

профессиональных союзов не устраняют того самого существенного, что должно быть устранено: капиталистических отношений, которые постоянно вновь воспроизводят противоположность между классом капиталистов и классом наемных рабочих... Но так как г. Brentano хочет сделать наемного раба довольным наемным рабом, то ему приходится колоссально преувеличивать благоприятное влияние охраны труда, борьбы профессиональных союзов, крохоборческого социального законодательства и т. д.»²².

В отличие от Шмоллера Brentano делал главную ставку не на прусскую монархию и не на чиновничество, а на развертывание реформистского рабочего движения, которое ставило бы себе узко экономические задачи и отказалось бы от задач социалистических. Сам Brentano и его ученики (как Шульце-Геверниц, Геркнер и др.) оказали значительное влияние на ревизионистское крыло германской социал-демократии.

Э. Бернштейн в известной работе «Предпосылки социализма», где впервые дается развернутая ревизия марксистского учения, широко использовал работы Brentano и его учеников. Он открыто писал, что работы школы Brentano заставили его пересмотреть марксистскую теорию обнищания. Ленин в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» писал: «...Brentano, Зомбарты, Бернштейны и К^о подменяли марксизм брентанизмом...»²³. Это указание Ленина не случайно. Brentano является виднейшим идеологом буржуазного реформизма.

* * *

Историческая школа — это особый вариант вульгарной политической экономии, значительно отличающийся от других ее направлений. Хотя молодая историческая школа выступила почти одновременно с австрийской и кембриджской (в лице Маршалла и др.), хотя все эти школы преследовали одну основную задачу — апологетику капитализма, борьбы с марксизмом и революционным движением, каждая из них шла к этой цели особыми путями. В то время как австрийская школа, кембриджская и другие ветви субъективной школы пытались противопоставить марксистскому экономическому учению свои вульгарные лженаучные «теории», историческая школа стала на путь упразднения теории, замены политической экономии историей хозяйства.

В то время как основную ось апологетики капитализма в работах субъективной школы составлял принцип «laissez faire, laissez passer» и восхваление стихийной игры конкуренции, осуществляемой независимо от всякого вмешательства государства в экономическую жизнь, «историки» всячески выпячивали благодетельную и творческую роль юнкерского государства как экономического фактора. Они призывали государство проводить «социальную политику», умиротворять классовые антагонизмы.

Для исторической школы характерно также и то, что она занимается не только апологией капитализма, но в то же время бережно относится ко всяким пережиткам феодально-крепостнического уклада.

Историческая школа — специфическая форма апологетики буржуазного строя, возникшая в условиях прусского пути развития капитализма. Она занимала господствующее положение в германских университетах во второй половине XIX в. В эпоху империализма ее влияние начинает падать.

²² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 151—152.

²³ Ленин, Соч., т. IX, стр. 130.

Огромный рост революционной борьбы, победа марксизма в рабочем движении ряда европейских стран к 90-м годам, обострение экономических противоречий в связи с наступлением эпохи империализма — все это заставило вульгарную экономию пересмотреть свои методы апологетики капитализма. Среди буржуазных экономистов стали популярными новые, более утонченные методы борьбы с марксизмом: заигрывание с ним, подделка под него, жонглирование марксистской терминологией и т. д.

Наиболее ярким представителем этого течения является Зомбарт, ученик исторической школы. Он заимствовал ряд идей этой школы и прежде всего — эволюционистское представление о том, что развитие хозяйства всегда происходит постепенно и медленно, без коренной революционной ломки существующих условий. Зомбарт стремится использовать неправильно интерпретированную историю для подкрепления своих апологетических выводов. Он широко использует работы и конкретные выводы различных представителей исторической школы. Но в отличие от них Зомбарт считает нужным создать какую-то «теорию». Чтобы сделать ее более привлекательной для рабочих, он в первый период своей деятельности (т. е. до Великой Октябрьской революции) жонглировал марксистской терминологией. «Меня отделяет от Шмоллера Карл Маркс», — демагогически писал Зомбарт в предисловии к первому изданию своей книги. «Современный капитализм». Все эти апелляции к Марксу преследовали определенную цель: прикрываясь именем Маркса, заниматься фальсификацией его учения.

Аналогичные методы борьбы с марксизмом избрало и возникшее в 90-х годах в Германии социальное направление в политической экономии. Это направление также испытало на себе значительное влияние исторической школы. Глава социального направления Штольцман неоднократно заявляет о своей близости к исторической школе, особенно к Шмоллеру. Социальное направление еще более резко поставило вопрос о примате этических факторов в общественной жизни. В своей апологетике капиталистического строя Штольцман широко использовал излюбленную идею «историков» о священных многовековых традициях. Но Штольцман усматривал серьезный недостаток исторической школы в том, что она не дала систематической разработки вопросов теории стоимости и распределения. Он пытался создать свою «теорию», прибегая при этом, подобно Зомбарту, к фальсификации некоторых положений Маркса.

Таким образом, уже в конце XIX в. и в начале текущего столетия наметились новые тенденции в развитии вульгарной политической экономии, свидетельствующие о том, что историческая школа перестала удовлетворять буржуазную экономическую мысль.

А. СИДОРОВ

Ценная книга по истории народного хозяйства СССР

Проф. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Академия наук СССР. Институт экономики. М., Соцэкгиз, 1939, стр. 675 и прилож. (21 геогр. карта), 25 000, ц. 9 р. 25 к., пер. 2 р. 25 к. Допущено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономических вузов.

Работа проф. П. И. Лященко по истории народного хозяйства СССР несомненно является крупным событием, как и выпуск учебников истории СССР для вузов. Оба эти факта взаимно связаны и свидетельствуют о развитии исторической и историко-экономической науки в СССР. В отличие от учебников гражданской истории СССР, написанных коллективами авторов, рецензируемая работа принадлежит перу одного автора.

Проф. Лященко дал общий очерк истории народного хозяйства, начиная от первобытного хозяйства и кончая эпохой империализма в России и крушением капиталистического строя в 1917 г. Таковы хронологические рамки работы. Разумеется, подобный охват материала по плечу лишь человеку с большими знаниями в области историко-экономической литературы и проблем гражданской истории вообще. Тот факт, что весь труд написан одним лицом, имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Большим достоинством книги является единство стиля изложения: вся книга написана хорошим литературным языком, очень компактно, без повторений. Единство взглядов автора пронизывает всю работу и придает ей логическую стройность, последовательность и ясность изложения. Как и учебники гражданской истории СССР, работа проф. П. И. Лященко порывает с вредной и антиисторической традицией, сводившей историю лишь к истории Великороссии, к голой социологической схеме. Автор пытается осветить историю хозяйства СССР включая общественное развитие народов Кавказа и Закавказья, Сибири, Средней Азии и т. д. Несомненно, эта попытка методологически и исторически правильна. Но в силу ограниченности источников на русском языке и сравнительной неразработанности этих вопросов главы, посвященные экономике народов (особенно более ранней эпохи), вызывают много критических замечаний как со стороны историков отдельных народов, так и историков СССР. В этом отношении рецензируемая книга отражает как слабое развитие истории и истории народного

хозяйства целого ряда народов, населявших нашу родину, так и узость круга этих источников на русском языке. Кроме того, очень трудно одному автору охватить сложный и разнообразный комплекс вопросов, который часто является дискуссионными и для самих историков. И в этом отрицательная сторона «единоличного» авторства.

Рассмотрим прежде всего периодизацию положенную автором в основу всего труда. Несомненно, это — периодизация марксистская она отражает смену общественно-экономических формаций, развитие производительных сил и производственных отношений. Автор начинает с характеристики первобытного (с шивного) хозяйства и показывает условия его разложения. Очень ценно и важно, что историк-экономист приходит к тем же выводам, что и археологи и специалисты гражданской истории относительно хозяйства славян. Автор правильно отмечает, что «земледелие вообще, и в частности хлебопашество, было широко распространено у славян в древнейшие периоды» (стр. 57), т. е. еще до расселения по восточной равнине. Наряду с земледелием и хлебопашеством были развиты скотоводство, охота и бортничество.

По мнению проф. Лященко, которое и кажется обоснованным, родовой строй славян распадается к IX в. и сменяется совокупностью дворов, объединяющейся уже не в род, а территориальной общиной (см. стр. 61—63). Последняя имела сходные черты германской маркой. Это сходство впервые было отмечено Марксом и Энгельсом. У народов Закавказья и Средней Азии разложение первобытного строя произошло на много веков раньше. Там было развито рабство и «в хозяйственной истории народов СССР здесь имели место наиболее древние государственные образования рабовладельческого типа, рабовладельческой формации» (стр. 3). У славян же следующая ступень хозяйственного и общественного развития — это феодально-крепостное хозяйство, в развитии которого автор различает период феодальной раздробленности (IX—XIV вв.) и ликвидацию феодальной раздробленности в XV—XVII в.

Автор допускает ошибку, относя Киевскую Русь и Империю Рюриковичей IX—X вв. к периоду феодальной раздробленности.

Говоря о разложении родового строя к VIII—IX в., проф. Лященко сам подчеркивает, что проходят одно-два столетия, прежде чем равнивающиеся феодальные отношения выливаются в законченную общественно-экономическую систему уже на новом уровне развития материальных производительных сил с новой «надстройкой» их» (стр. 73). Тем более, казалось, оснований начинать период феодальной раздробленности с IX в. Такая периодизация приводит автора к противоречию данной Марксом оценкой Киевской Руси — «дофеодальной готической империи». Впрочем, автор расходитя не только с Марксом, и... с проф. П. И. Лященко, который перед главу второго раздела озаглавил «Дофеодальная Киевская Русь IX—X вв. и зарождение феодальных отношений в XI—XII вв.» (стр. 82).

В периодизации этого раздела и в характеристике Киевской Руси автор так и не свел узлов. Позволительно спросить т. Лященко: когда же развиваются феодальные отношения в Киевской Руси — в IX—X или XI—XII вв.? Почему автор датирует начало феодальной раздробленности IX в., если «зарождение» феодальных отношений он относит к XI—XII вв.? Нам кажется, что исправлять ошибку нужно дважды: и относительно феодальной раздробленности в IX—X вв. и в отношении зарождения феодальных отношений в XI—XII вв. И то и другое неправильно. При исправлении этой ошибки автор может опираться на новые исследования акад. Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова и на ту трактовку этого вопроса, которая дается в III томе академической Истории СССР.

В отношении ликвидации феодальной раздробленности нам кажется очень существенным, что историк хозяйства отмечает длительность процесса ее (XV—XVII вв.). Это заключение покоится на утверждении Ленина об образовании в XVII в. единого всероссийского рынка, который окончательно подрывал основы экономической раздробленности¹. Эта мысль проф. Лященко лишней раз оттеняет ошибку, допущенную в первом томе учебника истории СССР, относящего образование абсолютизма и конец феодальной раздробленности к XV и началу XVI в. (Иван III).

Следующий раздел книги (IV) посвящен развитию феодально-крепостного хозяйства России в XVIII и в первой половине XIX в. Автор правильно отмечает зарождение в этот период капиталистической фабрики. Весь раздел заканчивается главой «Крестьянская реформа 1861—1866 гг.». Нам кажется совершенно необоснованным то, что автор опирается на реформу к разделу крепостного хозяйства, а не ко второй части — «Капитализм». Указанный характер реформы 1861 г. и внутренняя связь событий несомненно дают больше оснований для того, чтобы главой, посвященной крестьянской «реформе» — самой бур-

жуазной из реформ XIX в., — открылся раздел «Промышленный капитализм».

Вторая часть учебника рассматривает историю капитализма в России. Автор совершенно правильно различает два этапа в капиталистической истории страны: «Промышленный капитализм» — с пореформенного периода до конца XIX в. и «Эпоху империализма в России», которая фактически датируется в учебнике, лишь начиная с кризиса 1900—1903 гг. По существу эта периодизация правильна, если иметь в виду сформировавшиеся экономические черты империализма. Но если учесть, что отдельные черты империализма складывались в экономике страны ранее кризиса 1900 г., что концентрация промышленности и монополии — главная предпосылка империализма — получила широкое развитие во время промышленного подъема 90-х годов, то следовало бы и этот этап включить в эпоху империализма.

В этой части периодизация гражданских историков несколько отличается от периодизации рецензируемой книги. В пользу указанного уточнения говорят три обстоятельства. Во-первых, прямая ссылка Ленина при рассмотрении истории возникновения империализма в России на свою работу «Развитие капитализма в России» (Ленинский сборник XXVII, стр. 104), которая в основном заканчивается на 1898/99 г. Во-вторых, органическая связь между экономической основой общества и классовой борьбой. Новый этап в развитии рабочего движения начинается с 90-х годов и связан с именами Ленина и Сталина. В 1894 г. социал-демократия «попьяняется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия»². Нам теперь отлично известно, что это было связано с деятельностью Ленина и Сталина, с посылкой Ленина уже в 1895 г. создать основу партии нового типа (Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»). В-третьих, если принять в расчет особенности внешней политики России (русско-французский союз, политика России на Дальнем Востоке), то все это лишь подтверждает положение о том, что историческое развитие России, и в первую очередь экономическое, начиная с середины 90-х годов, совершалось под знаком перехода к империализму. В силу особенностей исторического развития России было бы чрезмерно рано устанавливать для России переход к империализму со времени Парижской Коммуны (1871 г.), как это указано Сталиным, Кировым и Ждановым для переходов стран Европы. Наиболее правильно датировать этот переход начиная с промышленного подъема 90-х годов XIX в., а не относить его к началу XX в. и не связывать лишь с кризисом, который значительно ускорил наметившиеся в экономике и политике тенденции перехода к монополистическому капитализму.

Таковы в основном замечания о периодизации, положенной автором в основу экономического развития России. Следует указать, что автор выделил особый раздел (VI),

¹ См. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

² Там же, т. IV, стр. 499.

в котором рассматриваются экономика «национальных окраин» и колониальная политика царизма в эпоху капитализма — без подразделения на стадию промышленного капитализма и империализма. В этом разделе даны очерки далеко не всех окраин, а лишь Сибири, Средней Азии, Кавказа, Башкирии и Казахстана. Таким образом и по объему раздел не является исчерпывающим. По непонятным мотивам автор не рассматривает экономику Прибалтики, Польши, Севера и других окраин, хотя они и являлись составной частью страны, особенно в капиталистический период.

Рассмотрим теперь некоторые отдельные стороны учебника, свидетельствующие о его достоинствах и недостатках.

Прежде всего обратимся к вопросу о рабстве и рабовладельческой формации. Вокруг этого вопроса историки еще недавно ломали копыта. Были среди них такие, которые стремились механически перенести на историю всех без исключения народов, в том числе и славян, обязательность рабовладельческой формации. Проф. Лященко правильно разрешает этот сложный и отчасти запутанный вопрос. Он признает наличие рабства у славян еще при родовом строе, но отмечает, что «...оно здесь носит особый, большей частью так называемый «домашний» характер, не имея еще глубоких производственных основ» (стр. 66). Переход к хозяйственной эксплуатации раба ускорил разложение родового строя. Однако переход к классовому строю у славян произошел не через рабовладельческую формацию, как это было у народов Западной Европы (Греция, Рим). В древней Руси «первобытное рабовладение и хозяйственная эксплуатация раба не получили такого значительного развития, чтобы стать в дальнейшем производственной базой и законченным способом производства, особой и законченной рабовладельческой формацией, как это было в античном мире» (стр. 72). Этот очень ценный вывод согласуется с мнением подавляющего большинства историков СССР. К сожалению, автор не уделил достаточного внимания аргументации этого правильного положения. Следовало бы, в частности, отметить тот факт, что когда разложилось первобытное хозяйство славян, у соседних с ними народов рабовладельческое хозяйство уже вошло в прошлое. Также следовало бы выяснить и роль первобытной общины в переходе от первобытного хозяйства к феодальному.

Автор правильно отмечает дальше, что Ленин первый исчерпывающе осветил феодально-крепостническую систему и определил хронологические рамки зарождения феодальных отношений уже в Киевской Руси (IX в.). В основу изложения истории феодализма в России автор положил выяснение сущности феодально-крепостнической системы. Однако этот анализ страдает неточностью, поскольку он не подчеркивает с необходимой ясностью коренное положение — что «...собственность феода на средства производства и неполная собственность на работника производства...»³ является основой феодальной эксплуатации.

У проф. Лященко на первый план выдвигается не этот определяющий момент, а либо признак господства натурального хозяйства (стр. 74) либо наличие непосредственного производителя, владеющего собственными орудиями и средствами производства (стр. 73). Так как феодально-крепостническая система эксплуатации основана на внеэкономическом принуждении, следовало бы в первую очередь отметить основные условия этой эксплуатации: отсутствие земли у крестьянина и внеэкономическую зависимость от боярина-землевладельца.

В разделе III автор правильно указывает, что борьба с феодальной раздробленностью начинается лишь в XV в. и заканчивается в XVII в. Результат этой борьбы — победа помещика над боярско-княжеской знатью, помещик над вотчиной, усиление внеэкономического принуждения «в виде общегосударственной и общеобразовательной правовой нормы — крепостного «права» (стр. 151). Автор высказал несколько новых и интересных мыслей в части выяснения экономической основы вотчины и поместья (стр. 166—169).

Проф. Лященко правильно указывает, что поместье возникло на том же способе производства, но, развиваясь в других общественно-экономических условиях, явилось все же более прогрессивным типом хозяйства. Следует указать и на новую трактовку причин аграрного кризиса XVI в. Автор не разделяет точку зрения Рожкова, выводящего кризис из юридической природы поместья. Причины кризиса кроются в разорении крестьянства, в усилении экономического нажима со стороны помещиков на крестьян, следствием чего был «упадок не только самого поместья, но и связанного с ним крестьянского хозяйства» (стр. 167). В области политической происходит переход от феодальных раздробленных княжеств к единому централизованному феодально-крепостническому государству — к абсолютизму. В объяснении образования абсолютизма проф. Лященко допускает существенную ошибку — он неточно определяет время появления абсолютизма в России. Возможно, что здесь сказалось влияние 1-го тома учебника по истории СССР, где эта проблема изложена также ошибочно: русское государство XVI в. уже рассматривается как абсолютистское. В результате дискуссии установлено, что абсолютизм в России возник не ранее царствования Алексея Михайловича. По мнению проф. Лященко, русское государство стало абсолютистским «уже к XVII в.» (стр. 154). Между тем весь конкретный экономический материал, приведенный в учебнике, — развитие крепостного поместья и закрепощение крестьян, рост города, промышленности, развитие обмена и накопление купеческого капитала — показывает, что абсолютизм не мог возникнуть ранее второй половины XVII в. Надо вопрос поставить так: смог ли сложиться абсолютистский порядок в России ранее повсеместного закрепощения крестьян, ранее чем образовался всероссийский рынок? Ясно, что нет. А если так, то очевидно, что установление абсолютизма следует отнести лишь ко второй половине XVIII в. (Уложение, Новоторговый Устав, фактическая ликвидация

³ История ВКП(б), стр. 120.

Земских Соборов и т. д.). Уточнение времени установления абсолютизма имеет большое значение для гражданских историков и историков народного хозяйства России. У проф. Лященко нет достаточно ясного мнения в этом вопросе, а потому он прибегает к расплывчатой и неопределенной датировке: например, «Москва к XVI—XVIII вв., ликвидировав феодальную раздробленность...» (стр. 196).

В том-то и дело, что к XVI в. Москва не ликвидировала феодальную раздробленность. Автор ссылается на Ленина и приводит цитату (стр. 148—149) об образовании с XVII в. единого всероссийского рынка и самодержавия, но тут же забывает и о Ленине и о собственных взглядах в этом отношении. Некоторое упрощенчество приводит проф. Лященко к выводу, что не только в общем направлении хозяйственного и политического развития наблюдается тождество России с Западной Европой, но и хронологически абсолютизм в России складывается в то же время, что и в Западной Европе (стр. 147). Такая широкая аналогия неверна. Специфика заключалась хотя бы в том, что в России к XVI в. не было еще буржуазии как класса. Вследствие отсталости экономического развития России абсолютизм складывается позднее и свое наиболее яркое выражение получает в царствование Петра I.

В следующем разделе, охватывающем историческое развитие страны на протяжении полутора столетий, хотелось бы прежде всего видеть более подробный анализ экономической политики Петра и ее результатов. Между тем автор касается главным образом его податной политики, обещая вопросы промышленности рассмотреть дальше (стр. 228). Действительно, на стр. 244 он рассматривает попытки Петра создать мануфактуры, которые вырастают в основном на базе крепостного труда. В этом описании петровских крепостных мануфактур очень мало уделено внимания Уралу, который был до конца XIX века главной металлургической базой страны. Читатель ничего не узнает и о деятельности Петра в области мутей сообщения — прорытие новых каналов, в области кораблестроения, организации государственного аппарата для нужд промышленности и торговли (коллегия). Следовало бы значительно подробнее разобрать петровский меркантилизм, но ограничиваясь тремя строчками (стр. 227). Более или менее подробно охарактеризована экономическая политика преемников Петра и Екатерины II. Автор несправедливо обошел вопрос о кустарной промышленности во второй половине XVIII в. Новые материалы о развитии крестьянской промышленности, частично опубликованные Академией наук, оказались неиспользованными. А без них фактически невозможно проследить генезис появления капиталистической мануфактуры, получившей широкое развитие в первой четверти XIX в. Автор не рассматривает вопроса о железнодорожном строительстве и о развитии парового водного транспорта за первую половину XIX в., о банках и кредите, о денежной реформе Канкрина, о развитии общественной мысли по экономическим вопросам. История экономического развития России получается сухой и безличной — все экономическое

развитие России сводится к слепой стихийной силе. Очень полезно было бы вскрыть борьбу вокруг строительства железных дорог в Николаевской империи и показать роль русской буржуазии в экономической и политической жизни страны накануне реформы 1861 г. В книге же фактически не рассматривается экономическая политика Николая I хотя и есть специальная глава о колониальной политике (стр. 287—301). В последних строках этой главы (стр. 301) содержится фактическая ошибка: Портсмутский договор, по которому Россия уступила Японии южную часть Сахалина, здесь датируется 1904 г.; общезвестно, что договор этот был заключен 23 августа (ст. ст.) 1905 г.

Интересна глава о кризисе крепостного хозяйства к середине XIX в. (IV раздел, XX глава, стр. 301—314). Глава эта суммирует материал о рыночных связях крепостного хозяйства, об изживании барщины в целом ряде районов, о готовности помещиков в ряде районов одарить крестьянам большую часть земли, а «за полученный оброк вести на оставшейся земле рациональное хозяйство вольнонаемным трудом» (стр. 308). Экономический кризис крепостного хозяйства автор правильно связывает с общеполитическим кризисом самодержавного государства, быстро развившимся после Крымского поражения, с ростом и обострением борьбы крестьян против помещиков. В этой главе на наш взгляд недостает двух существенных моментов. Во-первых, здесь нет объяснения причин экономической отсталости России. В различных местах своей книги автор подходит к этому вопросу, отмечая факт экономической отсталости России сравнительно с передовыми странами Западной Европы. В частности, в этой главе (стр. 311) автор отмечает отсталость России. «К середине XIX в., — пишет он, — крепостная Россия становилась все более отсталой страной сравнительно с Западной Европой... Крепостная Россия все более отставала даже от второстепенных промышленно-капиталистических стран. Продукция была низкого качества, цены чрезмерно высоки». Это положение бесспорно верно, но оно является лишь констатацией факта, а не объяснением его. Перед началом нового раздела, посвященного капиталистической России, хотелось бы получить исчерпывающее объяснение происхождения отсталости России. Во-вторых, хотелось бы, чтобы автор привел сравнительный материал об итогах капиталистического развития стран Западной Европы. Надо, чтобы студенты располагали конкретно-экономическим материалом для сравнения экономического развития России и Западной Европы; лишь тогда положение об отсталости России становится убедительным, реальным и легко усваивается. Главу XXI (стр. 314—333) — о крестьянской реформе и прочих буржуазных реформах — следовало бы перенести в следующий раздел «Промышленный капитализм», связав трактовку этой реформы с вопросом об образовании предпосылок для развития промышленного капитализма в России.

Вторая часть книги освещает вопрос о развитии промышленного капитализма и империа-

лизм в России (1861—1917 гг.). Эта часть работы содержательнее первой, она обладает рядом бесспорных достоинств. Прежде всего она не только схематична, как первая часть: ряд вопросов здесь разбирается достаточно подробно. Автор значительно полнее использует источники и литературу об экономическом развитии России. Если здесь нет неопубликованных архивных материалов, то достаточно привлечены самые разнообразные источники: статистические материалы, правительственные отчеты, отчетные материалы буржуазных организаций, пресса, литература по данному вопросу. Несколько более ограничен круг источников по истории формирования классов — буржуазии и пролетариата: отчеты буржуазных организаций, стенограммы заседаний Думы и т. д. оказались неиспользованными.

Экономическая история страны дается в связи с ростом производительных сил общества, с ростом и развитием техники и орудий производства, с историей трудящихся масс, «являющихся основными силами производственного процесса...»⁴. Автор дает достаточно представление о развитии техники и орудий производства при капитализме и о формировании новых классов капиталистической эпохи — пролетариата и буржуазии (стр. 345—352 и ряд других мест). Он показывает и отношение общественной мысли к проблеме развития капитализма в России: Чернышевский, народничество, «легальный марксизм» и революционный марксизм (стр. 357—365). Правда, в отдельных местах имеются неточные и даже ошибочные характеристики. Примером такой ошибочной характеристики является определение народнических взглядов, якобы отражавших «интересы землевладельческого класса и притыкающего к нему кулачества, а также части середняка...» (стр. 358).

Крупным достоинством второй части книги является удачная экономическая характеристика развития империализма в России, правильная интерпретация положений Ленина и Сталина о военно-феодалном империализме. Именно проблема империализма подверглась наибольшей фальсификации в нашей экономической и исторической литературе. Автору удалось, отталкиваясь от трудов классиков марксизма — Ленина и Сталина, дать в целом правильное изложение вопроса.

Было бы преувеличением, если бы мы сказали, что и в освещении этого вопроса нет никаких недостатков. Отметим некоторые из них. Для правильного понимания того, почему Россия, несмотря на приток иностранного капитала, все более и более отставала в экономическом развитии, теряла экономическую и политическую самостоятельность и превращалась в зависимое государство, большое значение имеют экономические взаимоотношения царской России с мировым рынком. Вопрос о формах эксплуатации России иностранным капиталом подробно и ясно изложен товарищем Сталиным в главе об исторических корнях ленинизма (см. «Вопросы ленинизма»). Нам кажется, что эти положения Сталина не получили достаточной экономиче-

ской разработки в рецензируемом труде. Разумеется, проф. Лященко приводит цитаты из Ленина и Сталина, констатирует зависимость банков, промышленности и царизма от иностранных капиталистов, но он не показывает, как иностранный капитал грабил Россию, все более и более закабаляя ее. Было бы интересно указать, какие суммы ежегодно утекали за границу в виде процентов по займам и дивидендов на вложенный иностранный капитал, не говоря уже о других статьях платежей; какие отрасли промышленности задерживались в развитии. Проценты по займам царского правительства и гарантированным железнодорожным займам вместе с дивидендами на капитал составляли значительную часть платежного баланса страны, который не покрывался активным сальдо по экспорту. Проф. Лященко не последовал также вопроса о том, в каких отраслях машиностроения развитие тормозилось, а без машиностроения фактически невозможна была индустриализация страны.

Автор справедливо говорит об экономической отсталости промышленности в период империализма (стр. 563—564), но ему следовало бы проанализировать промышленные статьи русского импорта, что весьма ярко вскрыло бы зависимость России от заграничной области промышленности. Говоря о громадном притоке иностранного капитала в Россию за последнюю четверть века существования капитализма, следовало бы объяснить это явление. В главе XXVI (стр. 437—472) «Промышленный подъем 90-х годов» автор правильно отмечает огромную роль иностранного капитала в промышленном подъеме России, но не дает объяснения причин притока иностранного капитала; в частности совершенно игнорируются факторы политического значения (русско-французский союз). В результате изложение часто сбивается на эмпирическое констатирование фактов. Между тем перед историком народного хозяйства столь же обязательно, как и перед гражданским историком, стоит задача вскрыть закономерность экономического развития. Едва ли можно понять и установить эту закономерность экономического развития, абстрагируя его от политической жизни и общей политики правительства. Вследствие недооценки политических фактов автор делает и чисто экономические ошибки. Например, он устанавливает уже для конца XIX в. «...полуколониальную зависимость (Россия.— А. С.) от западного европейского капитализма...» (стр. 472). Однако никаких фактов полуколониальной зависимости России от не приводит. Этот вывод является прямым упрощением. Для 90-х годов никак нельзя еще установить «полуколониальной» зависимости, если мы хотим оставаться на почве фактов, а не отвлекаться от них. Только при рассмотрении положения царской России среди империалистических стран за период 1907—1917 гг. можно сделать вывод о полуколониальной эксплуатации России. ◊

Третий существенный недостаток книги — в слабости глав, посвященных экономической истории национальных окраин. Характеризуя положение промышленности и сельского хозяйства, автор вскрывает лишь общий процесс

⁴ Там же, стр. 118.

развития капитализма в этих областях, без достаточной дифференциации по отдельным районам. Экономика некоторых народов выделена в самостоятельный раздел, который является приложением к общему изложению. Кстати сказать, так же механически соединены с общенациональным процессом главы, посвященные истории народов, в учебниках истории СССР. Еще не удалось найти правильного методического решения вопроса об изложении общей и экономической истории отдельных народов в связи с общенациональным процессом. В рецензируемой книге этот недостаток является тем более острым, что еще до изложения экономики России в эпоху империализма автор говорит об экономике народов на протяжении всего XIX и XX вв. В разделе об империализме автор больше не возвращается ни к рассмотрению хозяйства окраин ни к анализу колониальной политики царизма по отношению к народам, населяющим Россию. Выход из создавшегося положения можно искать в двух направлениях.

1. Не давать специальных разделов об экономике окраин и отдельных народов, а освещать эти вопросы в связи с характеристикой положения сельского хозяйства и промышленности. В этих общих главах можно показать особенности экономического развития отдельных районов. Такое изложение обеспечит большую внутреннюю связь вопросов между собою.

2. На протяжении всего изложения систематически освещать экономику и историю отдельных народов и национальных районов. Такое решение вопроса неизбежно приведет к некоторым повторениям, но зато даст возможность более полно осветить экономическую историю этих народов и выявить их роль в народном хозяйстве страны, выяснить характер колониальной политики правительства.

Проф. Лященко не придерживается ни первого ни второго пути. Он сделал лишь попытку отойти от старой неправильной схемы исторического изложения. Следует еще много и серьезно работать над удачным разрешением проблемы освещения экономической истории народов СССР.

К числу недостатков книги следует отнести и то, что глава о сельском хозяйстве и аграрной политике Столыпина дана поверхностно и оторвана от общенационального процесса (стр. 609—627). В разделе IV автор, следуя методу Ленина, сначала рассматривает эволюцию сельского хозяйства, а потом уже переходит к промышленности. В разделе же об эпохе империализма он поступает наоборот: начав с финансового капитала и развития промышленности до войны, переходит к освещению сельского хозяйства опять-таки вне зависимости от столыпинской реформы. Едва ли такой порядок правилен, ибо важно, во-первых, сохранить хронологический порядок изложения, а, во-вторых, проследить и учесть влияние сельского хозяйства на развитие промышленности. Если учесть степень зависимости всей экономики страны от «урожаев» и сельскохозяйственного экспорта страны, тем более следует изменить порядок изложения. Сейчас глава о сельском хозяйстве органически не связана с предыдущим и последующим

изложением. Но дело не только в неудачном расположении материала. Нам кажется, что проф. Лященко, так много и долго работавший в области аграрной истории, имел полную возможность написать эту главу значительно полнее и интереснее. Он не уделил должного внимания ни политической ни политической стороне дела. Больше того, вопреки логическому смыслу, автор сперва рассматривает положение сельского хозяйства за 1900—1913 гг., а в конце главы приводит уже некоторые данные о столыпинской реформе. Какое влияние эта реформа оказала на развитие капитализма в сельском хозяйстве и промышленности, как она повлияла на развитие классово-борьбы, каково было отношение классов и партий к реформе — все это автор обходит молчанием. Глава о столыпинской аграрной политике требует большой и всесторонней доработки.

Последняя глава книги посвящена хозяйству России в период империалистической войны 1914—1917 гг. Но автор доводит изложение лишь до февральской буржуазно-демократической революции. Вопрос о крушении капитализма не получил полного и исчерпывающего рассмотрения. Чтобы закончить тему следовало довести изложение экономической истории до октября 1917 г.

Еще два замечания.

Первое касается освещения экономической политики царского правительства за время 1905—1917 гг. Автор фактически не ставит этот вопрос и не рассматривает его. Он уделяет достаточное внимание экономической политике Витте, но экономической политики правительства накануне войны (политики Кокцова), экономической и военной подготовки России к империалистической войне он совершенно не касается. Не освещена также деятельность особых совещаний, созданных правительством в 1915 г. в ответ на попытку буржуазии организовать в экономической области (Военнопромышленный комитет, Земский и Городской союз и Особый комитет по снабжению армии). А без этого фактически ничего нельзя понять в военной экономике России.

Последнее замечание касается вопроса об экономической характеристике империализма и «военно-феодалного империализма» в России. Нам кажется точка зрения автора верной. Он дает правильную экономическую характеристику русского империализма и военно-феодалного империализма (стр. 587); анализируя отдельные экономические признаки империализма в России, автор говорит о капиталистическом империализме и военно-феодалном. Нам кажется, что, в соответствии с указаниями Ленина и Сталина, проф. Лященко под военно-феодалным империализмом понимает царизм с его политикой и той социальной базой, на которую он опирался. «Ленин был прав, — указывает товарищ Сталин, — говоря, что царизм есть «военно-феодалный империализм». Царизм был средоточием наиболее отщепенческих сторон империализма, возведенных в квадрат»⁵. В соответствии с этой ха-

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 5.

рактеристикой царизма, данной Лениным и Сталиным, проф. Лященко и разработал вопрос об отношении империалистической буржуазии к военно-феодальному империализму, о месте царской России среди других империалистических стран (стр. 601—602).

«История народного хозяйства СССР» является первым советским учебником экономической истории СССР, написанным с марксистских позиций. Несмотря на ряд существенных недостатков и отдельных ошибок, она в большой степени восполняет недостаток

историко-экономической литературы. Особенно ценна и интересна вторая часть книги, написанная на основе нового фактического материала.

Книга эта представляет собой полезное пособие для студентов не только экономических, но и исторических вузов. Охватывая период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, она идет впереди учебников гражданской истории, доведших изложение лишь до конца XIX в.

Из иностранной экономической литературы

L'Année Sociale, 1939/40. Bureau International du Travail. Genève 1940

Годовой обзор Международного бюро труда при Лиге наций о положении труда в капиталистическом мире вышел в свет в середине 1940 г., т. е. в самый разгар европейской войны. Однако это обстоятельство нашло лишь слабое отражение в рецензируемом обзоре. Это вполне понятно. Международное бюро труда тесно связано с Лигой наций и обладает теми же «родимыми пятнами», что и последняя. В результате своей бесславной эволюции Лига наций превратилась в орудие военных интересов англо-французских империалистов. Ту же задачу выполняет и Международное бюро труда при Лиге наций, в котором представлены, помимо предпринимательских объединений и правительств разных стран, лидеры реформистских профсоюзов, столь рьяно защищающие интересы империалистов. Вот почему в рецензируемом годовом обзоре, как впрочем и во всех предыдущих, так много упоминаний о деятельности правительств, предпринимательских организаций и, конечно, реформистских профсоюзов и довольно мало указаний о действительном положении пролетариата в капиталистических странах. Но как бы ни изощрялось Международное бюро труда в обходе «скользких» данных о фактическом положении трудящихся, ему не удается полностью скрыть процесс обнищания широких масс, который столь усилился в период войны.

В рецензируемой книге дается обзор мирового хозяйства за 1939 г. и первый квартал 1940 г. В странах капитализма весь этот период прошел под знаком деятельной подготовки к войне, а затем постепенного развертывания ее. Согласно оценке государственного секретаря США, данной в обзоре, к началу 1940 г. в воюющих и некоторых нейтральных странах под ружьем находилось 25 млн. человек; в производстве необходимой им амуниции было занято около 75 млн. человек. Текущие расходы на ведение войны оценива-

ются в размере не меньше половины национального дохода воюющих стран. Подготовка к войне и ведение ее сопровождалось, как отмечено в обзоре, повышательным движением цен не только стратегического сырья, но и продуктов питания, несмотря на попытки отдельных правительств контролировать цены некоторых товаров на внутреннем рынке.

Авторы обзора вынуждены констатировать создавшуюся в ряде стран угрозу инфляции, тем более что дефицит государственного бюджета во многих капиталистических странах резко возрос. Последнее обстоятельство повлекло за собой сокращение государственных расходов на «мирные» потребности населения, и в первую очередь — на социальные нужды широких масс.

Сильно изменился размер и характер внешней торговли воюющих и нейтральных стран. Она подверглась строгому правительственному контролю, а впоследствии на ней отразилась военная блокада. Уже первый месяц военных действий вызвал сокращение физического объема внешней торговли в некоторых странах примерно наполовину (Голландия, Румыния и др.).

Непосредственно перед возникновением войны вмешательство государства в хозяйственную жизнь приняло очень широкие размеры в большинстве европейских стран. Был организован контроль над транспортом (для обеспечения передвижения войск); стала подвергаться все большому «регулируванию» банковская система — для борьбы с отливом золота и девиз и в целях подготовки почвы для будущих военных займов; установлен был контроль над промышленностью и т. д. Авторы обзора делают характерное признание, что этот контроль часто устанавливается через «организации производителей» или «сбытовые организации», проще говоря — через монополистические объединения капитала. Авторы считают, что все указанные мероприятия, а так-

же бурно возросшие военные расходы «не преминут сказаться» на жизненном уровне массы населения. Они «забывают», что последствия этой политики империалистических стран уже сказались в резком ухудшении положения пролетариата. Международное бюро труда само приводит в своем обзоре ряд фактов, свидетельствующих об этом ухудшении.

Из отрывочных данных, приведенных в рецензируемой книге, видно, что по крайней мере в 14 странах рабочее время удлинилось. Новые распоряжения и законы дали возможность в 1939 г. фактически удлинить рабочее время во Франции, Англии, Германии и других капиталистических странах до 60 час. в неделю и выше. Даже для женщин и детей была установлена 57—60-часовая рабочая неделя. В Японии рабочий день был «ограничен» с 1 мая 1939 г. 12 часами, и то только в некоторых отраслях промышленности (в металлургии, машиностроении и металлообработке); в прочих же отраслях, и в особенности в мелкой промышленности, рабочий день был значительно длиннее. Характерно, что и в угольной промышленности в ряде стран (Франция, Германия) установлена рабочая неделя в 52,5 час. Даже в США, как указывают авторы рецензируемой работы, в некоторых отраслях применяется в течение ряда месяцев 12-часовой рабочий день (притом без выплаты сверхурочных), как, например, в сахарной промышленности Луизианы, в лесной промышленности северных штатов, на табачных складах и др.

Авторы отмечают также, что в ряде стран соответственным правительственным органам были даны полномочия для отмены воскресного и праздничного отдыха (Франция, Германия, Япония, Испания, Румыния) и для отмены отпусков (Франция, Германия, Венгрия).

Ухудшение условий труда сильно сказалось на состоянии здоровья рабочих. Международное бюро труда вынуждено признать, что условия труда во время войны вызвали сильный рост травматических и профессиональных заболеваний в Японии, Великобритании и других странах. Что касается, в частности, такой социальной болезни, как туберкулез, то последняя значительно распространилась в ряде стран еще до войны. Последние обследования показали сильное увеличение заболеваний от туберкулеза во Франции (в металлургии и горной промышленности), в США (среди меховщиков), в Австралии и др. Ухудшение условий труда и питания с начала войны еще больше способствовало росту туберкулеза среди различных слоев рабочих.

Авторы рецензируемой книги признают, что травматизм и заболеваемость в период современной империалистической войны принимают более широкие размеры, чем в войне 1914—1918 гг. Это связано с нарушением вентиляции и более частым пользованием искусственным светом, что вызывается условиями воздушной войны.

Авторы рецензируемой книги довольно подробно описывают изменившиеся условия применения женского труда. Женщины стали все более вовлекаться в производство, особенно с начала войны. Но наряду с этим в некоторых отраслях хозяйства стал наблюдаться сильный рост безработицы среди женщин (в домашнем услужении, в розничной торговле, среди работников гостиниц и др.). Большую роль сыграла здесь и эвакуация населения из многих крупных центров. Констатируя значительные размеры безработицы среди женщин в капиталистическом мире, авторы вынуждены признать, что в СССР женщине предоставлена широкая возможность принимать участие во всех отраслях хозяйства, даже там, где раньше работали исключительно мужчины (машинисты паровозов, кочегары, металлурги и т. п.), и что женщины вовлекаются в стахановское движение.

В период войны в капиталистических странах все в большей мере стал применяться и детский труд, причем в ряде случаев нарушается возрастной предел, установленный законодательством отдельных стран (Великобритания, Германия, Франция, Бельгия).

Как уже было отмечено выше, условия войны сильно сказались на социальном законодательстве. Особенно отразились они на социальном страховании разных стран, которое, по осторожному выражению Международного бюро труда, испытало «затруднения к дальнейшему прогрессу». Ряд ухудшений в этой области наблюдался во Франции. Говоря об СССР, авторы не могли не отметить широкий размах социального страхования в нашей стране, где застрахованы все рабочие и служащие, взносы по страхованию производятся только предприятиями и учреждениями по месту работы застрахованных и бюджет по социальному страхованию достиг в 1939 г. 7,2 млрд. руб. (против 6,2 млрд. руб. в 1938 г.).

В разделе, трактующем вопросы использования рабочей силы, отводится очень скромное место описанию различных видов принудительного труда, применяемого воюющими и нейтральными странами. Международное бюро труда предпочитает поменьше останавливаться

на вопросе, в связи с которым уже никак нельзя говорить ни о «прогрессе» законодательства ни о «тенденциях к улучшению условий труда».

В рецензируемой работе затронут также вопрос о положении крестьянства в отдельных странах. С одной стороны, в воюющих странах все более строго регламентируются условия производства в сельском хозяйстве, причем в ряде случаев крестьяне, как и наемные рабочие в этой отрасли хозяйства, фактически прикреплены к месту своей работы. С другой стороны, в ряде стран сельское население не находит достаточного применения своему труду. Интересен в этом отношении пример США. Как указывают авторы, численность сельскохозяйственного населения США приблизилась к 1 января 1939 г. к рекордной цифре 1910 г.; индекс же занятых в сельском хозяйстве оказался к этому времени самым низким за последние 15 лет, достигнув лишь 73% среднего уровня 1910—1914 гг.

Одним из наиболее подробных разделов в рецензируемой работе является глава, посвященная колониальному труду — труду «туземцев» (по выражению Международного бюро труда). На положении последних отразился возросший спрос империалистических держав на сырье и продовольствие в связи с подготовкой к войне и ведением ее. Это обстоятельство имело своим последствием привлечение все большего количества «туземцев» к обслуживанию европейских и иных эксплуататоров, интенсификацию труда нанимаемых рабочих и членов их семей, удлинение рабочего времени, увеличение сроков заключаемых контрактов (три года и более). Тяжелое положение «туземцев» усугубляется еще тем, что европейскому эксплуататору всячески способствует администрация колоний, которая обязана «оказать максимальное содействие европейским предприятиям» (стр. 334).

Международное бюро труда не считает нужным отметить, что труд «туземцев» во многих случаях носит принудительный характер, а иногда протекает в условиях полнейшего рабства. Бюро только подчеркивает, что европейцам не всегда удается привлечь необхо-

димую рабочую силу без «преодоления некоторых трудностей» (например, в Южной Родезии). «Туземцы» эксплуатируются не только на своей родине. Многочисленные группы жителей колоний направляются в Европу и в качестве солдат и для обслуживания преимущественно сельского хозяйства воюющих стран (Англия, Франция). В различных колониях (например, в Южно-Африканском союзе) организовано много всяческих вербовочных бюро, которые разными способами привлекают «туземцев» для работы на европейских предприятиях.

В заключение интересно отметить следующее характерное признание авторов рецензируемой работы. Говоря об изменениях условий труда в капиталистическом мире, как известно ухудшившихся с начала европейской войны, Международное бюро труда с особым усердием расхваливает лидеров желтых профсоюзов. Оно неоднократно подчеркивает, что лидеры реформистских профсоюзов действовали в самом тесном контакте с объединениями предпринимателей и с правительствами капиталистических стран. Это признание, несомненно, очень ценно. Недаром члены профсоюзов ответили на такую «деятельность» своих лидеров массовым отливом из реформистских профессиональных организаций. Само Бюро труда приводит данные о резком уменьшении числа членов Международного объединения профсоюзов (реформистских): в течение одного года — с 1 января 1939 г. по 1 января 1940 г. — оно сократилось на целую треть (с 21,1 млн. до 14,2 млн.). Не случайно Международное бюро труда совершенно обходит вопрос о той борьбе, которую ведут профсоюзные массы против развернутого наступления капиталистов и их приспешников на жизненный уровень рабочего класса: стачечной борьбе пролетариата не посвящена в рецензируемой работе ни одна страница, ни одна таблица, несмотря на то, что эта борьба была массовой и грозной в разных странах в 1939 г. и даже в начале 1940 г. (Англия). Это упущение вполне естественно в работе Международного бюро труда, все усилия которого направлены к достижению «социального мира» в странах капитала.

НОВЫЕ КНИГИ

(Краткие аннотации)

СПРАВОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Рудный Алтай. Библиографический указатель литературы. Алма-Ата. Казгосиздат, 1940, стр. 56. (Казахск. гос. публичн. б-ка им. А. С. Пушкина), тир. 285, б. ц.

Указатель является дополнением к выпущенному в 1936 г. Академией наук СССР труду: «Материалы для библиографии Алтайско-Иртышского района», вошедшему в третий том сборника «Большой Алтай». Указатель состоит из следующих разделов: география — флора — фауна — климат; история и археология; вопросы организации и руководства; геология рудного Алтая; горная промышленность и энергетика, транспорт, сельское хозяйство; культура, быт, здравоохранение. Указатель рассчитан в основном на специалистов, но может быть полезен также для хозяйственных, партийных и советских работников, интересующихся рудным Алтаем.

Указатель литературы по торговле. Октябрь — декабрь 1939 г., Л. 1940, стр. 124. (Ленингр. ин-т советской торговли им. Фр. Энгельса. Фундаментальная б-ка), тир. 250, бесплатно.

Указатель состоит из двух частей. В первой части дана русская книжная и журнальная литература по следующим разделам:

1. экономика и планирование торговли, 2. организация и техника торговли, 3. учет и отчетность, 4. товароведение, 5. рецензии и библиография. Во второй части дана иностранная литература по тем же разделам, за исключением пятого, где даны аннотации только на книги, поступившие в библиотеку Ленингр. ин-та советской торговли им. Фр. Энгельса. В конце книги имеется список периодических изданий, использованных при составлении Указателя.

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕТ

ТИСАРЕВ И. Ю., РЯЗОВ Н. Н., ТИТЕЛЬБАУМ Н. П. Курс торговой статистики, изд. 2-е, перераб., М.-Л., Госпланиздат, 1940, стр. 159, тир. 4 000, ц. 5 р.

Книга охватывает предмет и задачи статистики советской торговли и рассказывает об истории и современной организации статистики внутренней торговли в СССР. Работа знакомит

со статистикой розничной и оптовой торговли, колхозной базарной торговли и общественного питания. Отдельные главы посвящены статистике труда, издержек обращения и статистике цен советской торговли. Книга предназначена в качестве учебного пособия при прохождении курса статистики торговли в экономических высших учебных заведениях, а также на заочных и других курсах.

БЫЗОВ Л. А. Графические методы в статистике, планировании и учете. Пособие для экономических высших учебных заведений и для самообразования. Предисл. акад. С. Г. Спрумилина, М.-Л. Госпланиздат, 1940, стр. 244, тир. 5000, ц. 11 р.

Книга состоит из двух частей. Первая часть знакомит с элементами теории графирования. Вторая дает графический анализ статистических и планово-учетных данных.

Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М.-Л. Госпланиздат, 1940, стр. 258. (Центр. Упр. Нар. Хоз. учета Госплана СССР), тир. 3000, ц. 20 р. в пер.

Сборник посвящен характеристике важнейших сторон культурного строительства СССР. Публикуемые в сборнике данные отражают достижения нашей страны к началу третьей сталинской пятилетки в области всеобщего школьного обучения, подготовки кадров, массовой политико-просветительной работы, искусства и печати. В сборнике систематизированы отчетные данные наркомпросов Союзных республик, специальных комитетов и различных организаций, возглавляющих отдельные виды культурной деятельности, а также данные специальных обследований, проводившихся ЦУНХУ Госплана СССР и его местными органами. В вводной части приведены итоги переписи населения 1939 г. по численности, грамотности и образованию. В конце сборника особым добавлением даны краткие итоги культурного строительства по материалам учета 1939 г. Везде, где это представлялось возможным, для сопоставления приведены данные о дореволюционном состоянии тех или иных отраслей культурного строительства.

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

КОСТАРЕВ Л. С. Специализация и размеры социалистических сельскохозяйственных

предприятий. М. Тимирязевская с.-х. академия, 1940, стр. 36, тир. 500 экз., бесплатно.

Брошюра знакомит с основными принципами специализации и размещения сельского хозяйства в СССР, с изменениями, происшедшими в размещении за годы сталинских пятилеток; в брошюре приводятся показатели специализации сельскохозяйственных предприятий в условиях, определяющие их размеры.

КОСТАРЕВ Л. Организация средств производства в совхозах, МТС и колхозах. М. Изд-во Моск. с.-х. академии им. Тимирязева, 1940, стр. 84, тир. 400 экз., бесплатно.

Книга рассказывает читателю о роли орудий в с.-х. производстве, об итогах и задачах механизации сельского хозяйства, о сочетании в последнем машинной и живой тяги; книга знакомит с организацией ремонта и ухода за машинами и орудиями. Особые главы посвящены организации нефтехозяйства и возведению с.-х. построек.

ШКОБИН П. Л. Организация и оплата труда в МТФ. М. Сельхозгиз, 1940, стр. 112 с илл., граф. и схем., тир. 30 000 экз., ц. 2 р. в пер.

В настоящей книге освещен опыт работы участников ВСХВ — молочно-товарных ферм колхозов «Красный Октябрь», Холмогорского района, Архангельской обл., «Красный коллективист», Некрасовского района, Ярославской обл., «Локу», Красногвард. района, Ленинградской обл., «Красная Заря» и им. Буденного, Луховицкого района, Московской обл. и других колхозов. На основе опыта работы этих ферм и их лучших стахановцев книга показывает, как надо организовать борьбу за высокие удои, за сохранение молодняка и полное использование молочного стада. Особое внимание уделено вопросам организации и оплаты труда работников МТФ.

АЛАШКИН Е., ЗУЙКОВ Г., КУРДИН А. Первые ефремовцы Иркутской области. Иркутск. Иркутск. обл. изд., 1940, стр. 82 (К Всес. с.-х. выставке), тир. 5 000, ц. 1 р. 05 к.

Книга рассказывает о зарождении ефремовских звеньев, об их борьбе за высокий урожай, об организации работы постоянных звеньев.

ЧИЖЕВСКИЙ И. Б., ГАВРИЛОВ В. А. Звеньевая организация труда в колхозах. Под ред. З. И. Степановой и М. И. Козлова. Калинин. Калининск. обл. литературное изд-во, 1940, стр. 62, тир. 3000, ц. 1 р. 20 к.

Книга освещает основные вопросы организации труда в льноводных колхозах, рассказывает о значении звеньевой организации, о принципах создания звеньев, их размере и составе, о закреплении за звеньями участков, планировании их работы, расстановки колхозников на сельскохозяйственных работах и правильно использовании рабочего времени.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ВОЛГИН В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М.-Л. Изд. Акад. наук СССР, 1940,

стр. 192. (Академия наук СССР, Институт истории), тир. 3000, ц. 8 р., библиография.

Книга состоит из следующих глав:

1. идеализация буржуазного порядка, 2. теория мелкобуржуазного равенства, 3. критика экономического либерализма, 4. коммунистические идеи и кооперативные проекты, 5. политические традиции и «просветительный абсолютизм», 6. теория ограниченной монархии, 7. демократическая теория, 8. буржуазный радикализм накануне революции.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ВИЗЕ, Ю. В. Северный морской путь. Л.-М. Изд-во Главсевморпути, 1940, стр. 93, с карт., тир. 10 000, ц. 3 р. 50 к. пер. 1 р. 50 к.

Первая половина книги посвящена этапам завоевания Северного морского пути. В ней рассказывается о возникновении самой идеи открытия Севморпути, о первых плаваниях на отдельных его участках и первых попытках сквозного плавания. Вторая половина книги говорит об окончательном завоевании Севморпути, о походах «Сибирякова», «Челюскина» и «Литке». Эта часть работы знакомит с началом эксплуатации пути, с операциями на отдельных его участках. В последней главе намечаются ближайшие задачи по дальнейшему освоению Севморпути, созданию мощного северного флота, приспособленного для эксплуатации в ледовых условиях, устройству шторгов и угольных баз, строительству авиабаз и аэродромов для ледовых разведок. К книге приложена хронологическая таблица главных этапов завоевания Северного морского пути.

Научная конференция по изучению и развитию производительных сил Воронежской области. Тезисы докладов. Воронеж, издание ВГУ, 1940, стр. 154 (Воронежский гос. ун-т), тир. 700, бесплатно.

В книге даны тезисы следующих докладов:

1. Ближайшие задачи изучения и освоения минеральных ресурсов Воронежской области. 2. Железные руды Курской магнитной аномалии и Липецкого района, как база развития черной металлургии. 3. Перспективы развития химической промышленности и задачи научно-исследовательской работы. 4. Перспективы развития пищевой промышленности. 5. Использование местных топлив и других энергетических ресурсов. 6. Повышение урожайности технических и кормовых культур. 7. Развитие социального животноводства.

САМАРИН Г. и АНТОНОВИЧ В. Дальний Восток ждет переселенцев. М. Сельхозгиз, 1940, стр. 112, с иллюстр. и карт. (Всес.-х. выставка), тир. 30 000, ц. 1 р. 45 к.

Брошюра представляет собой краткий очерк о всей дальневосточной переселенческой зоне. Здесь рассказывается о перспективах, открывающихся перед переселенцами. Составители брошюры — работники павильона «Дальний Восток» на ВСХВ. Очерк «Края несметных богатств и грандиозных перспектив» написан Г. А. Самаринным, использовавшим для этой цели материалы павильона, а

также статьи и корреспонденции, опубликованные в центральной и местной дальневосточной печати.

ФРЕЙДИН И. Л. Советская Чувашия. М. Соцэкгиз, 1940, стр. 111, с карт., тир. 20 000 экз., ц. 2 р. 75 к.

ПОБЕДОНОСЦЕВ А. Черкесия. М. Соцэкгиз, 1940, стр. 92 с карт., тир. 10 000 экз., ц. 2 р. 50 к.

АНИСИМОВ С. С.— Сванетия. М. Соцэкгиз, 1940. 116 стр., с карт., тир. 10 000 экз., ц. 2 р. 50 к.

В книгах описаны природные условия, историческое прошлое и успехи в хозяйственном и культурном строительстве, достигнутые в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики.

20 ЛЕТ ТАТАРСКОЙ АССР (1920—1940). Под ред. Зайцева А. И. и Якимова П. А., Казань, Татиздат, 1940, стр. 188, тир. 5 070, ц. 3 р. 75 к., в пер.

Сборник посвящен 20-летию Советского Татарстана. Читатель знакомится с историей образования Татарской АССР, с ее достижениями в области хозяйственного и культурного строительства. Сборник составлен авторским коллективом.

СТРУДЗЮМОВ Н. Туркменская АССР. (Полит.-экон. очерк). М. Соцэкгиз, 1940, стр. 88, с иллюстр. и карт., тир. 20 000, ц. 1 р. 25 к., пер. 1 р.

В книге дано краткое описание природных условий Туркмении, исторического прошлого туркменского народа и блестящих успехов, достигнутых им в борьбе за экономическое и культурное развитие Туркменской ССР.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Организация многостаночного обслуживания на заводах машиностроения и судостро-

ения. Под ред. П. В. Васильева. Л. 1940. 116 стр. с иллюстр., черт. и схем. (Ленингр. пром. академия им. И. В. Сталина, н.-п. сектор, кафедра организации производства и кафедры холодной обработки металлов, тир. 400 экз., б. ц., на правах рукописи).

Работа выполнена научными сотрудниками кафедр организации производства и холодной обработки металлов, при участии студентов-отличников учебы, и представляет собой обобщение опыта многостаночников ряда ленинградских машиностроительных заводов. Книга рассчитана в основном на инженерно-технических работников и студентов вузов, изучающих условия и методы организации многостаночного обслуживания.

ПЕРЕВЕРЗЕВ Г. Н., ГИНЗБУРГ Л. Д., РУБИН М. А. и КУКУЛЕВИЧ И. Л. Планирование и анализ трудовых показателей. М.-Л. Гизместпром РСФСР, 1940, стр. 230, тир. 3000, ц. 10 р., пер. 1 р.

Книга состоит из двух частей: «Планирование трудовых показателей» и «Анализ трудовых затрат». В приложениях даны постановления СНК СССР, приказы и выписки из инструкций Госбанка по вопросам расходования фондов заработной платы.

ГУРИН Л. Е. Организация заработной платы и вопросы планирования труда. Л., 1940, стр. 92, со схем. (Ленингр. ин-т повышения квалификации ИТР и хозяйственников НКПС), тир. 500, бесплатно.

Книга рассказывает о системах оплаты труда в капиталистических странах и в СССР; она знакомит с организацией заработной платы на предприятиях СССР, с тарифной сеткой и тарифными ставками. Особые главы посвящены вопросам планирования труда и заработной платы.

В Институте экономики АН СССР

30 сентября и 1 октября 1940 г. состоялось заседание Ученого совета Института экономики Академии наук СССР совместно с активом Института. В повестке дня было обсуждение отчета директора Института о ходе выполнения плана научно-исследовательских работ за 1940 г. и о плане работ Института на 1941 г. Докладчик и 18 выступавших товарищей остановились главным образом на недостатках работы Института. Подчеркивалось, что Институт не подготовил ни одной работы, которая могла бы быть выдвинута на стalinскую премию. Работы научных сотрудников, как правило, не ставят новых крупных народнохозяйственных проблем, не обращены выводами к практике. Основные причины этого — недостаточная квалификация части научных работников, неумение применить творчески метод диалектического материализма в повседневной работе, слабая связь с жизнью

заводов, колхозов. В докладе приводилось много примеров конкретных ошибок, небрежностей, недостатков в работе отдельных научных сотрудников. Много внимания было уделено недостаткам в руководстве секторами Института (слабость работы с активом, отсутствие развернутой самокритики, неумение вовремя поднять новые вопросы, недостаточно высокое качество редактирования и подготовки работ к печати).

Основное внимание Института в 1941 г. должно концентрироваться: 1) на разработке проблем экономического районирования, 2) на изучении проблем социалистической организации труда и воспроизводства рабочей силы. В план работ включены также проблемы комплексного развития хозяйства колхозов.

Ряд выступавших товарищей выразил желание, чтобы Институт включился в подготовку научных сборников к 25-летию Советской власти.

* * *

Вышла из печати работа Института экономики АН СССР — «Развитие советской экономики» (Соцэконгиз, М., 1940, тир. 25 000, стр. 663. Под ред. А. А. Арутюняна и Б. Л. Маркуса. Утверждено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономических вузов).

Сборник написан авторским коллективом в лице гг. И. А. Андришпилна, А. А. Арутюняна, З. В. Атласа, И. М. Бровера, Я. Ф. Бумба, А. А. Караваева, М. И. Клубанкина, И. И. Узымянова, Э. Ю. Локшпина, И. С. Меренкова, И. М. Михеева, М. А. Савельева, Я. Г. Фейгина, Д. И. Черномордика и Д. Т. Шепилова.

Книга построена в соответствии со сталинской периодизацией истории ВКП(б). Здесь даются материалы об экономическом развитии СССР и дается освещение экономической политики ВКП(б) и Советской власти. В ней поставлены и разобраны основные теоретические проблемы политической экономии диализма.

Книга открывается введением, где дана характеристика экономики России перед империалистической войной и в годы войны. В каждом из шести последующих разделов, посвященных отдельным периодам развития советской экономики, дается вначале общая характеристика экономики периода, а затем фактический обзор и теоретический анализ важнейших хозяйственных мероприятий партии и Советской власти как по отдельным отраслям (промышленность, сельское хозяйство, финансы и т. д.), так и по народному хозяйству в целом. В книге показано, как партия на различных этапах мобилизовала массы на разрешение основных хозяйственных задач, стоящих перед страной.

Книга заканчивается освещением проблем, связанных с решением основной экономической задачи СССР. Фактический материал доведен до наших дней.

Книга рассчитана на подготовленного читателя и может оказать помощь активу, изучающему историю ВКП(б), политическую экономии социализма, экономическую политику Советской власти и историю СССР.

Ответственный редактор Б. Л. МАРКУС

С о д е р ж а н и е

- Б. Маркус — Социалистическое воспроизводство рабочей силы и ее использование
Л. Фрейман — Проблема рабочей силы в период второй империалистической войны
А. Ноткин — Соотношение средств производства и предметов потребления . .
А. Лябкинд — Сочетание отраслей и использование трудовых ресурсов в колхозах
Ф. Михалевский — Золото в первой империалистической войне
Л. Мендельсон — Предистория циклических кризисов

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

- А. Боярский — Советское плановое хозяйство и закон больших чисел . . .

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- И. Блюмин — Историческая школа в политической экономии

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Сидоров — Ценная книга по истории народного хозяйства СССР
Л. Ф. — Из иностранной экономической литературы
Новые книги

ХРОНИКА

- В Институте экономики АН СССР

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В № 8

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
65	37 снизу	1938 г.	1928 г.
88	30—31 сверху	«Третьего	«Второго

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В № 9

40	4 сверху	непосредственно или	непосредственно потреблены или
162	13 снизу	«капитализма»	капитализма»

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. К 1-25-81

Сдано в набор 14/IX 1940 г. Подписано к печати 6/ХІ 1940 г. Формат 70 × 108 Объем 10 г
Соцэкгиз № 35. Заказ тип. № 1262. А3
Тираж 9950 экз. Техническое оформление И. Широ